

Владимирский государственный университет

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТRENДЫ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Монография

Владимир 2022

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Монография

Электронное издание

Владимир 2022

ISBN 978-5-9984-1588-3

© ВлГУ, 2022

© Авторский коллектив, 2022

УДК 340.12

ББК 67.0

Авторы-составители: *Третьякова О. Д.* (гл. 3, §§ 3.2 – 3.5, гл. 4, §§ 4.1 – 4.9, заключение), *Чердаков О. И.* (гл. 1, §§ 1.1 – 1.5), *Борисова И. Д.* (гл. 2, §§ 2.1 – 2.4), *Ростовщиков И. В.* (гл. 3, § 3.1), *Головкин Р. Б.* (введение, гл. 3, §§ 3.2, 3.3, гл. 4, §§ 4.2 – 4.9), *Кужеков А. Ю.* (гл. 3, § 3.5), *Петрова И. Л.* (гл. 4, §§ 4.5, 4.9), *Кузьмин И. М.* (гл. 4, § 4.3), *Манохин В. С.* (гл. 4, § 4.6), *Митропан И. Ю.* (гл. 3, § 3.4)

Рецензенты:

Доктор юридических наук, доцент
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
Владимирского юридического института ФСИИ России

Д. А. Ерин

Доктор юридических наук, доцент
председатель первого судебного состава по рассмотрению
гражданских дел в апелляционном порядке Владимирского областного суда

П. А. Якушев

Историческая обусловленность и перспективные тренды современного правового регулирования [Электронный ресурс] : монография / О. Д. Третьякова [и др.] ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. – 276 с. – ISBN 978-5-9984-1588-3. – Электрон. дан. (2,15 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Настоящее издание посвящено изучению наиболее общих закономерностей исторического формирования отечественного государства, а также влиянию данных процессов на современное правовое регулирование деятельности государства и его взаимодействия с населением страны. Выявляются и разрабатываются перспективные тенденции совершенствования правового регулирования с учетом цифровизации права и общественных отношений, а также необходимостью правового регулирования генной инженерии, использования искусственного интеллекта в организации и деятельности государственного управления правоотношениями. Представляет собой коллективный труд, сформированный с учетом ранее опубликованных авторами исследований, которые основаны на практическом опыте правового регулирования в различных сферах общественных отношений в том числе в исторической ретроспективе и разработке технологий правового регулирования будущего.

Предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов вузов всех форм обучения направления подготовки «Юриспруденция», а также для всех интересующихся правовой наукой.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Табл. 3. Библиогр.: 125 назв.

ISBN 978-5-9984-1588-3

© ВлГУ, 2022

© Авторский коллектив, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Государство и право Советской России в 20 – 30-е годы XX века.....	10
1.1. Государство и право в теоретической модели классиков марксизма-ленинизма	10
1.2. Трансформация идеологии большевиков в 20 – 30-е годы XX века.....	33
1.3. Идеология «чрезвычайщины» и революционной законности как основа большевистской правоохранительной политики в 20 – 30-е годы XX века	40
1.4. Основные аспекты уголовно-правовой политики советской власти после Октябрьской революции	56
1.5. Идеология «целесообразности» как форма проявления законности в Советском государстве в 20 – 30-е годы XX века.....	76
Глава 2. Юридическая геополитика Советского государства в 1920-х годах.....	93
2.1. Общая характеристика юридической геополитики Советского государства в 1920-х годах.....	93
2.2. Юридическая геополитика Советской России в отношении Турции в 1920-х годах.....	96
2.3. Правовые формы возобновления коммерческих связей между рынками стран Ближнего Востока и Советского государства (1917 – 1922 годы).....	103
2.4. Правовые формы организации международной торговли СССР и Египта в условиях отсутствия официальных государственно-правовых отношений в 1920-х годах.....	112

Глава 3. Современное правовое регулирование	122
3.1. Генезис современного правового регулирования в обеспечении прав и свобод личности в Российской Федерации.....	122
3.2. Письма и распоряжения в современном механизме правового регулирования	156
3.3. Правовое регулирование – мыслимая абстракция.....	163
3.4. Проблемы правового регулирования обязанностей в организации выборов и реализации избирательных прав	169
3.5. «Духовные» нормы религии и криминала в механизме правового регулирования.....	175
Глава 4. Тенденции развития правового регулирования	182
4.1. Процессы дивергенции в современном правовом регулировании России.....	188
4.2. Юридическая техника цифровизации правового регулирования	199
4.3. Цифровая реализация законодательства.....	205
4.4. Перспективы формирования единого цифрового пространства ЕАЭС	214
4.5. Юридическая терминология в условиях цифровизации правового регулирования.....	222
4.6. Процессы цифровизации в правовом регулировании образовательных отношений	227
4.7. Правовое регулирование и квантовые технологии.....	233
4.8. Элементы организации правового регулирования с использованием искусственного интеллекта.....	242
4.9. Юрислингвистическая регулятивная характеристика скрытых угроз в цифровом пространстве	251
Заключение	260
Библиографический список	265

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено актуальной теме как в теоретическом, так и практическом плане. Правовое регулирование неоднократно становилось предметом научных исследований различного уровня – от тезисов до докторских диссертаций. Тем не менее развитие системы государственно-правового воздействия, взаимодействие ее элементов между собой и всей системой в целом, а также скачкообразное развитие науки, техники, общественных отношений, порождает новые взгляды на ретроспективу, перспективу и современное правовое регулирование. Следовательно, требуются и новое научное осмысление данных процессов и выработка на этой основе новых парадигм технических и практических алгоритмов обеспечения устойчивости правового регулирования общественных отношений.

В книге обосновывается базовый характер правового регулирования прошлого для современного и будущего правового регулирования. Действие права как социальный феномен социально-правовой действительности проявляется в различных формах и объективируется в деятельности участников общественных отношений. Характер, масштаб и направление правового регулирования во многом определяются не только степенью совершенства юридических норм и их плановой реализации, но и особенностями технологии регулирования поведения в целом и спецификой факторов, обеспечивающих реализацию права. Правовое регулирование – это сложное многоуровневое и многогранное явление, включающее в себя различные элементы и процессы, призванные выполнять основное назначение права – упорядочение отношений между людьми в государственно-организованном обществе.

Вместе с тем законодательство не всегда реализуется в соответствии с планируемым результатом, так как неуклонно возрастает доля

противоправных деяний. Данная тенденция в правовом регулировании во многом детерминируется не только политическими, экономическими и духовными изменениями в российском обществе, но и спецификой юридической техники обеспечения прав человека, процессами конвергенции и дивергенции права.

Деятельность современного государства осуществляется с учетом тенденций, которые присущи мировому сообществу. Интеграция мировой экономики, основанная на жесткой дезинтеграции и конкуренции, разделении рынков (сырья, сбыта, труда), требует учета конвергенции и дивергенции права и его элементов при взаимодействии правовых систем между собой и взаимодействии их внутренних элементов.

Международный характер права является внешним обстоятельством, обуславливающим факторы сближения (конвергенции) государств и народов, их экономик, культур и идеологий. Одновременно национальное самосознание, традиционная самобытность, требуют противоположных векторов взаимодействия в виде дивергенции.

Процессы цифровизации, облегчая взаимодействие общества с государством, в том числе в процессе правоприменения («Электронное правительство» и т. п.), затрагивают проблемы непосредственного влияния на сознание и подсознание людей неконтролируемого публичной властью контента (в том числе социальных регуляторов, прямо запрещенных нормами права), соотношения свободы слова и защиты частной жизни, конфиденциальности личных данных и другие. Возникают многочисленные вопросы в правоприменении, связанные с новыми цифровыми объектами и цифровыми правами.

В настоящее время отсутствует теоретически обоснованный и практически реализуемый системный подход к выявлению, учету, оценке, использованию конструктивного потенциала интеграционных и дезинтеграционных процессов в системе правового регулирования.

Изложенные обстоятельства указывают на актуальность комплексного теоретико-правового исследования правового регулирования с учетом его исторической обусловленности и трендов развития, онтологии, содержания, механизма действия нормативных правовых

актов, способствующих реализации прав и законных интересов граждан и организаций и направленных на укрепление основ конституционного строя и правопорядка.

Таким образом, в основе монографического исследования лежит фундаментальная доктринальная и практическая проблемы интеграции ретроспективного правового регулирования и выработка на этой основе перспектив развития данного явления.

Цель исследования – формирование основ общей теории интеграции ретроспективных, адекватных и перспективных элементов правового регулирования, разработка теоретических взглядов и исходных научных положений, позволяющих раскрыть онтологию, содержание, механизм триединого правового регулирования, способствующих реализации прав и законных интересов участников общественных отношений при осуществлении ими правомерных действий, а также направленных на предупреждение и пресечение правонарушений, привлечение лиц, их совершивших, к установленной законом ответственности.

Авторы исследования применяли современные методы познания, разработанные теорией права и государства, философией, отраслевыми юридическими науками и апробированные юридической практикой. К общенаучным методам, использованным в исследовании, относятся следующие. Диалектический метод позволил, в частности, рассмотреть исторические аспекты правового регулирования как предпосылки современного и будущего правового регулирования. Метод анализа применялся на каждом этапе исследования, например, при исследовании отдельных форм правового регулирования, элементов механизма формирования тенденций развития правового регулирования. С помощью метода синтеза авторами осуществлялось объединение отдельных научных знаний в единое целое, например, при разработке авторских концепций использования цифровых технологий в урегулировании правоотношений. Метод дедукции позволил сделать выводы посредством логических рассуждений от общего к частному, например, при исследовании способов дезинтеграции норм

отечественного права и правового регулирования Западной Европы и США. С помощью метода абдукции авторами выдвигались и проверялись научные гипотезы.

В работе применялись специальные юридические методы: *сравнительный (компаративистский) метод*, с помощью которого сопоставлялись схожие явления и предметы в законодательстве России и зарубежных государств, в частности, норм, регламентирующих международные санкции, в различных регулирующих системах; *нормативно-догматический метод*, позволивший рассматривать изучаемые правовые предметы и явления как таковые, «в чистом виде», без взаимосвязи с иными предметами и явлениями.

Теоретическую основу работы составили исследования ученых, разработавших фундаментальные категории общей теории права, в том числе в предметных областях правового регулирования и юридической деятельности.

Эмпирическую основу исследования составили исторические и современные международные правовые акты, нормативные правовые акты Российской Федерации, исторические источники права, правоприменительные акты федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и иных органов, нормативные правовые акты зарубежных государств, материалы судебной практики судов всех уровней Российской Федерации, Европейского суда по правам человека. Также использовались результаты социологических исследований и данные судебной статистики.

Научная новизна монографического исследования выражается в разработке концепции интеграции исторических современных и перспективных явлений в правом регулировании. Выявленные методологические, гносеологические, онтологические и аксиологические основания данной концепции позволили решить фундаментальную доктринальную и практическую проблему учета исторической обусловленности и перспективности современного правового регулирования.

В процессе монографического исследования:

- раскрыты закономерности правового регулирования в теоретической модели классиков марксизма-ленинизма;
- определены особенности правового регулирования идеологии «чрезвычайщины» и революционной законности в 20 – 30-е годы XX века;
- разработана концепция реализации правового регулирования идеологии «целесообразности» как формы проявления законности в советском государстве в 20 – 30-е годы XX века;
- смоделирован генезис современного правового регулирования в обеспечении прав и свобод личности в Российской Федерации;
- объективированы процессы дивергенции в современном правовом регулировании России;
- концептуально обоснованы процедуры применения современных средств правового регулирования в виде писем и распоряжений, заявок и т. д.;
- определены интеллектуальные особенности правового регулирования и обеспечения обязанностей личности в различных сферах жизнедеятельности общества;
- выявлены и теоретически обобщены современные тенденции развития правового регулирования в связи с дивергенцией в праве, с использованием цифровых, квантовых технологий и искусственного интеллекта.

В целом поставленные исследовательские цель и задачи выполнены, работа представляет законченное монографическое исследование. Монография может быть полезна при совершенствовании организации правового регулирования в правотворческих органах и правореализующих организациях, а также – в организациях образовательной деятельности и индивидуальном изучении актуальных проблем правового регулирования.

Глава 1. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 20 – 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

1.1. Государство и право в теоретической модели классиков марксизма-ленинизма

Образ государства всегда занимал ведущее место в индивидуальном и общественном сознании. Восприятие государства во всех его проявлениях способствовало появлению различного рода отношений к нему и диаметрально противоположных подходов к определению его роли и назначения. Одни считали государство благом и добром¹, другие видели в нем источник опасности, личной угрозы и зла².

Вокруг проблемы государственного строительства в Советской России в течение XX столетия время от времени возникали острые дискуссии, содержание которых в основном сводится к ответу на два вопроса: почему стало возможным формирование Советского государства? Была ли альтернатива большевистской государственно-правовой и правоохранительной системам?

Однозначно ответить на данные вопросы нельзя, но определить причины, способствовавшие созданию условий для формирования советской государственно-правовой и правоохранительной системы, можно. Для этого необходимо проанализировать политико-правовые концепции, характерные для той эпохи.

Из многообразия существовавших в конце XIX – начале XX века теоретических воззрений по проблемам государственного строительства можно выделить: коммунистические теории К. Маркса и Ф. Энгельса; принятые за основу советского строительства идеи В. И. Ленина; воплощенные в жизнь практические установки И. В. Сталина и его окружения.

Концепция формирования пролетарского государства ярко представлена в теории идеологов коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса. В марксистском учении можно выделить два тезиса. Один – о государ-

¹ Чиркин, В.Е. Элементы сравнительного государствоведения / В.Е. Чиркин; Рос. АН, Ин-т государства и права. – М. : ИГПАН, 1994. – 151 с. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция / Егор Гайдар. – М. : Евразия, 1995. – 206 с.

² См.: Бакунин, М.А. Избранные философские сочинения и письма. – М., 1987. – С. 267-268; Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. – М., 1990. – С. 43-45; Гумбольдт, В. Язык и философия культуры. – М., 1985. – С. 133.

стве, второй – о власти, то есть о диктатуре пролетариата. Они хрестоматийны, и поэтому ограничимся кратким напоминанием их содержания.

Первый тезис можно выразить несколькими цитатами классиков марксизма: «государство есть машина для подавления одного класса другим»¹, «государство – орган, стоящий над обществом»², «государство – это организация имущего класса для защиты от неимущего»³, «с исчезновением классов исчезнет неизбежно государство»⁴.

Второй тезис излагался в контексте теории классовой борьбы. По мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, «только пролетариат представляет собой действительно революционный класс»⁵, а следовательно, именно он может и должен прибегнуть к революционному насилию для «ниспровержения всего существующего общественного строя»⁶. Насилие по отношению к эксплуататорским классам возможно в форме диктатуры пролетариата.

Пролетарское государство по К. Марксу и Ф. Энгельсу – это принципиально новое социальное образование победившего пролетариата, уничтожившего эксплуатацию человека человеком, а вместе с ней и эксплуататорское государство. «Первый акт, с которым государство выступает действительно как представитель всего общества – экспроприация средств производства в пользу всего общества – будет в то же время его самостоятельным последним актом как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса. Государство не будет «отменено», оно отомрет»⁷. Эта же мысль повторяется в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой Ф. Энгельс утверждает, что «общество, которое организует производство на основе свобод-

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1954. – Т. 23. – С. 208.

² Там же. – Т. 24. – С. 22.

³ Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / Ф. Энгельс. - М. : Политиздат, 1989. – С. 119.

⁴ Там же. – С. 201.

⁵ Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1954. – Т. 4. – С. 459.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – Т. 20. – С. 292.

ных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором»¹.

До определенного периода в рамках теории социалистической революции, изложенной К. Марксом и Ф. Энгельсом, роль государства была сведена к «подавлению и насилию», так как государство воспринималось в виде «организованного насилия сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Государство является орудием эксплуатации наемных рабочих капиталистами»². После пролетарской революции роль государства должна была измениться.

Что же предлагалось воспроизвести на месте оставленных социалистической революцией руин буржуазного общества?

Как известно, механизм устройства пролетарского государства К. Марксом и Ф. Энгельсом не был в достаточной степени проработан и детализирован потому, что последние считали государство чуждым и враждебным установлением, несовместимым с правами и свободами индивидуумов и общества в целом. Тезис Ф. Энгельса является ярким тому подтверждением. Он, в частности, писал: «Когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать»³. Перспектива построения нового социального порядка лишь обозначалась ими в ряде работ («Нищета философии», «Манифест Коммунистической партии», «Критика Готской программы», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и др.).

В марксизме нет описания системы государственной власти социалистического общества, не определено, из каких компонентов она складывается, по какому принципу должна формироваться, кто будет представлять пролетариат во властных структурах. Это позволяет предположить, что перспектива создания пролетарского государства для «классиков» была относительно далекой, и все тонкости формирования нового общества ими не разрабатывались.

Основываясь на фундаментальных выводах об антагонизме эксплуататоров и эксплуатируемых, К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к за-

¹ Там же. – Т. 21. – С. 173.

² Там же. – Т. 21. – С. 171-172.

³ Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранные произведения: в 3 т. – М., 1979. – Т. 3. – С. 33.

ключению об особой миссии пролетариата в истории, причем оценка роли пролетарских масс в управлении государством была необъективной. В качестве подтверждения данной мысли можно предложить несколько аргументов.

Во-первых, на этапе низложения буржуазии энергию пролетариата можно было использовать только как разрушительную силу. На роль созидательного класса, способного управлять государством, пролетариат не годился, ибо не был к этому подготовлен в буржуазном обществе. Класс, как известно, управленческие функции исполнять не способен, следовательно, от его имени должны править чиновники, которым делегируются властные полномочия. Так или иначе, место в госаппарате могла занять новая «пролетарская бюрократия» со всеми соответствующими функциями и институтами власти. При этом народ от управления государством удалялся. В конечном итоге так называемая «власть гегемона» неизбежно трансформировалась бы в обычную бюрократическую структуру.

В качестве второго аргумента можно выдвинуть тезис, основанный на исследовании экономической сущности пролетариата. К. Маркс утверждал, что пролетариат – класс наемных работников, лишенный собственности, революционное изменение его статуса уже предполагало передачу ему средств производства, что кардинально меняло его сущность как класса. Из неимущих слоев в результате экспроприации собственности рабочие массы формально превращались в собственников. А это, как известно, выходило за рамки теории, так как собственник не мог быть пролетарием и, следовательно, исполнять роль гегемона в государстве, что в принципе противоречило самой идее о пролетарском руководстве.

В основу третьего аргумента можно положить суждение М. Вебера о том, что всякая власть в конечном итоге имеет тенденцию к бюрократизации¹. Основываясь на его выводах, уместно предположить, что бюрократия представляет угрозу для любого общества, свободы и государства. Следствием стремления рабочего класса устранить «анархию рынка» и поставить социальные процессы под социальный, коллективный контроль станет то, что рабочий класс окажется под властью более могучей и более централизованной бюрократии, чем раньше (имеется в

¹ Зверев, А.Ф. Теория бюрократии: от М. Вебера к Л. фон Мизесу // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 2. – С. 89.

виду буржуазная бюрократия). Если развитие бюрократических структур в любом обществе неизбежно и не зависит от способа производства, а также государственного устройства, то марксистская идея об особой миссии пролетариата ошибочна. Так или иначе, власть пролетариата трансформируется во власть бюрократов от пролетариата.

Необходимо отметить, что проблема бюрократии в теории марксизма в дореволюционный период не занимала достойного места, она приобрела актуальность лишь в связи с практическим воплощением теории в практику после Октября 1917 г. Однако данный вопрос еще в середине XIX века затрагивался теоретиком анархизма М. А. Бакуниным¹. Критикуя социалистические теории, он высказал суждение «о неизбежном перерождении в бюрократические структуры, далекие от рабочего класса, тех выходцев, которые будут править государством от его имени»².

Спецификой становления Советского государства можно считать тотальную бюрократизацию всего общества, проявляющуюся в виде зарождения нового «административного класса», который формировался как костяк социалистической государственности. Особенность бюрократической машины советского образца состояла в том, что этот институт по форме создавался как демократический (в лице Советов), а по содержанию – как партийно-номенклатурный (подавляющее большинство управленцев состояли в рядах коммунистической партии). Предполагалось, что можно соединить диктатуру и демократию и получить при этом новую структуру управления государством. В ленинской теории пролетарская демократия являла собой демократию для большинства рабочих и беднейших крестьян, в то время как буржуазная демократия ассоциировалась с демократией для избранных (для класса имущих).

На практике получалось по-иному, хотя советская бюрократия имела существенные отличия от сложившихся европейских буржуазных государственно-управленческих структур.

Во-первых, «пролетарские чиновники» состояли на службе не только государства, но, прежде всего, подчинялись партии, во-вторых, их труд оплачивался как в форме заработной платы, так и в виде получения различных привилегий. Своеобразие содержания бюрократиче-

¹ Бакунин, М.А. Избранные философские сочинения и письма. – М., 1987. – С. 258-274.

² Там же. – С. 258-274.

ского аппарата маскировало их истинное материальное положение, которое по отношению к остальным членам общества резко отличалось в лучшую сторону.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что бюрократия, как болезнь, опасна для создаваемого общественного строя. Однако корни бюрократизма он видел только в наследии старого общества. Причины бюрократизации сводились к людям, склонным к бумаготворчеству, волоките. Проблема, по его мнению, была в старых чиновниках, пришедших в аппараты государства и принесших с собой бюрократические навыки.

Однако на деле рост бюрократизма определялся совсем другими причинами, к которым с известной долей условности можно отнести то, что в новый государственный аппарат влились сотни тысяч людей, не имевших не только специального, но часто и элементарного образования, опыта управленческой, административной работы. Деловые качества таких управленцев, особенно в местном аппарате, были низкими. Техническую работу в комиссариатах, главках, различных комитетах и т.д. выполняли многочисленные полуинтеллигентные слои: конторщики, писари, мелкие чиновники, для которых служба в советских учреждениях была только средством получения продовольственных карточек.

Пытаясь остановить процесс бюрократизации государственного аппарата, В. И. Ленин и его партийные соратники принимали различные меры, в основном административно-приказного характера. Так, постановление Совета Обороны «О борьбе с областничеством и канцелярской волокитой» (от 8 декабря 1918 г.) обязывало все учреждения исполнять распоряжения центральной власти точно и беспрекословно, пресечь тормозящую работу канцелярскую волокиту, заменять переписку переговорами по телефону, обязательно проверять исполнение предписаний и распоряжений.

Опубликованная 9 апреля 1919 г. «Декларация о ближайших задачах ВЦИК» требовала устранить «бумажную волокиту и чиновный формализм» в работе органов Советской власти. Декрет Совнаркома «Об устранении волокиты» от 30 декабря 1919 г. предписывал всем органам власти, всем должностным лицам советских учреждений неукоснительно выполнять постановления VI Всероссийского съезда Советов о точном соблюдении законов, устранении волокиты, быстром и внима-

тельном рассмотрении жалоб граждан, а виновных в несоблюдении постановления карать по приговору народных судов.

Подобных государственных актов было множество, но видимых результатов они не давали. На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. В. И. Ленин был вынужден признать безуспешность всех проводимых «антибюрократических» мер¹.

Борьба с бюрократией в Советском государстве не могла дать положительных результатов, так как существовала монополия партийно-бюрократической номенклатуры на реализацию политической стратегии. Это, в свою очередь, позволяло чиновникам определять кадровую политику на местах, которая основывалась на создании так называемой пролетарской управленческой элиты в форме номенклатуры.

Вряд ли можно согласиться с утверждением М. Левина о том, что монополия бюрократии на власть сложилась спонтанно². С первых дней появления «пролетарского государства» руководство большевиков объявило одним из главных организационных принципов «власти Советов» демократический централизм. По мнению В. И. Ленина, демократический централизм – «панацея от бюрократического централизма и анархического распада», именно он должен был обеспечить местное самоуправление (в лице Советов). Провозгласив демократический централизм, лидер большевиков фактически призвал к формированию строго централизованной административной системы государства, основу которой должен был составить новый управленческий аппарат, впоследствии получивший название «аппарат советских служащих».

В данном контексте уместно воспроизвести слова Людвиг фон Мизеса, который сказал, что «бюрократия сама по себе ни хороша, ни плоха. Она есть метод, который может быть применен в различных сферах человеческой деятельности»³. В сфере деятельности социалистического государства организация и управление экономикой и политикой имели иерархическую централизованную структуру, основанную на номенклатурных должностях, личной преданности и принадлежности к партийной когорте.

¹ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 45. – С. 86.

² Левин, М. Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. – 1995. – № 3. – С. 18.

³ Зверев, А.Ф. Социологическая теория бюрократии: монография / А.Ф. Зверев. – Липецк : Липецкий государственный педагогический институт, 1999. – С. 91.

Примечательна еще одна деталь советской бюрократической системы: большинство руководящих кадров высших государственных структур выдвигались на ведущие позиции в сфере идеологии. Это в конечном итоге привело к формированию определенного идеологического аппарата, который венчал всю бюрократическую пирамиду, составлявшую надстройку Советского государства.

Необходимо отметить, что идеологическая основа пролетарского государства целиком и полностью формально опиралась на теорию марксизма. Во всяком случае, это многократно декларировалось, считалось, что главное место в учении К. Маркса и Ф. Энгельса принадлежало вопросу о диктатуре пролетариата. Проповедники коммунистической идеологии видели в ней средство к скорейшему достижению пролетариатом власти и ее удержанию. По их мнению, без принуждения и диктатуры невозможен переход от капитализма к социализму. Но как технически этого достичь, через какие институты реализовать диктатуру пролетариата на практике, марксизм не определял. Из имевшихся высказываний по этому поводу можно предположить, что диктатура в пролетарском государстве должна была осуществляться путем вооружения пролетариата за счет создания отрядов, способных выполнять определенные силовые функции¹.

В отличие от К. Маркса В. И. Ленин учитывал, что пролетариат в России крайне немногочислен, поэтому в диктатуре пролетариата видел «особую форму классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся и многочисленными непролетарскими слоями, к которым он относил мелких буржуа, крестьянство, интеллигенцию и т.д.»².

Отметим, что впервые мысль о разнообразии форм диктатуры пролетариата В. И. Ленин высказал в 1916 г. в статье «О карикатуре на марксизм и «об империалистическом экономизме», где высказался за возможность существования различных типов диктатуры пролетариата как своеобразных форм демократии³.

Диктатура пролетариата, по В. И. Ленину, – этап классовой борьбы в иных формах на пути построения социализма; «она не есть окон-

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954. – Т. 19. – С. 16; – Т. 18. – С. 611; – Т. 20. – С. 189; – Т. 22. – С. 200.

² Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 38. – С. 337.

³ Там же. – Т. 30. – С. 123.

чание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах. Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление или против усилившей свое сопротивление буржуазии». Она нужна затем, «чтобы сломить сопротивление буржуа, затем, чтобы внушать реакционерам страх, затем, чтобы поддержать авторитет вооруженного народа против буржуазии, затем, чтобы пролетариат мог насильственно подчинить своих противников»¹.

В. И. Ленин предполагал, что в процессе формирования «диктатуры пролетариата» субъектом власти будет рабочий класс. На деле таким он не стал. Он даже не влиял на избрание партийных органов, особенно центральных, и не мог контролировать их деятельность. На X съезде РКП(б) В. И. Ленин прямо заявил: «Мы после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию»².

После Октября 1917 г. диктатура пролетариата была большевиками подменена диктатурой партии, которая взяла на себя функции объединяющей и направляющей силы. В политике эта диктатура проявилась в создании командно-номенклатурной системы управления обществом. Во власти диктатура пролетариата опиралась непосредственно на силовые действия. Разъясняя научное понятие диктатуры пролетариата, В. И. Ленин утверждал, что «диктатура означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»³.

Превращение партии в государственную структуру привело В. И. Ленина к ревизии своих первоначальных взглядов на Советы. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» уже не Советы являются основой политической системы, а Коммунистическая партия. Советы — лишь рычаг партии для управления обществом.

¹ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — М. : Госполитиздат, 1958-1965. — Т. 28. — С. 231.

² Стенографический отчет. — М. : Госполитиздат. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Десятый съезд РКП(б). — Март 1921 г. — С. 575.

³ Там же. — Т. 41. — С. 383.

Диктатура класса, трансформировавшаяся в диктатуру партии, на практике сводилась к власти узкого круга ее «верхов». Наверху партийной пирамиды Политбюро и Центральный комитет, они определяли политику партии, принимали решения по множеству текущих вопросов жизни страны и направляли их партийным комитетам. На местах решения и указания партийных комитетов подлежали исполнению государственными органами.

О том, что от имени пролетариата выполняла диктаторские полномочия партия, приняв на себя роль идеолога и вдохновителя, в 1919 г. открыто заявляли В. И. Ленин и его соратники, в частности Г. Е. Зиновьев.

Из уст В. И. Ленина прозвучала фраза о том, что «есть диктатура одной партии! Мы на ней стоим, и сойти с этой почвы не можем»¹, а Г. Е. Зиновьев на XII съезде РКП(б) дополнил мысль вождя: «мы не должны стыдиться того, чего нельзя спрятать. Диктатура партии есть тот рычаг, от которого мы отказаться не можем»².

Термин «диктатура пролетариата» определял классовый характер социалистической революции и неизбежную в России власть меньшинства над большинством, прежде всего крестьянством. По официальной статистике начала XX века в России в 1913 г. рабочих было около 3 млн человек – всего около 2 % населения; за годы революции и гражданской войны их число сократилось более чем вдвое, к 1925 г. оно не доходило до $\frac{2}{3}$ довоенного уровня и составляло всего 1,8 млн человек. К 1936 г. количество рабочих достигло примерно 10%-го рубежа, что составляло 17,5 млн человек³.

Стараясь увеличить социальную опору и не отпугнуть крестьянские массы, В. И. Ленин ввел понятие «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства», что должно было составить большинство в Советском государстве. Но сути дела это не меняло. Ведь осуществление революцией требований крестьян о передаче им помещичьей земли превратило бы, как предполагалось, бедноту в середняков, и «диктатура пролетариата» опять оказалась бы властью над большинством.

¹ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 39. – С. 134.

² Зиновьев, Г. Основные итоги XII съезда РКП(б) // Под знаменем коммунизма. – 1923. – № 4. – С. 23.

³ См.: Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. – М. : Советская энциклопедия. – 1975. – Т. 21. – С. 315-316, 318.

Признавая Советы государственной формой «диктатуры пролетариата», большевики доказывали их преимущество над буржуазными органами власти и, в частности, буржуазной демократией. Это преимущество, как казалось последователям В. И. Ленина, было в том, что Советы выражали волю масс, опирались на выборных представителей народа, реализовывали законодательные и исполнительные функции. Идея «Республики Советов» была воспринята не только большевиками, но и широкими массами трудящихся, пустила среди них глубокие корни, превратившись в один из важнейших факторов победы социалистической революции.

Разрушение «мира насилия» в соответствии с положениями марксизма началось со слома буржуазного государства, а строительство «нового мира» – с постройки «пролетарского» общества на основе большевистских идей о «диктатуре пролетариата» и республике Советов.

Отсутствие четкой правовой основы под концепцией «диктатуры пролетариата» привело к серьезным проблемам в государственном строительстве, это проявилось прежде всего в создании специфической властной, правоохранительной и судебной систем советского общества.

Вместе с тем марксистское понимание «диктатуры» в какой-то степени основывалось на элементах гуманистического подхода. Характеризуя задачи общества и государства, К. Маркс писал: «...в каждом правонарушителе нужно видеть человека, живую частицу государства, в которой бьется кровь его сердца, солдата, который должен защищать Родину, члена общины, исполняющего общественные функции, главу семьи, существование, которого священо, и, наконец, самое главное – гражданина государства. Государство (подчеркивал К. Маркс) не может легкомысленно отстранять одного из своих членов от всех этих функций, ибо государство отсекает от себя свои живые частицы всякий раз, когда делает из гражданина преступника»¹.

Попытки В. И. Ленина и его окружения найти новые правовые механизмы в формировании принципиально иной структуры общества привели к появлению модели государства с утопической формой устройства, в основе которого было «подчинение вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся – пролетариату». Начальствование государственных чиновников предлагалось заменить про-

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1954. – Т. 1. – С. 132.

стыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые вполне доступны уровню развития горожан и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего»¹. Это, в конечном счете, по мысли В. И. Ленина, привело бы к отмиранию чиновников и формированию социального объединения, где функции надзора и отчетности выполнялись всеми членами общества по очереди и впоследствии должны были отпасть, как особые функции особого слоя людей².

Ленинская «государственная система», смоделированная как «почта», демонстрирует определенное восприятие сложного социального организма без учета регулирующих правовых механизмов. С самого первого дня практической реализации своих государственных проектов (а их у В. И. Ленина за относительно короткий период было несколько) вождь пролетариата сделал ряд ошибок, одной из которых можно считать слабую правовую разработку системы государственного устройства. Все известные ленинские формулировки, касающиеся государственно-правовой доктрины, в той или иной степени основывались на идее силового давления и терроре. Отсюда и мысль о всеобщем вооружении народа, о милиции, слившейся с армией³. Ключевой в этом смысле можно считать мысль о том, что «великие вопросы в жизни народов решаются только силой»⁴.

Данный тезис в политической стратегии большевиков стал программным и послужил основой милитаризации общества. После Октябрьской революции оформилась озвученная В. И. Лениным и его последователями доктрина, которая опиралась на «право сильного».

Развивая марксистскую идею, вождь пролетариата пытался переложить ее в практическое русло, стараясь приспособить некоторые теоретические выкладки к условиям России. Во-первых, в трактовке В. И. Ленина государство могло существовать только как социальная организация, лишенная эксплуатации и эксплуататоров. Во-вторых, демократия понималась как «шоры, одеваемые на глаза революционному народу и мешающие ему свободно, смело, самочинно строить новое обще-

¹ Ленин, В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. – М. : Политиздат. – 1986. – Т. 2. – С. 357.

² Там же. – С. 357.

³ Ленин, В.И. Задачи пролетариата в нашей революции. Избранные произведения. – М., 1986. – Т. 2. – С. 142.

⁴ Ленин, В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Избранные произведения. – М., 1986. – Т. 1. – С. 478.

ство. Это «новое» виделось в форме «Советов рабочих, крестьянских и всяких иных депутатов, как единственная власть в «государстве», как предвестник «отмирания» всякого государства»¹. В-третьих, диктатура воспринималась В. И. Лениным как возможный единственный вариант решения всех проблем по организации власти. В-четвертых, экономический уровень развития России в интерпретации В. И. Ленина, существенной роли не играл, и переход от капитализма к социализму в российском варианте, по его мнению, был вполне возможным.

Российская государственная система, сформированная В. И. Лениным на базе идейно-теоретических разработок К. Маркса и Ф. Энгельса, после октября 1917 г. фактически вышла за рамки определения социалистической или коммунистической формаций. Общество с общеклассовой пролетарской собственностью в форме государственной (правами государства как собственника на землю, средства производства и личность работника, эксплуатацией человека государством), с диктатурой пролетариата и внеэкономическими мерами принуждения, с народом, готовым к войне, с управленческим аппаратом в форме партийной «номенклатуры» не могло называться социалистическим или коммунистическим в том смысле, который вкладывали в него классики коммунизма.

Здесь, возможно, уместна иная категория, которая достаточно полно раскрывает содержание и смысловое значение выстроенной конструкции, в данном случае – термин, предложенный А. В. Гриневым и М. П. Ирошниковым. Они назвали тип общества с четко выраженной властью государства «политарным» или «этакратическим»² (с греческого и французского дословно «власть государства»).

Безусловно, определять Советское государство как «политарное» можно с некоторой долей условности, проще использовать уже устоявшуюся конструкцию, принятую в исторической и правовой науке, когда СССР называли тоталитарным государством. Тем не менее некоторые черты политаризма в Советском Союзе в первые десятилетия после Октябрьской революции проявлялись, прежде всего – в полном контроле государства над личностью (использовался идеологический и политиче-

¹ Ленин, В.И. Задачи пролетариата в нашей революции. Избранные произведения. – Т. 2. – С. 154.

² Гринев, А.В., Ирошников, М.П. Россия и политаризм // Вопросы истории. – 1998. – № 7. – С. 36-46.

ский прессинг), в неограниченной власти партийно-бюрократической верхушки (осуществлялась регламентация любой деятельности), в формировании культа личности (сначала В. И. Ленина, затем И. В. Сталина), во внеэкономическом принуждении к труду (делались попытки организации трудовых армий), в уничтожении собственности и собственника (вся многоукладная система в конечном итоге была поглощена государственной системой в форме социалистического уклада), в отчуждении естественных прав человека (сохранялись различного рода ограничения).

Высказывая суждения по данному вопросу, автор напоминает, что о несоответствиях марксистской теории реальным перспективам социалистического строительства в последние годы писали многие представители правовой и исторической науки. Поэтому, не претендуя на оригинальность умозаключения, констатируем лишь факт существования предложенного мнения, как и многих подобных, в работах С. В. Леонова, В. П. Рассказова, П. В. Волобуева, А. Х. Бурганова¹ и выше названных А. В. Гринева и М. П. Ирошникова.

Столкнувшись с перспективой создания нового социалистического общества и закрепления его основ в правовых рамках, В. И. Ленин скорректировал подход к определению государства, став на позиции рассмотрения государства как продукта «непримиримости классовых противоречий»: оно «возникает тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И наоборот, существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы»². По В. И. Ленину, «трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, привести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее»³.

¹ Леонова, С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920гг.) // Вопросы истории. – № 12. – 1990; Рассказов, В.П. Роль карательно-репрессивных органов в установлении административно-командной системы в первые годы советской власти. – Уфа, 1992; Волобуев, П.В. Власть Советов: расчеты и просчеты (1917–1920 гг.) // Коммунист. – 1991. – № 11. – С. 80; Бурганов, А.Х. Октябрьская революция – социалистическая? // Кентавр. – 1992. – № 6.

² Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 33. – С. 7.

³ Ленин, В.И. Избранные произведения. – М., 1986. – Т. 2. – С. 339.

Большинство высказываний о государстве, его предназначении и роли в нем пролетариата, сделанных В.И. Лениным, совпадали с тезисами К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако толкование некоторых ключевых положений получило иное звучание. По крайней мере, в брошюре «Государство и революция» В. И. Ленин достаточно точно определил свое отношение к пролетарскому государству как новому социальному объединению угнетенных людей. Одна деталь: отвергая форму классового угнетения буржуазией пролетариата, он навязывал другую – угнетение пролетариатом всех классово чуждых элементов¹. Получалось, что государство в любых его проявлениях – это насилие меньшинства, стоящего у власти, над большинством, лишенным такой возможности.

Отличительная черта нового государства, с точки зрения В. И. Ленина, – широчайшее самоуправление трудящихся. Старый бюрократический государственный аппарат рабочие сломают до основания. В управление будет вовлечено большинство, затем «поголовно» все трудящиеся. Будут приняты меры: не только выборность, но и сменяемость в любое время; плата за выполнение управленческих функций не выше зарплаты среднего рабочего, все выполняют функции контроля и надзора, чтобы «все на время становились «бюрократами», и чтобы поэтому никто не мог стать бюрократом». «При социализме, – писал В. И. Ленин, – все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял»². С этим утопическим, практически нереализуемым положением было связано представление о том, будто управление государством состоит из простейших операций учета, регистрации, проверки, выполняемых любым грамотным человеком; все граждане превратятся в служащих государства. В этом виделось благо. Не было, однако, понимания того, что в такой монополизации государством власти и управления таится величайшая опасность для личной свободы граждан и возможность возникновения огромного слоя бюрократии. При этом игнорировались суждения самого К. Маркса о существовании «азиатского способа производства», когда государство, будучи единственным монопольным собственником средств производства и всех ресурсов, становится всевластным, обращая всех подданных в «поголовное рабство».

¹ Ленин, В.И. Избранные произведения. – М., 1986. – Т. 2. – С. 323–341.

² Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 33. – С. 109, 116.

Практическое воплощение идеи нового мирового порядка после Октябрьской революции, основанной на революционной идеологии, позволило В. И. Ленину несколько изменить, а точнее, скорректировать революционную доктрину К. Маркса и Ф. Энгельса. В. И. Ленин использовал новые теоретические выкладки по вопросу о роли государства и карательно-репрессивных органов при строительстве коммунистического общества. В частности, в работе «Государство и революция» В. И. Ленин отмечал: «Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплуататорский класс, т.е. буржуазию»¹. И далее: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров, и для руководства громадной массой населения»².

Начатый глобальный эксперимент по строительству пролетарского государства в России показал, что не все выкладки теоретиков социализма были верны. Это привело в дальнейшем к отказу от многих ранее признанных догм и пересмотру некоторых позиций большевиков по проблемам построения государственной власти и вопросу о месте репрессивно-карательного аппарата в ней.

Заметим, что за короткий промежуток времени В. И. Ленин дважды менял подходы к вопросу о перспективах развития Советского государства, начиная с реализации «политики военного коммунизма» и заканчивая «новой экономической политикой». Данные колебания подтверждают мысль о слабой теоретической проработке идеи социализма и ошибочном определении направления создания государственно-правового режима – в форме «диктатуры пролетариата».

В этой связи вполне уместно вспомнить утверждение Е. Г. Гимпельсона о том, что после победы революции позиция ее вождя по вопросу об отмирании государства изменилась³. Если накануне он еще считал, что победоносная революция явится началом отмирания государства, то реалии новой обстановки вынудили отказаться от этой мысли. По мере движения к пролетарскому социализму стал формироваться

¹ Ленин, В.И. Государство и революция // Избранные произведения. – М., 1986. – С. 339.

² Там же. – С. 340.

³ См.: Формирование советской политической системы, 1917-1923 гг. / Е.Г. Гимпельсон. – М. : Наука, 1995. – С. 48, 54.

новый государственный аппарат со всеми функциями принуждения, подавления. Поэтому В. И. Ленин выдвинул теорию о том, что начинать надо не с «отмирания» государства, а, наоборот, с формирования сильного централизованного государства. На VII съезде РКП(б) (март 1918 г.), возражая Н. И. Бухарину, он заявил: «В Советской власти мы имеем новый тип государства. Государство есть аппарат для подавления. Надо подавлять эксплуататоров, но их подавлять нельзя полицией, их может подавлять только сама масса. Аппарат должен быть связан с массами, должен ее представлять, как Советы. Они гораздо ближе к массам»¹.

Советская власть возникла как проявление революционного творчества народных масс. Сделав ставку на Советы, большевики всячески доказывали их преимущества по сравнению с органами буржуазной демократии и власти. По мнению сторонников В. И. Ленина, превосходство «народной инициативы» было в том, что Советы – это новый государственный аппарат, тесно связанный с большинством народа, он давал возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии в лице выборных представителей народа. Благодаря Советам можно было объединять законодательные и исполнительные функции².

События, произошедшие в России сразу после Октябрьской революции, показывают, что марксистско-ленинская теория государственного строительства через «социализм в коммунизм» в какой-то степени запрограммировала появление «военного коммунизма», а вместе с ним – режима «диктаторски-бюрократического социализма», как его называет Л. А. Коган в статье «Военный коммунизм: утопия и реальность»³. Столь резкое определение советского режима, наверное, оправдано, так как в «военном коммунизме» проявились худшие формы насилия над человеком, его правами, приведшие к всеобщей милитаризации государства и усилению бюрократического аппарата.

«Военный коммунизм» представлял собой уникальное явление, основанное на широком использовании ресурсов государственно-правового характера. Как отмечал Ю. М. Панихин, политика военно-

¹ Ленин, В.И. Избранные произведения. – В 4 т. – Т. 3. – С. 136.

² Ленин, В.И. Избранные произведения. – В 4 т. – Т. 3. – С. 136–137.

³ Коган Л.А. Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопросы истории. – 1998. – № 2. – С. 122.

го коммунизма решала в конечном итоге задачу максимальной концентрации материальных, людских и военных ресурсов Советского государства с целью отражения объединенного натиска внутренней и внешней контрреволюции¹.

Большевики, ориентируясь на вооруженные методы осуществления революции, тем самым делали неизбежной борьбу за ее защиту после победы. При этом конечной целью борьбы было бесклассовое общество, а путь к нему проходил через насильственное преодоление «классовости» и ограничение демократии.

Вместе с тем можно предположить, что «диктаторски - бюрократический социализм» есть проявление «политаризма» в российском Советском государстве. В обществе, которое начали строить представители коммунистической идеологии, появилась возможность осуществлять политику, направленную на усиление роли государства, ослабление права, введение всеобщей милитаризации, национализации, обобществления, государственной эксплуатации работников (в форме внеэкономического принуждения и трудовой повинности).

Уместно отметить, что с первых дней строительства «пролетарского социализма», или политарного государства, в форме «военного коммунизма» у В. И. Ленина появилось множество оппонентов, не принимавших «авторитарную тенденцию в социал-демократическом движении»². Одним из противников стратегии «социализма дележа», или «социализма солдатчины» (военного коммунизма), был А. А. Богданов. Он писал, что «не умея (и не имея возможности) осуществлять свои социалистические замыслы в адекватной, цивилизованной форме, на путях нормального развития производства, правящая партия прибегает к принудительному администрированию, директивно-приказным и популистским мерам, видя в них воплощение идей коммунизма». Отсюда «рост подчиненности трудовых масс, тяготеющих к полному их закреплению», и переход «к правительственной диктатуре, которая в то же время является олигархией социальных верхов»³.

Власть военной демократии, согласно А. А. Богданову, может держаться только на авторитарно-принудительной основе. Военный

¹ См.: Панихидин, Ю.М. Чрезвычайные органы управления Советского государства в период военного коммунизма // Актуальные проблемы историко-правовой науки. - Саратов, 1988. - Вып. 3. - С. 19.

² Богданов, А.А. (Малиновский) Указ. соч. Кн. 1. – М., 1995. – С. 37.

³ Богданов, А.А. (Малиновский) Указ. соч. Кн. 1. – М., 1995. – С. 197, 199.

коммунизм – это особая форма общественного потребления, авторитарно регулируемая организация массового паразитизма.

Активным проповедником идеи борьбы с «военным коммунизмом», особенно его экономическим компонентом, был Н. А. Рожков, который, обращаясь к В. И. Ленину, предупреждал: «Нельзя в XX веке превращать страну в конгломерат средневековых замкнутых местных рынков. Без содействия частной торговой инициативе Вам, да и никому, не справиться с неминуемой бедой»¹.

Поддерживая противников В. И. Ленина по вопросу государственного строительства, А. М. Горький в 1917 г. отмечал, что «реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают ее на жертву своей грезе о всемирной европейской революции. В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же по щучьему велению сделать социалистами 85% крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов инородцев-кочевников. От этого опыта, прежде всего, пострадает рабочий класс, ибо он передовой класс революции, и он первый будет истреблен в гражданской войне»².

Гражданская война – производная политики «военного коммунизма», явилась следствием теории «революционной войны», которая родилась вместе с идеей всемирной революции. Она основывалась на тактике экспорта революции, сторонником которой был В. И. Ленин. Веруя в скорую победу мирового пролетариата, он писал: «Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот»³.

Один из соратников В. И. Ленина, Г. Борисов, подтверждая сказанное вождем революции, развил идею о всемирной пролетарской революции откровенными признаниями, изложенными в написанном в 1919 г. сочинении «Диктатура пролетариата», где сообщал, что «нет, не мир, а меч несет в мир диктатура пролетариата»⁴.

Новый пролетарский порядок, созданный в рамках действовавшей модели пролетарского государства, в системе «военного коммунизма»,

¹ Коган, Л.А. Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопросы истории. - 1998. - № 2. - С. 126.

² Горький, М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. Рассказы / М. Горький. – М. : Современник, 1991. – С. 87.

³ Латышев, А.Г. Рассекреченный Ленин / А.Г. Латышев. – М. : Март, 1996. – С. 42.

⁴ Цит. по: Коган, Л.А. Указ. соч. – С. 128.

где все ресурсы были национализированы и распределялись через институты государства по его нарядам, способствовал лишь всеобщей милитаризации страны, ограничению демократии и усилению силовых структур, осуществлявших репрессии внутри государства.

Характерной особенностью «военного коммунизма» было внеэкономическое принуждение. Оно проявлялось в насильственном перераспределении собственности под лозунгом «грабь награбленное» и в принуждении к труду. Именно на общественно-обязательном принудительном труде основывалось советское строительство, об этом заявлял Л. Троцкий в 1920 г. Наемный труд и заработная плата упразднились. Рынок и деньги провозглашались никчемными, предполагалось использование бесплатных услуг. Государство получало право определять степень обеспечения населения товарами и услугами.

Военно-коммунистическая утопия, к которой прибегли В. И. Ленин и его единомышленники, в конечном итоге развратила страну, повергла ее в хаос и привела к формированию мощного административно-государственного и силового аппарата, который усилился в последующие годы.

«Военный коммунизм» – это стратегическая ошибка в ленинской теории, связанная с ее недостаточной разработкой, переоценкой роли пролетариата, партии, революционной теории и неверной характеристикой государства, его назначения и функций. Это впоследствии признал В. И. Ленин, отметив: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, осуществить непосредственно на энтузиазме столь же великие (как общеполитические, так и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета – непосредственным влиянием пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкобуржуазной стране. Жизнь показала нашу ошибку»¹.

В то же время политику «военного коммунизма» нельзя считать исторической случайностью. В данном случае мы разделяем мнение Л. А. Когана, который назвал ситуацию, связанную с возникновением «военного коммунизма», зигзагом истории, способствовавшим появлению

¹ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 44. – С. 151.

архетипа нового общества¹. К этому суждению можно лишь добавить: «военный коммунизм» был первой фазой, первообразом политаризма, государственно-правового режима, который проявился в полной мере в последующие годы.

В результате создались условия для появления пролетарской управленческой элиты, превратившейся впоследствии в бюрократический, репрессивный аппарат, органично слившийся с новой системой власти. Симптомы групповой самоорганизации нового пролетарского слоя бюрократов проявлялись в отсутствии каких-либо нравственных табу (внутренних самозапретов), в повиновении сильному (вождю, партии и силовым структурам), в формировании идеологических клише. В контексте изложенного вполне актуальна точка зрения М. Левина, который отмечает: «...бюрократия обладает собственной автономной инерцией, что предполагает не только осознание ее собственных интересов, но и борьбу ее за них, а также и умение противостоять мерам, направленным против нее. Вот почему бюрократия выглядела как сила, способная бросить вызов политикам»².

Бюрократизация правящих элит в масштабах государства и связанный с этим процессом разгул чиновников побудил В. И. Ленина признать факт, что государство и его аппарат способны увлечь новый режим на путь беззакония. Понимая это, в 1922 г. он заявил: «... Машина едет не туда, куда ее направляют»³. Возможно, осознание опасности перерождения «пролетарского государства» в подобие «азиатского деспотизма» с мощной силовой структурой подтолкнуло В.И. Ленина к поиску новой концепции государства. Эта концепция получила выражение в НЭПе.

Внедрение новой экономической политики, так же как и политики «военного коммунизма» в государственное строительство, было очередной импровизацией большевиков во главе с В. И. Лениным на тему экономического возрождения России. По содержанию НЭП представлял усеченную версию государственного капитализма, воспроизведенную в новых исторических реалиях. По форме новая экономическая по-

¹ Коган, Л.А. Указ. соч. – № 2. – С. 132.

² Левин, М. Указ. соч. – С. 17.

³ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 45. – С. 86.

литика не выходила за рамки существовавших административно-командных принципов, упакованных в идеологию большевиков.

На фоне Конституции 1918 г. НЭП выступал как комплекс антагонистических противоречий с правовой формой и содержанием Советского государства, так как начинался в правовом поле, подготовленном для «военного коммунизма», и вся имевшаяся законодательная база противоречила его сущности.

Правовое поле, которое сложилось в государстве в период «военного коммунизма», не могло вместить НЭП со всеми его противоречиями. Первое и главное противоречие – это формирование предпринимательского слоя «новых буржуа» (в Конституции РСФСР по этому поводу было четкое не двусмысленное определение – беспощадное подавление эксплуататоров). Второе противоречие – появление многоукладной экономики (в основном законе Советов также имелись неувязки по этому вопросу – установление социалистической организации общества на уровне формирования социалистического уклада в экономике). Третье противоречие – существование рыночной системы (в Конституции появление такого экономического состояния не допускалось гарантией диктатуры пролетариата). Названные противоречия были лишь маленькой частью большой проблемы, которая возникла в советском обществе после изменения курса в сторону НЭПа.

По логике действий В. И. Ленин и его соратники путем создания соответствующих законов должны были устранить правовые коллизии, которые возникали в рамках государственного строительства. Однако ничего подобного не произошло. Конституция РСФСР 1925 г. продублировала ограничение избирательных прав и определила как первоочередную задачу пролетарского государства «..гарантировать диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком»¹.

Конституция РСФСР 1918 г., а за ней и Конституция РСФСР 1925 г. настойчиво декларировали «уничтожение эксплуатации человека человеком», хотя на деле складывалась совсем иная форма эксплуатации – человека государством, что подтверждалось целой серией нормативно-правовых актов, принятых в Советской России в первое десяти-

¹ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. – М. : Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, 1924. – С. 4.

тилетие ее существования. Сюда можно отнести ряд документов уголовно-правового принуждения, с помощью которых государство пыталось приучить индивида «к высокопроизводительному, добросовестному труду», а именно декреты СНК РСФСР от 29 января 1921 г., от 9 мая 1921 г. и от 22 декабря 1921 г., которые установили уголовную ответственность за уклонение от трудовой повинности и за трудовое дезертирство. Ответственность за названные преступления предусматривалась ст. 79 и 126 УК РСФСР 1922 г., ст. 61 УК РСФСР 1926 г.

В итоге эксперименты с революционным изменением мира привели к тому, что диктатура одного класса сменилась еще большей диктатурой другого социального слоя, который получал заряд агрессии, основываясь на теоретических рассуждениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина представлявших государство в форме института классового насилия. Модель государственного устройства, воспроизведенная в теории В. И. Лениным, в значительной степени базировалась на выводах о возможности решения всех проблем через уничтожение частной собственности. По мере ее практического воплощения возникли объективные трудности, которые привели к социальному конфликту в форме гражданской войны, а затем к рождению новой реальности «политики военного коммунизма». Эти шаги еще больше разделили общество на два враждующих лагеря.

Правовое поле, которое сложилось в государстве в период «военного коммунизма», не могло вместить НЭП со всеми его противоречиями. Первое и главное противоречие – это формирование предпринимательского слоя «новых буржуа» (в Конституции РСФСР по этому поводу было четкое не двусмысленное определение – беспощадное подавление эксплуататоров). Второе противоречие – появление многоукладной экономики (в основном законе Советов также имелись неувязки по этому вопросу – установление социалистической организации общества на уровне формирования социалистического уклада в экономике). Третье противоречие – существование рыночной системы (в Конституции появление такого экономического состояния не допускалось гарантией диктатуры пролетариата). Названные противоречия были лишь маленькой частью большой проблемы, которая возникла в советском обществе после изменения курса в сторону НЭПа.

1.2. Трансформация идеологии большевиков в 20 –30-е годы XX века

После смерти В. И. Ленина концепция «диктатуры пролетариата» претерпела существенное изменение. Появилось суждение о том, что диктатура класса может быть выражена в диктатуре одного лица¹. Возможно, именно этим Сталин хотел воспользоваться для установления единоличной диктатуры. Ставка на государственную власть, ее всеисилие неизбежно предполагала и оправдывала диктаторство государственных институтов, открывала путь к тоталитаризму. К этому следует добавить, что государственная власть по-прежнему рассматривалась в качестве «машины классового подавления».

Подготовив мощную идеологическую платформу, Сталин приступил к формированию новой модели государственно-правового режима, получившего в постсоветский период название административно-командной системы управления государством. На этом этапе подверглись ревизии не только марксистские, но и ленинские выкладки, в частности тезис о классовой борьбе. В ленинском понимании победа социалистической революции и развитие пролетарского государства должны были стимулировать снижение классовых противоречий и классовой борьбы в обществе, что, в свою очередь, могло повлиять на ход развития государства. Новая доктрина, провозглашенная Сталиным², напротив, мобилизовала силы на борьбу с классовыми врагами, так как по мысли ее автора по мере развития социализма классовые противоречия должны обостряться, а следовательно, возрастать и классовая борьба³. Эта установка изменила назначение государства, власти и правоохранительной системы.

Во-первых, приоритетная роль государства сводилась к силовой защите его интересов от внутренних (контрреволюции) и внешних (мирового империализма) врагов. Отдельно взятый человек для государства

¹ Оболонский, А.В. Сталинизм и общество: морально-психологический аспект // Государство и право. – 1993. – № 3. – С. 113-124; Левин, М. Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. – 1995. – № 3. – С. 17-18.

² Сталин, И.В. Доклад о советской автономии Терской области // Соч. – Т. 4. – М., 1951. – С. 118.

³ Сталин, И.В. Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. // Соч. – Т. 7. М., 1947. – С. 158-159; его же. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. – М., 1946. – С. 641-646..

ничего не значил. По отношению к личности использовались дискриминационные меры, особенно когда вставал вопрос о том, что первично – индивид или общество, личность или государство?

В связи с общим отрицанием неотъемлемых прав человека, интересы которого во всех областях советской социальной жизни и общественного строительства подчинялись интересам государства, права личности рассматривались советским законодательством как второстепенные.

Во-вторых, власть в государстве целиком и полностью попала под контроль партийных органов. Лозунг «Кадры решают все!» воспринимался буквально, поэтому все назначения руководящих работников проходили под непосредственным контролем ЦК партии. Это, в свою очередь, давало право Сталину и его окружению проводить кадровые «чистки» и убирать политически негодных чиновников из всех звеньев госаппарата.

В-третьих, сталинская установка повлияла на формирование правоохранительной системы, которая функционировала не как охранительная, а как репрессивно-карательная. Благодаря усилиям Сталина милиция, прокуратура и суд во многом утратили защитные функции и превратились в исполнителей «классовой воли пролетариата» – в «карающий меч революции». Вместо ориентации на закон правоохранительные органы руководствовались решениями партийного аппарата и политической конъюнктурой.

Сталинская модель государства, по мнению некоторых зарубежных исследователей, способствовала формированию общества с централизованной диктатурой, организованной сверху по правилам строгой иерархии¹. При этом государство, построенное в тоталитарном духе, Сталин определил как социалистическое. Он соединил два теоретических понятия, на базе которых сформулировал государственно-правовую концепцию. Суть этой концепции выражалась в трех основных постулатах. Во-первых, государство должно быть централизованным, во-вторых, управляемым сверху, в-третьих, проявлять заботу о гражданах и благодетельствовать. Что касается первых двух определяющих, то сталинское государство действительно было централизован-

¹ См.: Беллади, Л., Краус, Т. Сталин: [Пер. с венг.] / Ласло Беллади, Тамаш Краус. – М. : Политиздат, 1989. – С. 311.

ным, фактически единолично управляемым благодаря установлению личной диктатуры.

Относительно третьего тезиса – о проявлении заботы о гражданах и благодетели – можно высказать суждение, что он носил пропагандистский характер и не мог быть реализован в силу ряда причин. В качестве одной из основных можно назвать то, что политическая система, созданная Сталиным, должна была осуществлять «диктатуру пролетариата в форме пролетарской демократии», которая, как известно, никакого отношения к человеколюбию не имела. Не признавались общечеловеческие ценности, такие, как права граждан, политические свободы, верховенство законов, равенство всех граждан перед законом. Не допускалась многопартийность как составная часть демократии. По этому поводу Сталин однозначно заявил: «В СССР нет почвы для существования нескольких партий. Партия это часть класса»¹. Он рассматривал государство с точки зрения его прочности и силы, все, что мешало созданию сильного государства, уничтожалось.

В трудах некоторых исследователей² иногда встречаются суждения о том, что государственный режим, созданный Сталиным, сочетал в себе демократические начала, и можно высказать сомнение, что элементы демократии существовали в избирательной системе Советского государства, а в однопартийности и моноидеологии были заложены консолидирующие общество элементы, как считает И. А. Иванников. В качестве доводов автор использовал аргументы, одним из которых явилось суждение, что «выборы в представительные органы власти не вызывали страстей и эмоций у населения и не способствовали развитию противостояния», за счет чего «партия коммунистов спланировала общество»³.

Во-первых, утверждение, что избирательная система в СССР имела демократическую основу, не совсем корректно. Все руководящие кадры, которые избирались, как правило, входили в партийную обойму и составляли список номенклатуры. На выборах выставлялась только одна кандидатура, следовательно, результат голосования заранее был предрешен. Волеизъявление народа проявлялось в том, что все избиратели формально исполняли свой долг, голосуя за фактически утвер-

¹ Сталин, И.В. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. – М., 1951. – С. 62.

² См.: Иванников, И.А. И.В. Сталин и Советское государство: идеи и практика их реализации. – Ростов на/Д., 1998. – С. 55.

³ Там же. С. 56.

жденного партийными органами кандидата, избирательная кампания использовалась в качестве пропаганды большевистской идеологии.

Во-вторых, сталинский политический режим изначально не мог основываться на демократических принципах, так как опирался на «чрезвычайные формы» управления государством, что доказано правотворческой практикой двадцатых–тридцатых годов. Система государственного устройства, построенная на режиме личной власти, не могла существовать и быть оправданной без чрезвычайной обстановки, которая в большинстве случаев создавалась искусственно.

В-третьих, однопартийность и однополярная идеология не стимулировали движения к демократичному обществу, а выступали как деструктивные элементы, которые способствовали формированию тоталитарной системы. Закрепленная в ст. 126 Конституции СССР 1936 г. правовая норма, узаконившая руководящую роль коммунистической партии, предопределила дальнейшее развитие государства, основным стержнем которого стала партия, олицетворявшая собой «ум, честь и совесть эпохи».

Конституция СССР 1936 г., которую Сталин считал «самой демократичной в мире», позволила ему узаконить план государственного строительства. Он предусматривал «закрепление общественного порядка, удобного трудящимся», названного социализмом¹. Опираясь на тот факт, что «пролетарское» государство находилось в капиталистическом окружении, Сталин предложил «немарксистский путь» построения коммунистического общества через усиление карательных органов государства. На XVIII съезде партии он озвучил свое предложение.

Государственно-правовой режим, созданный на базе этой Конституции как противопоставление буржуазной демократии, допускал элементы народовластия в лице Советов, при этом последние полностью контролировались партией. Демократия у Сталина ассоциировалась с советской властью, которая воспринималась им как «массовая, демократическая и интернациональная сила, объединявшая в себе законодательную и исполнительную власть в единой организации государства», связывающая «рабочих и вообще трудящиеся массы с аппаратами государственного управления, которая учит управлению страной»². Эта точ-

¹ Сталин, И.В. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. – С. 39.

² Сталин, И.В. Об основах ленинизма. Лекция, прочитанная в Свердловском университете // Сталин И.В. Соч. – М., 1952. – Т. 6. – С. 121.

ка зрения на роль Советов позволяла Сталину моделировать перспективу дальнейшего государственного строительства. По его мнению, только Советы могли подготовить «отмирание государственности, которое является одним из элементов будущего безгосударственного коммунистического общества»¹.

В сталинском понимании перспектива будущего государства не имела четкого определения. С одной стороны, он подчеркивал, что с построением коммунистической формации государство отомрет, с другой стороны, всячески насаждал идею сильного государства с мощным административным аппаратом, жесткой системой контроля и централизмом. При этом централизм был особый – «демократический». В содержание понятия «демократический централизм» Сталин заложил конкретный смысл: строгую отчетность по вертикали, подчинение меньшинства большинству, что существенно ущемляло демократию, позволяло протаскивать любую идею большинством голосов, не признавая оппозиционных взглядов.

Одна из стратегических задач, которую ставил перед советским обществом Сталин, касалась проблемы завершения строительства социализма. О победе социализма в СССР партийный лидер объявил в советской Конституции 1936 г. Именно социализм, по его мнению, мог стать «переходом от общества с диктатурой пролетариата к безгосударственному обществу»², где диктатура – это «путь к социализму»³. Однако решение данной проблемы во многом зависело от того, сумеет ли мировой пролетариат построить социалистическое общество во всем мире или хотя бы в отдельных странах. Таким образом, возникала вторая, не менее важная задача, вытекавшая из ленинской теории борьбы за развитие мировой революции, которую существенно изменил И.В. Сталин. Он считал, что в условиях капиталистического окружения формирование коммунистического государства без соответствующей силовой поддержки невозможно. В том случае, если капиталистическое окружение не будет заменено социалистическим, государство, даже при коммунизме, сохранится и не отомрет⁴.

¹ Там же. – С. 122.

² Сталин, И.В. Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. // Сталин И.В. Соч. – М., 1947. – Т. 7. – С. 59.

³ Там же. – С. 59.

⁴ См.: Сталин, И.В. Вопросы ленинизма. - 11-е изд. – М. : Госполитиздат, 1952. – С. 646.

Сложившуюся к середине 30-х гг. ситуацию Сталин оценивал как опасную для революции; он был уверен, что победу социализма в отдельно взятой стране нужно использовать для усиления мощи государства. Только это спасет завоевание революции и позволит построить коммунизм.

Тезис об отмирании государства И. В. Сталин существенно доработал, указав, что путь к отмиранию государства лежит в его усилении. В этой части ленинизм был подкорректирован сталинской теорией о том, что в условиях капиталистического окружения государство не отомрет, а наоборот, должно укрепиться за счет создания силовых органов и абсолютизации их роли. «Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое не скоро будет уничтожено»¹. Естественно, что усиление власти немыслимо без усиления контрольно-надзорных и силовых органов. Поэтому, в первую очередь перед партийно-чиновничьим аппаратом, была поставлена задача, создать единую, централизованную, хорошо отлаженную систему силовых структур, способных качественно выполнить свой долг по защите государства, а точнее – власти, от внутренних и внешних врагов.

Возможно, данное суждение способствовало тому, что у некоторых исследователей – «сталинистов» – сложилось мнение об особом положении силовых органов в государстве. Появилась даже точка зрения о первостепенной роли в Советском государстве силовиков, а не партии. Ласло Беллади и Томаш Краус сочли, что «Сталин подчинил партию власти обособленного аппарата органов внутренних дел»².

Действительно при передергивании исторических фактов может сложиться впечатление, что коммунистическая партия была под контролем силовых структур, в частности ОГПУ, однако это представление не отражает истинного положения вещей. Государственная система, созданная Сталиным в конце 20-х – середине 30-х гг., основывалась на идеологической и политической монополии партийных органов. Партия

¹ Сталин, И.В. Итоги первой пятилетки // Сталин И.В. Соч. – М., 1952. – Т. 12. – С. 211.

² См.: Беллади, Л., Краус, Т. Сталин: [Пер. с венг.] / Ласло Беллади, Тамаш Краус. – М. : Политиздат, 1989. – С. 316.

представляла собой институт с хорошо отлаженной дисциплиной, с мощной сетью первичных партийных организаций, которые являлись опорными пунктами во всех сферах жизни общества, в том числе и силовых подразделениях. В этих условиях попытки выйти из-под партийного контроля или отказ от выполнения партийных установок расценивались как проявление антипартийных настроений, саботаж и карались по всей строгости законов. Кадры стоявшие у руля в НКВД и ОГПУ, также входили в партийную номенклатуру и подчинялись партийному уставу, а следовательно, выполняли определенные партийные директивы. Безусловно, сильнейшее влияние на партию оказывал лично Сталин, поэтому связь между решениями, принимаемыми партийной верхушкой, и инициативой Сталина была прямой. Самостоятельность силовиков в центре была ограничена властью ЦК партии и Сталина, который формально подчинялся решениям ЦК ВКП(б), а на местах – властью первых секретарей партийных комитетов, действовавших по указке сверху.

При всей парадоксальности ситуации Сталин был вынужден играть по правилам, которые сам и установил. Действовавшее в государстве уголовное законодательство определяло рамки, в которых могли реализовывать свои полномочия силовые институты. Внесудебные расправы с врагами, подлинными и мнимыми, не соответствовали имиджу «пролетарского государства» и задачам, которые оно должно было решать. Наказание виновного без суда и следствия превратило бы государство в средневекового монстра, отвергавшего правовую систему, что значительно испортило бы отношения с мировым сообществом. Сталин же претендовал на роль ведущего борца против мирового империализма и понимал, что все проводимые в государстве карательные акции и репрессии должны иметь легитимную форму. Поэтому он строго контролировал действия силовых органов и создавал необходимый политический фон в случаях, когда возникала необходимость в массовых репрессиях. Причем, правоохранные органы в момент проведения репрессивных акций выступали в роли участников, а не руководителей, и зачастую сами попадали под раскрученный репрессивный маховик.

Специфическая особенность созданной Сталиным правоохранительной системы состояла в том, что она не могла функционировать без трех составляющих: всемогущей личности, руководящей партии, всеподавлявших силовых органов ОГПУ и НКВД. Названные компоненты

дополняли друг друга и существенно влияли на правовую жизнь в Советском государстве. Таким образом, к середине 20-х – началу 30-х гг. идеология основоположников марксизма-ленинизма была полностью отброшена, вместо нее на свет появился «сталинизм», который радикально изменил развитие советской правовой политики и привел к формированию абсолютно новой правоохранительной системы.

Можно подчеркнуть, что пренебрежение к правовым канонам государственного строительства Сталин черпал из ленинского отношения к законам и праву. В отличие от Сталина В. И. Ленин имел базовое юридическое образование, которое являлось сдерживающим фактором в его правовой политике. Сталин был от всего этого свободен и изменял ленинские планы государственного устройства в контексте собственного восприятия объективной реальности. В данном случае автор исследования разделяет точку зрения И. А. Иванникова, высказавшего суждение о том, что Сталин дважды изменил учение классиков марксизма о построении социализма¹. Но поскольку тот был диктатором и силой подавлял любое противостояние, народ и страна выступали его заложниками и вынуждены были жить в условиях террора.

1.3. Идеология «чрезвычайщины» и революционной законности как основа большевистской правоохранительной политики в 20 – 30-е годы XX века

Современная историко-правовая наука переживает своеобразный подъем, в научный оборот вводятся ранее не опубликованные интересные архивные материалы, статьи, монографии, в которых исследователи пытаются отразить эпоху через новое осмысление исторических процессов. В публикациях появляются не совсем привычные фразеологические обороты и конструкции. Выкристаллизовались понятия «юриспруденция террора», «политическая юстиция» и т.д.² Так, термин «политическая юстиция», по мнению его авторов, включает часть юридической системы, специально оформленной для подавления политических противников путем применения правовых и противоправных средств. Со-

¹ Иванников, И.А. В поисках идеала государственной формы России: (Из истории рус. политико-правовой мысли второй половины XIX-XX вв.) / И.А. Иванников. – Ростов н/Д. : Издательство Ростовского университета, 2000. – С. 91.

² См.: Кудрявцев, В.Н., Трусов, А.И. Политическая юстиция в СССР / В. Кудрявцев, А. Трусов. – М. : Наука, 2000. – С. 4, 13.

здатели этой конструкции В. Н. Кудрявцев и А. И. Трусов считают, что к началу XX века в ряде государств сложились некие секретные или полусекретные структуры, не вписывающиеся в общие юридические правила, специально ориентированные на борьбу с политическими противниками. Эти силы они назвали «политической юстицией»¹. Через понятие «политическая юстиция» авторы пытаются раскрыть сущность «механизма» карательной системы и показать методы, которыми проводились репрессивные акции.

Термин «юриспруденция террора» несет в себе определенную долю эмоционального воздействия. Через эту фразеологическую конструкцию исследователи добиваются внешнего эффекта, возможно, данное определение не совсем объективно. В истории развития любого государства можно найти периоды разгула радикальных сил, когда правоохранительная система превращалась в репрессивно-карательную систему, узаконенную государством. В истории России неоднократно власть пыталась сделать террор легитимным и для упрощения процедуры прессинга облекала его в конкретные правовые нормы, а соответствующим органам передавала необходимые полномочия.

Автор этих строк считает, что усложнение восприятия текста через новые фразеологические обороты в какой-то степени уводит читателя от основного факта или явления. Если говорить о процессах, происходивших в Советском государстве, то в большей степени просматривается деформированная правовая политика советской власти, которая опиралась на искаженную чрезвычайными революционными мерами правовую систему. Она концентрировала в своей основе совершенно особую правоохранительную систему, осуществлявшую политические репрессии посредством чрезвычайных мер и опираясь на правоохранительные органы. Законность при этом трансформировалась в чрезвычайную законность, или «чрезвычайщину».

В процессе становления правоохранительной системы, советская власть, руководимая В.И. Лениным, опиралась на популистские лозунги и неоднократно ужесточала правовую политику в государстве. Это проявлялось в различных формах. Одной из наиболее распространенных была практика создания «чрезвычайных законов», они охватывали определенный круг лиц, имели относительно короткий период действия во времени и зачастую распространялись в ограниченном пространстве.

¹ Кудрявцев, В.Н., Трусов, А.И. Указ. соч. – С. 13-14.

Чрезвычайное законодательство напрямую зависело от складывавшейся политической конъюнктуры, выраженной в советской идеологии. Материализация конкретных установок советской власти осуществлялась через систему различных институтов, в том числе и правоохранительных органов. В условиях гражданской войны это проявлялось в политике «военного коммунизма». В последующие годы происходила корректировка курса с учетом социально-экономических изменений.

Сложности в развитии государства преодолевались через своеобразную систему законодательства, рожденного в условиях революционного времени, а затем корректируемого по мере необходимости. Эти нормативные акты решали узко специфические задачи отраслевого или ведомственного значения. Они отражали конкретный социально-политический заказ и утрачивали свою регулирующую функцию по мере достижения какой-либо политической или социальной цели. Чрезвычайным законодательством эти нормативные акты можно назвать из-за особой (упрощенной) процедуры их создания и дальнейшего применения. Чрезвычайное законодательство было ориентировано на чрезвычайные органы и организации, которые его исполняли. К чрезвычайным органам относились чрезвычайные комиссии, чрезвычайные суды, или революционные трибуналы, военные трибуналы, специальные коллегии (присутствия) областных судов, внесудебные органы, всевозможные комиссии, действовавшие на уровне советов, как в центре, так и на местах. Чрезвычайные организации иногда формировались на базе общественных институтов.

Одним из первых чрезвычайных документов советской власти можно считать Декрет о печати, вышедший в свет 27 октября 1917 г., на второй день после Октябрьской революции. По мнению И. Е. Казанина, этим нормативным актом советская власть законодательно закрепила ограничение влияния интеллигенции на общественное мнение и политическую жизнь страны¹. Заккрытие буржуазных газет вызывалось не только «чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контрреволюционных попыток, но и являлось необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, при

¹ См.: Казанин, И.Е. Советская власть и русская интеллигенция: политико-правовые аспекты отношений (октябрь 1917–1919 гг.) // История права и государства. – 2000. – № 2. – С. 199.

котором собственники типографий и бумаги не могли бы становиться фабрикантами общественного мнения»¹.

Следующим шагом советского правительства стало создание чрезвычайного органа – революционного трибунала печати в январе 1918 г. По своему назначению трибунал должен был рассматривать «преступления против народа, совершенные путем использования печати». К данному виду преступлений относились «всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права революционного народа, а также нарушение указаний о печати, изданных Советской властью»². Предусмотренные наказания за данные правонарушения были представлены целой серией санкций – от денежных штрафов до конфискации имущества и лишения свободы. Фактически ревтрибунал печати явился первым чрезвычайным органом цензуры.

Ярким чрезвычайным документом эпохи социализма можно считать положение ВЦИК о всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях от 28 октября 1918 г. Названное положение констатировало факт существования ВЧК – органа Совета Народных Комиссаров. Юридически этот институт должен был работать в тесном контакте с народными комиссариатами внутренних дел и юстиции и защищать завоевания революции от всевозможных контрреволюционных элементов. Противоречие состояло в том, что фактически названный орган эту миссию не выполнял, в феврале 1919 г. появилось специальное обращение ЦК РКП(б), адресованное коммунистам, входившим в ЧК, в котором указывалось, что «чрезвычайные комиссии созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем»³. Получалось, что на деле ЧК был политическим органом репрессивно-карательного свойства, состоявшим при ЦК РКП(б).

Для упрощения судебной процедуры над врагами народа и придания ей чрезвычайного характера, соответствующего духу времени, был выпущен декрет Совнаркома от 5 сентября 1918 г. «О красном терро-

¹ Декрет «О печати» от 27 октября (9 ноября) 1917 г. // Декреты советской власти. – М., 1957. – Т. 1. – С. 24-25.

² Декрет ВЦИК «О революционном трибунале печати» от 28 янв. (10 февр.) 1918 г. // Декреты советской власти. – М., 1957. – Т. 1. – С. 432-434.

³ Кудрявцев, В., Трусов, А. Указ. соч. – С. 62.

ре»¹. Данный документ расширял полномочия ВЧК настолько, что предоставлял этой организации право самостоятельно определять судьбу лиц, имевших отношения к белогвардейским организациям и мятежам. Впоследствии при ВЧК был создан Особый революционный трибунал, в который поступали дела о крупных спекуляциях и должностных преступлениях. «Особый революционный трибунал, гласил декрет, в своих суждениях руководствуется исключительно интересами революции и не связан какими-либо формами судопроизводства. Приговоры Особого революционного трибунала окончательны и обжалованию в кассационном порядке не подлежат»². Революционным трибуналам передавалось право вынесения приговоров по делам, возникавшим в ЧК. Постановление ВЦИК от 17 февраля 1919 г. «О праве вынесения приговоров ВЧК и революционными трибуналами»³ разграничивало права ЧК и ревтрибуналов. Так, например, право вынесения приговоров по делам, возникшим в ЧК, передавалось трибуналам, а за Чрезвычайными Комиссиями оставалось право на расправу для пресечения преступлений⁴. В документе четко определялись вопросы организации, компетенции, правомочия революционных трибуналов. Они учреждались «со специальной целью рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против всех завоеваний Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти»⁵. Трибуналам предоставлялось «ничем не ограниченное право в определении меры репрессии»⁶.

Революционные трибуналы создавались во всех губернских городах по одному на губернию, они могли быть созданы также в городах с населением свыше 200 тыс. человек. Трибуналы выносили приговоры, «руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велением революционной совести»⁷. Последующими законодательными актами подсудность трибуналов еще более расширялась, они рассматривали дела не только политические, но и о преступлениях хозяйственных,

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917-1952 гг. / сост.: проф. А.А. Герцензон ; под ред. [и с предисл.] проф. И. Т. Голякова. – М. : Госюриздат, 1953. – С. 34.

² Там же. – С. 34.

³ Декреты Советской власти. – М., 1968. – Т. IV. – С. 400–402.

⁴ Там же. – С. 401.

⁵ Там же. – С. 402.

⁶ Там же. – С. 402.

⁷ Там же. Т. VIII. – С. 255-256.

должностных и др. Деятельность чрезвычайных комиссий и трибуналов определенным образом выражала суть революционной эпохи и внутренних процессов, происходивших в Советской России.

Создавая чрезвычайные органы, советские властные институты придерживались правил соединения закона и беззакония. Как это ни парадоксально звучит, но «чрезвычайщина» обрела форму легитимного беззакония. Согласие на существование данных органов давало государство, оно же определяло нормативно-правовые условия их применения. На деле это проявлялось в своеобразной, правоприменительной деятельности всей правоохранительной системы. Суд, прокуратура и милиция выполняли заказ, который, как правило, определялся программной линией партии.

Активная «чрезвычайная» законотворческая деятельность усилилась в период «красного террора», с сентября 1918 г. Именно тогда советская власть объявила «красный террор» необходимым и неизбежным средством спасения завоеваний революции. 1 сентября 1918 г. «Правда» в передовой статье так откликнулась на ранение В.И. Ленина: «Отныне наступил момент борьбы не на живот, а на смерть, когда все средства дозволены»¹. Репрессии, включая расстрелы, приняли массовый характер. Классовый террор был направлен не только против отдельных лиц, совершивших преступления, но и касался сочувствовавших. Вполне уместны аргументы, приведенные в работе М. И. Пискотина утверждавшего, что история «красного террора» – это трагедия русского народа. «История «красного террора» говорит о том, что он был не просто развязан, а организован сверху, причем организован именно «вождями революции», большевистским руководством. Его главными идеологами и творцами являлись В.И. Ленин, Свердлов, Троцкий, Дзержинский, Зиновьев, причем больше первые трое, чем четвертый из них, который был скорее исполнителем, чем теоретиком террора. И в непосредственной организации массовых репрессий в центре и на местах они опирались чаще не на русских, а на представителей других национальностей. «Их расчет был простым и циничным. Террор обрушивался в основном на русских (каковыми считали себя в то время, кроме великороссов, также украинцы и белорусы), поэтому его легче могли творить те, кто не отождествлял себя с ними, не видел в них сво-

¹ Правда: орган ЦК КПрФ. – М. – 1918. – 1 сентября.

их братьев и сестер, кому было не жалко или менее жалко «этот народ»¹.

Среди наиболее жестоких и кровожадных организаторов и исполнителей террористических акций были, как известно, «чекисты» Петерс, Атарбеков, Лацис, Кедров, Ландер, Гольдин, Португейс, Фельдман, Фридман, Бош и им подобные. В Архангельске некая «чекистка» Майзель-Кедрова расстреляла собственноручно 87 офицеров, 33 обывателя, потопила баржу с 500 беженцами и солдатами. Конечно, палачей находили и среди русских. Но очевидно, что не они были основными организаторами и творцами «красного террора». Направляли его и настойчиво подталкивали к нему главные вожди большевиков»². Факты и суждения, представленные в работе М.И. Пискотина, возможно, имеют некоторую эмоциональную окраску, однако они свидетельствуют не только о классовой, но и национальной направленности «красного террора», который выражал сущность чрезвычайной политики советской власти. Данную точку зрения автор приводит как иллюстрацию к политическим репрессиям, организованным членами большевистского правительства.

Правовой основой для репрессий и террористических акций послужило постановление Совнаркома о «красном терроре», принятое 5 сентября 1918 г. по докладу Ф.Э. Дзержинского о деятельности ВЧК. В нем говорилось, что «обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». Большевистское правительство признало возможным изолировать классовых врагов в концентрационных лагерях, а заговорщиков и мятежников расстреливать. О количестве жертв «красного террора» в 1918-1919 гг. можно судить лишь по заниженным данным ВЧК: приблизительные цифры арестов по стране – 128 000, из них расстреляно 9641 человек³. Всего за три года с 1918 г. по 1920 г. расстреляно 12733.

Аргументируя применение смертной казни, В. И. Ленин говорил: «Суд должен не устранять террор, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революцион-

¹ Там же.

² Пискотин, М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия / М. И. Пискотин. – М. : Форум, 2001. – С. 156-157.

³ См.: Известия ВЦИК. – 1920. – 6 февр.

ная совесть поставят условия применения террора на деле более или менее широко»¹.

Особую роль в стимулировании чрезвычайных акций в эпоху «красного террора» играли политические лозунги, которые направляли движения масс. Лозунги по форме выражали призыв к действиям, а по содержанию определяли смысл действий. Так, например, лозунг «Берегитесь шпионов» от 31 мая 1919 г. реализовался в политической кампании против шпионов и диверсантов, стимулировал активную деятельность чрезвычайных органов. Известный лозунг «Социалистическое отечество в опасности», объявленный 21 февраля 1918 г., предоставлял право советам вести мобилизацию населения в вооруженные силы Красной армии. Лозунги не определяли средства борьбы, которыми пользовались представители советской власти, однако на эмоциональном уровне, подсознательно, политические лозунги закладывали антагонистическое неприятие классовых противников, что в конечном итоге влияло на выбор средств борьбы, иногда не в пользу узаконенных.

Вся чрезвычайная правовая политика, основанная на репрессивно-карательных акциях, внешне строилась на принципах законности. В. И. Ленин, а впоследствии И. В. Сталин понимали выгоду от легитимного террора, поэтому придавали действиям по преследованию инакомыслящих «правовую» форму. Законы создавались в рамках советской правовой системы и выражали особую схему отношений между сторонниками и последователями советской власти и всеми остальными. Чрезвычайное законодательство Советского государства в первые годы его существования было направлено против «злейших» классовых врагов. К классовым врагам относились: буржуазия, помещики и лица, оппозиционно настроенные к большевистской власти.

Идеология «чрезвычайщины» опиралась на психологию люмпенов. Ее суть сводилась к стремлению узаконить те деяния, которые в данный период были выгодны и соответствовали представлениям правящей элиты о законности и правопорядке. Чрезвычайное законодательство отличалось особой упрощенной процедурой. Практически все декреты и иные акты появлялись на свет после обсуждения в ЦК партии. Длительность жизни таких актов определялась политической конъюнктурой или задачей текущего момента. Противоречия между

¹ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 45. – С. 190.

действовавшими законами и чрезвычайными актами разрешались в пользу последних.

Советская власть в 1923 г. сформулировала «Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка». Оно предоставляло административной власти право объявлять исключительное положение в случаях, когда существовала «серьезная угроза» контрреволюционных выступлений и иных посягательств на рабоче-крестьянскую власть и ее отдельных представителей. В условиях непримиримой борьбы с враждебными классами «серьезную угрозу» могли представлять, как мелкие, единичные, частные вылазки контрреволюционеров, так и масштабные выступления против советского режима. Поэтому чрезвычайные меры применялись по поводу и без повода, в зависимости от складывавшейся политической конъюнктуры.

Особая чрезвычайная законотворческая инициатива активно проявилась во время становления политической власти И. В. Сталина. Начиная с 1926 г., определенным образом оказывался нажим на все слои населения, в том числе и на крестьянство. При этом в правовой жизни страны чаще использовались чрезвычайные политические директивы, посредством которых осуществлялось давление на все институты государства, в том числе и систему правоохранительных органов. Особенно остро «директивная кампания» обозначилась в период хлебного кризиса 1927 г. Так, 14 и 29 декабря 1927 г. ЦК ВКП(б) разослал директивы, в которых ставилась задача решительными мерами заставить крестьян (независимо от их социального статуса: кулак, середняк или бедняк) продавать государству товарное зерно по установленным (явно заниженным) расценкам. В январе 1928 г. в «Директиве ЦК ВКП(б) местным парторганизациям о хлебозаготовках» последовала команда при взыскании недоимок применять жесткие меры. Жесткость, террор и насилие – эти формы выражения полномочий всегда присутствовали в указаниях центральных партийных органов. Давление в острой нажимной форме было присуще директивным документам ЦК ВКП(б). Безусловно, директивы партии нельзя назвать нормативно-правовыми документами, но парадокс ситуации состоял в том, что именно они порой блокировали действие законов и оказывали существенное влияние на правовую жизнь Советского государства.

Если директивы выполняли функции подстегивавших документов для ускорения процесса решения конкретных задач, то постановления

партии определяли стратегическую линию на перспективу. В 1930-1932 гг. было принято несколько чрезвычайных постановлений. К их числу можно отнести следующие директивы: «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г.; «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств» от 30 января 1930 г.; «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» от 14 марта 1930 г.¹ и др. Вслед за ними появились несколько постановлений ЦИК и СНК СССР - «О едином сельхозналоге и налогообложении кулаков» от 23 июля 1930 г. и «Об ответственности за порчу сельскохозяйственной техники» от 13 февраля 1931 г.²

Чрезвычайные постановления отражали процессы, происходившие в экономической и политической жизни общества, когда чрезвычайность вводилась в государственно-правовую систему как стиль, метод и принцип управления. Партийное руководство и Сталин требовали от народных масс постоянных жертв, оправдывая их революционной необходимостью и целесообразностью. До начала коллективизации в стране был популярным лозунг «Нейтрализация кулачества как класса». Лозунг выражал правовую идеологию той эпохи, в какой-то степени сдерживал силовые структуры от массовых репрессий в отношении зажиточной части крестьян и устанавливал относительную социальную гармонию в деревне. Это обуславливалось двумя причинами. С одной стороны, экономической причиной – кулак давал государству достаточное количество товарного хлеба. С другой стороны, политической причиной – существовал НЭП, официально поддерживалось частное предпринимательство и наемный труд, пропагандировалась многоукладная экономика, признавалась конкуренция государственного (социалистического уклада) с частнокапиталистическим и мелкотоварным укладами.

После изменения политической линии советской власти в конце двадцатых годов изменилась и тактическая линия. Курс на коллективизацию сельского хозяйства привел к появлению новой правовой политики и нового лозунга «Уничтожение кулачества как класса». Кулаков обвиняли во всех трудностях колхозного строительства, в саботаже, диверсиях и поджогах. Не случайно зажиточные крестьяне получили про-

¹ См.: КПСС в резолюциях. – Т. 4. – С. 394-398.

² См.: СЗ СССР. – 1930. – № 37. – С. 339; – 1931. – № 7. – С. 6; – 1931. – № 9. – С. 104.

звище «кулак». Впервые термин «кулак» появился в статистическом справочнике, вышедшем в свет в 1928 г. В нем содержалось официальное определение «кулака». По мнению составителей справочника, «кулаком» мог считаться крестьянин, имевший определенное хозяйство, оцененное по стоимости средств производства и количеству использованной привлеченной рабочей силы в год. Так, к категории «кулаков» относились лица, использовавшие наемную рабочую силу более 150 дней в году и имевшие хозяйство по совокупной стоимости средств производства более 400 рублей. Сюда включались также и крестьяне, привлекавшие наемную рабочую силу более 75 дней в году, имевшие хозяйство по стоимости средств производства более 800 рублей. Кулаками считались земледельцы, прибегавшие к найму рабочей силы в течение 50 дней в году и имевшие средства производства на сумму 1600 и более рублей. По данным того же справочника, кулаки составляли в 1927-1929 гг. от 3,7 до 5 % сельского населения страны (1 % равен 1,25 млн человек)¹.

Кулак по определению входил в классово чуждую пролетариату и беднейшему крестьянству социальную группу. В данном случае налицо была откровенная трансформация смыслового содержания слова. В XIX веке кулаком в России называли скрягу и «жидоморду», сводника и перекупщика – того, кто, «сам безденежный, живет обманом, обчетом, обмером»². В последствии слову «кулак» придали классовое, эмоционально усиленное содержание, оно ассоциировалось с понятием классового врага.

В 1924 году в свет вышел чрезвычайный Циркуляр ОГПУ, который определял категории лиц, относившихся к врагам народа. Врагами народа считались: члены запрещенных политических партий и организаций, члены Союза независимых землепашцев, титулованные лица, члены молодежных националистических организаций, сотрудники царских министерств и охраны, бывшие пограничные стражники, члены дореволюционных судебных органов, бывшие чиновники, все офицеры (без исключения), тайные агенты, амнистированные лица, все, кто рабо-

¹ См.: Статистический справочник на 1927-1928 год / Кунгурский окружной исполнительный комитет; Окружное статистическое бюро. – Кунгур : Окрстатбюро, 1927 (тип. "Искра"). – 94 с.

² Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Ч. 1-4. – М. : Общество любителей российской словесности, учрежденное при Императорском Московском университете, 1863-1866. – Т. 2.

тал во властных органах на территориях, занятых белыми, служители культа, купцы, держатели магазинов, нэпманы, землевладельцы, крупные арендаторы, «удачные» крестьяне, лица, имевшие родственников за границей или родственников, служивших у белых, иностранцы, члены сект, профессура, лица, ранее подозревавшиеся в контрабанде, шпионаже и других криминальных деяниях и кулаки¹. По отношению к ним допускались чрезвычайные меры воздействия по упрощенной схеме судопроизводства.

Борьба с врагами народа оправдывала действия органов власти и позволяла применять силу закона в угоду политической ситуации, которую советская власть использовала для усиления диктатуры. Самым удобным средством в этой борьбе были чрезвычайные нормативно-правовые акты. По действию их можно разделить на отраслевые и ведомственные. Чрезвычайные законы никоим образом не согласовывались с конституционными нормами и не вписывались в правовое пространство, очерченное Конституциями РСФСР и СССР.

«Чрезвычайщина» упрощала до предела все процедуры не только в отдельных ведомствах, но и в правоохранительной системе в целом. Следственным органам совершенно не требовалось закрепляющей доказательной базы, достаточно было сослаться на показания свидетелей, а то и вовсе обходились без них. «Для расстрела нам не нужно доказательств, ни допросов, ни подозрений, – заявлял уполномоченный Москвы в Кунгурской ЧК товарищ Гольдин. – Мы находим нужным и расстреливаем, вот и все»². В качестве повода для задержания, ареста и привлечения к уголовной ответственности хватало одного доноса или «анонимки». Судебное разбирательство основывалось на скоротечности, упрощенности процедуры, имело свернутый характер. Нарушались главные принципы судопроизводства: гласность, открытость, доступность, демократичность. Чрезвычайные постановления и законы практически всегда имели адресный характер и охватывали определенный круг лиц. В основном они касались скрытых и открытых противников сталинского режима и просто различных слоев населения, попавших в зону подозрения интересов представителей советской власти.

Чрезвычайное законотворчество проникало во все отрасли права, оно вклинивалось в гражданское, уголовное и уголовно-процессуальное

¹ См.: Циркуляр ОГПУ. – М., 1924. – С. 1.

² Пискотин, М.И. Указ. соч. – С. 156-157.

право. В конце 20-х – начале 30-х годов некоторые категории гражданских дел, в большей степени это касалось трудовых дел¹, в чрезвычайном порядке были переданы в уголовное судопроизводство. Применялось уголовное преследование к лицам, уклонявшимся от трудового участия в общественно полезных мероприятиях. Уголовная ответственность наступала за нарушение продолжительности рабочего дня, п. «а» ст. 1 Положения о дисциплинарных товарищеских судах 1921 г. Декреты СНК РСФСР от 29 января 1920 г.², от 9 мая того же года³ и, наконец, от 22 ноября 1921 г.⁴ определяли меры уголовного наказания за трудовое дезертирство. В УК РСФСР существовали понятия «дезертир и ту-неядец», они были тождественны определению «враг народа»; а по отношению к врагам существовали две формы наказания – изоляция от общества или физическое уничтожение.

Особенно страшными были последствия «чрезвычайщины» в уголовном праве. Можно отметить, что вся советская правовая система опиралась на принципы легитимного террора. Легализовать репрессивно-карательную практику можно было лишь при условии ее признания большинством населения Советского государства. Поэтому появление чрезвычайных правовых актов репрессивного характера, как правило, сопровождалось сильной пропагандистской поддержкой. Ни у кого не оставалось сомнения в их необходимости, своевременности и актуальности. Так, в условиях будто бы постоянной угрозы внешней агрессии были введены санкции, якобы направленные на поддержание дисциплины и предотвращение предательства в Красной Армии. Появилась статья 1в УК РСФСР 1926 г., дополнившая ст. 58, известную как статья о заложничестве. В соответствии с ней при побеге или перелете через границу военнослужащего его родственники привлекались к уголовной ответственности. Не случайно был снижен и возраст лиц, подверженных уголовной ответственности, с 16 до 14 лет. Впоследствии Постановлением ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»⁵ от 7 апреля 1935 г. устанавливалась уголовная

¹ См.: Вершинин, А.Д. Деформация судебной защиты гражданских прав и интересов в конце 20-х – начале 30-х годов // Советское государство и право. – 1989. – № 8. – С. 133.

² СУ РСФСР. – 1920. – № 8.

³ Там же. – 1922. – № 46.

⁴ Там же. – 1921. – № 78.

⁵ СЗ СССР. – 1935. – № 19.

ответственность с 12-летнего возраста за такие преступления, как кража, грабеж, убийство и т.д. с применением всех мер наказания вплоть до расстрела. Чрезвычайные уголовные меры наказания оправдывались различными социально значимыми и политически важными причинами, поэтому в своем большинстве они воспринимались обществом как должные.

Чрезвычайное советское нормотворчество конца 20-х – середины 30-х годов отличалось значительным количеством секретных и полусекретных правовых актов, инструкций и циркуляров, которые поддерживались уголовными репрессиями. К ним можно отнести широко известные законы, которые сопровождались секретными инструкциями по их применению, отдельные партийные циркуляры и директивы по важнейшим хозяйственно-политическим вопросам жизнедеятельности государства. Таким образом, в правовой жизни страны существовали два взаимоисключающих направления. С одной стороны, действовало официально установленное право, основанное на Конституции РСФСР. С другой стороны, существовали нормативные акты, закрытые для широких масс, ограничивавшие действия не только отдельных отраслевых законов, но и конституционных норм.

В 30-е гг. негативную известность получил закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г., который впоследствии получил печально известное название «Закон о пяти колосках»¹. Спустя полтора месяца после вступления в действие названного закона появилась секретная инструкция по его применению, которая была утверждена решением Политбюро 16 сентября 1932 г. Инструкция гласила: «...утверждение приговоров к высшей мере наказания по делам, предусмотренным декретом ЦИК и СНК СССР, вступает в силу немедленно, по истечении 48 часов»². Фактически работал не закон и даже не подзаконный акт, а партийная инструкция по применению закона.

Значительное количество эпизодов жизнедеятельности государства регламентировалось ведомственными чрезвычайными циркулярами. По своей значимости они не уступали правовым актам, хотя иногда

¹ СЗ СССР. – 1932. – № 62. – Ст. 360.

² Зеленин, И.Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. – 1998. – №1. – С. 119.

и противоречили им. Так, 13 августа 1933 г. Объединенное государственное политическое управление СССР издало циркуляр 96 «О порядке применения мер внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации населения»¹. Предусмотренные циркуляром меры распространялись на значительную категорию граждан. К ним относились: лица, отказавшиеся добровольно покинуть местность, в которой им запрещалось проживать в связи с отказом в выдаче паспорта; граждане, возвратившиеся в местность, запрещенную для проживания; прибывшие на жительство в режимную местность. Для проведения внесудебных репрессий предписывалось создавать при полномочных представителях ОГПУ специальные тройки в составе председателя – помощника председателя по милиции и членов – начальников паспортного и оперативного отделов ОГПУ с участием прокурора. Тройкам вменялось в обязанность рассматривать дела по спискам, представленным милицией. Предусматривались меры наказания вплоть до направления в спецпоселения и лагеря сроком до 3 лет².

Циркуляры расширяли права и полномочия отдельных чиновников, придавали их деятельности статус чрезвычайных органов. Например, ведомственным циркуляром Главного управления рабоче-крестьянской милиции от 25 апреля 1935 г. начальникам УНКВД и Управлений милиции разрешалось собственным решением выселять из режимной местности «лишенцев» и лиц, не занятых общественно полезным трудом, при наличии компрометирующих материалов, свидетельствовавших о социальной опасности этих лиц в данное время.

Отдельные циркуляры расширяли уголовно-правовую сферу, при этом существенно изменяли смысл статей уголовного кодекса. Так, 14 августа 1933 г. вышел в свет циркуляр, в котором Прокурор СССР предложил квалифицировать нарушение договорных обязательств как злонамеренное неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственными или общественными учреждениями, или предприятиями, и рекомендовал применять за это нарушение статью 131 УК РСФСР 1926 года³.

¹ Там же. – С. 119.

² См.: Право на свободу и личную неприкосновенность / Ю. И. Стецовский. – М. : Дело, 2000. – С. 478.

³ См.: Сборник приказов. Прокуратура СССР. – М., 1939. – С. 117.

Можно отметить циркуляр НКВД от 17 декабря 1934 г. «О злоупотреблениях служебным положением». Этот документ позволял расценивать некоторые действия руководителей, активно участвовавших в комплектовании кадрами своих предприятий, как злонамеренные действия, направленные на подрыв социалистического хозяйства. Предлагалось инкриминировать руководителям предприятий статью 109 УК РСФСР 1926 г. в том случае, если они переманивали рабочих с других промышленных объектов.

С точки зрения В. Н. Кудрявцева и А. И. Трусова, «политические репрессии советского времени следует оценивать двояко: и как грубейшую деформацию самого законодательства по сравнению с нормами цивилизованного общества, и как преступные нарушения той элементарной законности, которая еще сохранялась в некоторых юридических документах»¹.

К этому следует добавить, что сами репрессии определялись революционной целесообразностью, заложенной в идеологии антагонистического неприятия классово чуждых элементов.

С известной долей уверенности можно констатировать тот факт, что законотворческая деятельность и правоприменительная практика в исследуемый период, при условии развития тоталитарной правоохранительной системы, не могли существовать без «чрезвычайщины». Это обуславливалось своеобразием правовой политики и правовой жизни Советского государства. В своей сущности правоохранительная система, созданная советской властью, состояла из чрезвычайных институтов, чрезвычайного законодательства, чрезвычайной правовой идеологии, чрезвычайных органов внутренних дел, суда и прокуратуры, так как все они в ряде случаев действовали за рамками правового поля. Такая система могла сложиться только при условии формирования тоталитарного государственно-правового режима, где действие или бездействие закона определялось политической целесообразностью.

¹ Кудрявцев, В.Н., Трусов, А.И. Указ. соч. – С. 8.

1.4. Основные аспекты уголовно-правовой политики советской власти после Октябрьской революции

Насилие – не главная задача в деятельности государства и в то же время – это необходимый инструмент, которым оно должно пользоваться в случае нарушения индивидуумом установленных правил общежития. Репрессии государство должно осуществлять легитимно. М. Вебер видел в государстве «монополию легитимного физического насилия»¹. В тезисе о пролетарском насилии В.И. Лениным была сформулирована концепция сильного государства с жесткой диктатурой: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров, и для руководства громадной массой населения...»². В этих словах В. И. Ленин спроецировал ближайшую задачу – создание в России государственного аппарата, способного от имени пролетариата уничтожить противников нового устройства общества.

Формирование уголовно-правовой политики в Советском государстве тесно связано с ленинской идеологией. Коммунистическая идея способствовала созданию особого типа правовой доктрины и правоохранительной системы советского общества, которая опиралась на ленинские догмы. Структура этой системы складывалась в процессе длительных, кровавых экспериментов, унесших в могилу в первые после-революционные годы свыше 1 700 000 жизней³.

Характеризуя уголовно-правовую политику государства с 1917 по 1936 гг., можно выделить три основных периода ее становления. Первый период укладывался в хронологические рамки 1917–1925 гг., его можно назвать периодом формирования общего уголовно-правового курса государства. На этом этапе активно шел поиск ценностных ориентиров, определялись правовые приоритеты, формировалось уголовное законодательство.

Второй период охватывал 1926 – 1930 гг. Именно в это время было создано уголовное законодательство, которое сконцентрировало в

¹ Вебер, М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Составитель Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 340.

² Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 41. – С. 35.

³ См.: Мельгунов, В. П. Красный террор в России. 1917–1923 гг. – М., 1990. – С. 46.

себе всю уголовно-правовую идеологию советской власти – УК РСФСР 1926 г. и УПК РСФСР. На этом этапе правоприменительные органы апробировали Уголовный кодекс. Партийная элита предприняла попытки его корректировки, появлялись подзаконные акты, которые в определенных случаях сковывали действие уголовных законов или существенно их поправляли.

Третий период включал 1931 – 1936 гг. Это был этап развития карательно-репрессивной политики. На данном отрезке времени уголовное право было вытеснено «политической целесообразностью», вместо уголовных законов часто работали постановления и решения партии, которые всячески попирали закон как регулятор общественных отношений, а вместе с ним и элементарные права человека. Ни суд, ни прокуратура, ни другие правовые институты общества не могли функционировать как полнокровные органы государства.

Уголовно-правовая политика, проводимая большевиками после Октября 1917 г., характеризовалась несколькими основными признаками. Во-первых, налицо было стремление «одним махом и за короткий срок» покончить с преступностью, прибегая лишь к мерам уголовного преследования. Во-вторых, резко обозначилось вторжение уголовно-правового принуждения в сферу трудовых отношений. В качестве примера можно назвать декреты СНК РСФСР от 29.01.1920 г.¹, 9.05.1920 г.², и 22.11.1921 г.³ Они установили уголовную ответственность за уклонение от трудовой повинности и за трудовое дезертирство. За нарушение продолжительности рабочего дня в Положении о дисциплинарных товарищеских судах 1921 г. п. «а» ст. 1 предусматривалась возможность направлять виновного на тяжелые принудительные работы сроком на 6 месяцев или в концентрационный лагерь на аналогичный срок⁴. Наказания за названные преступления предусматривались ст. 79 и 126 УК РСФСР 1922 г. и ст. 61 УК РСФСР 1926 г. В-третьих, сложилась репрессивно-карательная направленность уголовного права, в результате чего в уголовных законах доминировали классовые интересы, целесообразность и революционная законность.

¹ СУ РСФСР. – 1920. – № 8.

² Там же. – 1922. – №46.

³ Там же. – 1921. – №78.

⁴ СУ РСФСР. – 1921. – № 23-24.

Официально основы уголовно-правовой политики Советского государства выражались так: «Уголовное законодательство имеет целью защиту социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем порядка управления от преступлений»¹. В обозначенной правовой доктрине ни слова не говорилось о человеке и его правах. Идея превосходства государства и его интересов над всеми остальными с самого первого дня получила мощную идеологическую поддержку со стороны властных структур и партийного аппарата. На базе этой идеи в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик была сформулирована правовая концепция, в которой можно выделить два основных пункта. В первом пункте выстраивались приоритеты действия уголовного законодательства: «Подлежат различию две категории преступлений: к первой относятся преступления против основ советского строя, установленного волею рабочих и крестьян, и поэтому признаваемые наиболее опасными; ко второй – все остальные»². Во втором пункте определялись санкции за преступления. Степень наказания за совершенные деяния неадекватна: «за преступления против основ советского строя в уголовных законах СССР устанавливался предел, ниже которого суд не имел права назначить меру социальной защиты (как правило, определялся максимальный срок или расстрел). По второй категории преступлений в законе устанавливались лишь высшие пределы»³.

Долгое время в отечественной юридической и исторической литературе бытовало мнение, что роль уголовного права в регулировании общественных отношений в послеоктябрьский период была завышенной⁴. Скорее, наоборот, наблюдался процесс резкого занижения уголовно-правового регулирования жизни общества, так как при помощи уголовных законов и мер репрессивного воздействия делалась попытка решить все правовые проблемы государства. В этой связи можно согласиться с мнением М. С. Гринберга, который утверждал, что «осуществлялась подмена подлинного уголовного права, не рассчитанного на ре-

¹ Лаговиер, Н.О. Народный суд: Из цикла лекций «Заочных курсов советского строительства» / Н.О. Лаговиер. – М. : Власть советов, при Президиуме ВЦИК, 1930. – С. 18-19.

² СЗ СССР. – 1924. – №24. – Ст. 205.

³ СЗ СССР. – 1924. – № 24. – Ст. 205.

⁴ См.: Наумов, А. В Обновление методологии науки уголовного права // Советское государство и право. – 1991. – № 12. – С. 23.

гулирование всего и вся, игнорировались различия между разными преступлениями, ступенчатость кары и т.д.»¹

Особенность советской уголовно-правовой политики в исследуемый период состояла в том, что она опиралась на революционную (социалистическую) законность и революционное правосознание. Эти категории представлялись в обществе как основополагающие.

В своей работе «Принципы законности и проблемы их реализации» А. Ф. Ефремов исследования определил законности как сложное явление, включающее в себя: «во-первых, господство закона, а не права. Во-вторых, общеобязательность правовых норм. В-третьих, законность должна по своему содержанию отвечать сущности права и правовых законов – справедливости, отвечать требованиям естественного права. В-четвертых, содержание законности может быть раскрыто через ее принципы – верховенство Конституции; единство законности, равенство всех перед законом; неотвратимость ответственности»². Разумеется, «революционная» и «социалистическая» законность в своей основе не включала вышеперечисленные категории. Это прежде всего касалось защиты естественных прав человека, равенства всех перед законом и др., в силу того, что одним из приоритетных принципов советского права была борьба с частной собственностью, лежавшей в основе естественного права. Равенство перед законом не могло быть реализовано из-за активного применения классового подхода в праве, основанного на признании превосходства пролетариата.

Идея классового превосходства пролетариев над буржуазией, сконцентрированная в лозунге «Диктатура пролетариата», оправдывала любое нарушение закона, порождала террор и насилие над отдельной личностью. Вместо ориентации на закон правоохранительные органы руководствовались революционным правосознанием. Это стало возможным в результате «идеологических перекосов», когда узаконивались классовые принципы, поощрялась карательно-трудовая политика и открытая агрессия против классово чуждых элементов. Предлагалось ослабить меры воздействия на выходцев из пролетарской и крестьянской среды и ужесточить репрессии по отношению к классовым врагам.

¹ Гринберг, М.С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов // Государство и право. – 1993. – № 1. – С. 72.

² Ефремов, А.Ф. Принципы законности и проблемы их реализации / А.Ф. Ефремов ; под общ. ред. В.М. Ведяхина. – Тольятти: Изд-во ТолПИ, 2000. – С. 26-27.

Широко распространялись представления о возможности и даже необходимости отступления от указаний закона при вынесении судебных решений в отношении противников социалистических преобразований. Все это обосновывалось «интересами государства и трудящихся», «политикой социалистического государства», «революционной целесообразностью и пролетарской необходимостью».

Советская правовая политика резко ограничивала права человека, интересы которого во всех областях советской общественной жизни и общественного строительства подчинялись интересам государства. Нарушения прав личности рассматривались советским законодательством как необходимая форма защиты государства от контрреволюционных проявлений. Это положение было узаконено Постановлением чрезвычайного VI Всероссийского съезда Советов от 8.11.1918 г. В нем говорилось, что «меры, отступающие от законов РСФСР или выходящие за их пределы, допустимы лишь в том случае, если они вызваны экстренными условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией»¹. После Октябрьской революции в России сложилась чрезвычайная ситуация, связанная с политикой «военного коммунизма», а затем борьбой против различного рода соперников Сталина, когда все действия государства могли квалифицироваться как экстренные, направленные на подавление контрреволюции. Следовательно, имелись вполне весомые основания для использования репрессивного аппарата против конкретной личности в угоду защиты интересов государственной власти.

Декрет Совнаркома о ВЧК от 21 октября 1919 г. узаконил внесудебные репрессии. Данный репрессивно-карательный институт фактически не использовал в своей деятельности уголовное законодательство, так как в его решениях отсутствовала связь с уголовно-правовыми нормами, регулировавшими специфическую сферу общественных отношений. Ни «Руководящие Начала по уголовному праву РСФСР» 1919 года, ни проект «Уголовного Кодекса РСФСР» 1920 г. не давали правовой возможности для проведения внесудебных репрессий. Даже в проекте второй Программы партии В. И. Ленин сформулировал положения о гуманизации форм и методов деятельности правоохранительных органов, предлагал усилить меры воспитания, «вместо принуждения применять условное осуждение и общественное порицание, лишение свободы

¹ СЗ СССР. – 1924. – № 24. – Ст. 205.

заменить воспитательным трудом с проживанием на дому, вместо тюрем создать исправительные учреждения, а для решения споров товарищеские суды»¹. VIII съезд партии включил ленинское положение в Программу партии, в которой подчеркивалось стремление к тому, чтобы «система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера»². Но, как говорится, «благими намерениями дорога в ад вымощена». Вместо ослабления репрессивной политики в стране набирала обороты «чрезвычайщина».

Противоречивая правовая политика, проводимая в начале 20-х годов, порождала и противоречивые суждения лидеров советской власти. С одной стороны, В. И. Ленин высказывался за свертывание репрессий, с другой – всячески старался их усилить. В письме наркому юстиции Д. И. Курскому «О задачах Наркомюста в условиях НЭПа» В. И. Ленин настаивал на формировании права, в котором торжествовал бы принцип «Ничего частного – все государственное»: «Мы ничего частного не признаем. Мы допускаем капитализм только государственный, а государство – это мы»³. Отсюда возникало стремление навязать правоотношения, основу которых составляла революционная целесообразность, поэтому государство должно было «карать за отступление от наших законов не позорно глупым штрафом в 100–200 миллионов, а расстрелом»⁴.

Иногда источниками уголовного права являлись ведомственные акты НКВД и ОГПУ. Это было связано со стремлением советских органов власти, создать совершенно новое правовое пространство, в котором право использовалось в качестве «кнута». Пропагандировалась возможность выборочного применения закона в угоду конкретным интересам властных структур, нивелировались основные права человека, такие, как право на жизнь. В этой связи показательны высказывания одного из теоретиков пролетарской эпохи Н. И. Бухарина, который писал: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная с расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из че-

¹ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 38. – С. 408.

² КПСС в резолюциях. – Т. 11. – С. 48.

³ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958-1965. – Т. 44. – С. 398.

⁴ Там же. – С. 400.

ловеческого материала капиталистической эпохи»¹. В данном случае важен подход к определению личности как «материала» для формирования новой общности людей и этот материал использовался в качестве раздаточного. Уголовное право выполняло функцию придатка системы, а поэтому оно не могло быть авторитетом при решении всего комплекса проблем, стоявших перед обществом, и постепенно утрачивало правовые позиции, превращаясь в «политический инструмент репрессивного характера».

Именно в этот период сложилась практика формирования уголовно-правовых норм под диктовку власти в зависимости от политической конъюнктуры. Некоторые статьи уголовного кодекса активно работали только тогда, когда существовали властные целевые установки. Можно согласиться с суждением Ю. И. Стецковского, который утверждает, что «советские нормативные акты открывали широчайший простор для произвола и расправы с населением. Большевики отрицали правовой характер своих декретов и провозглашали «революционную целесообразность», которая расценивалась ими как «деятельность карательных органов и отказ от суда»². В высказываниях одного из архитекторов советского права Н. В. Крыленко можно найти откровенные признания, на них ссылается Ю. И. Стецковский в подтверждение своих суждений: «Для нас нет никакой принципиальной разницы между судом и расправой. Суд есть та же расправа, а расправа есть тот же суд»³; «Каковы бы ни были индивидуальные качества подсудимого, к нему может быть применен только один метод оценки: это – оценка с точки зрения классовой целесообразности»; «В нашем революционном суде мы руководствуемся не статьями и не степенью смягчающих обстоятельств; в трибунале мы должны исходить из соображений целесообразности»⁴. Пролетарский суд считался органом подавления классовых врагов.

Влияние конъюнктуры особенно проявилось в УК РСФСР 1926 г., именно в нем была произведена перегруппировка уголовных статей в угоду политическому режиму. Наибольшему изменению подверглась глава 2 «О преступлениях против порядка управления». Пополнение данной главы произошло в основном за счет хозяйственных преступле-

¹ Бухарин, Н.И. Избранные произведения / Н.И. Бухарин; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Политиздат, 1988. – С. 198.

² Стецковский, Ю.И. Указ. соч. – С. 8.

³ Там же. – С. 8

⁴ Там же. – С. 9.

ний. Если в УК РСФСР 1922 г. преступления против порядка управления занимали 30 статей (ст. 74–104)¹, а преступления хозяйственные – 15 статей (ст. 125–141), то в УК РСФСР 1926 г. число первых возросло до 60 статей (ст. 59 (1)–108), из которых 14 перенесены из главы о хозяйственных преступлениях, количество вторых же сократилось до 7 статей (ст. 128–135). Примечательна мотивировка, которую предложили законотворцы в связи с изменениями УК РСФСР. В качестве главного аргумента использовалась экономическая необходимость изменения хозяйственного уклада государства: «поскольку регулировка хозяйственной жизни страны находится в руках государства, плановое хозяйство является отраслью государственного управления, следовательно, хозяйственные преступления – вид преступлений против порядка управления»².

В соответствии с общей правовой доктриной, реализуемой в государстве, в 1926 году ВЦИК СССР утвердил «Положение о судостроительстве РСФСР»³, в котором конкретизировались задачи судов Российской Федерации. Основной линией в деятельности судов стала функция «ограждения завоеваний революционной пролетарской рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленного» и лишь потом – «осуществления революционной законности, личных и имущественных отношений граждан». Приоритет государственных интересов над интересами личности в судопроизводстве раскрывал сущность уголовной политики в целом. Создавались условия деятельности судов «под диктовку», формировалось специфическое советское право, которое впоследствии получило название «телефонное право». Складывалась система «человек во имя государства», а не наоборот – «государство во имя человека».

В инструктивном письме № 1 Верховного суда РСФСР за 1927 год прямо указывалось, что «суд откровенно может пойти дальше, чем гласит буква закона, если это во имя интересов трудящихся и государства»⁴.

Второе совещание судебно-прокурорских работников краев, областей и автономных республик РСФСР, состоявшееся в 1929 г., приняло

¹ УК РСФСР. – М., 1922.

² Проблемы преступности. НКВД РСФСР. М., 1928. – С. 86.

³ СУ РСФСР. – 1926. – №85. – Ст. 624.

⁴ Советская юстиция. – 1927. – С. 298.

резолуцию, которая в качестве основного лозунга работы судов закрепляла положение «Минимум формы, максимум классового существа»¹. Данная установка развязывала руки органам внутренних дел для всевозможных злоупотреблений, насилия по отношению к отдельно взятой личности. Так, в Сталинградской, Астраханской и Саратовской губерниях практиковалась дифференциация наказаний, в результате чего за идентичные по степени тяжести преступления к неимущим и зажиточным категориям граждан применялись разные меры воздействия. К первым – «пролетарское внушение», ко вторым – уголовное наказание². Нарушались элементарные гарантии прав человека и законность: не заводились дела, не составлялись протоколы заседаний суда, решения выносились устно, а при последующей записи часто искажались. Некоторыми судами за два часа рассматривалось до 30–40 заявлений.

В том случае, если тяжкие и особо тяжкие преступления были совершены против классовых врагов, меры наказания к преступникам применялись избирательно. В судах зачастую использовали статьи 28 и 36 УК РСФСР, на основании которых виновным-выходцам из пролетарской или крестьянской среды снижалось наказание. Так, в Астраханской губернии батрак из мести задушил трехлетнего сына середняка. Рассмотрев данное дело по ст. 112 УК РСФСР, суд приговорил убийцу к восьми годам лишения свободы, а затем по ст. 28 УК РСФСР снизил меру наказания до трех лет. Главным мотивом снижения меры наказания была классовая принадлежность батрака к беднейшему крестьянству³.

Нередки были случаи применения судами ст. 28 и 36 УК РСФСР в делах об изнасиловании⁴, причем ст. 36 УК РСФСР по смысловому значению была не приемлема, так как подразумевала «тяжелое стечение жизненных обстоятельств, как непосредственных причин, толкнувших на преступные деяния»⁵.

В 1926 году НКЮ в своем циркуляре предложил квалифицировать по ст. 10 и 76 УК РСФСР эпизоды группового изнасилования как действия из хулиганских побуждений⁶. Сравнение изнасилования с хули-

¹ Еженедельник советской юстиции. – 1929. – № 47. – С. 1099.

² ЦДНИАО, ф. 2522, оп. 1, д. 195, л. 15.

³ ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 1585, л. 128.

⁴ Еженедельник советской юстиции. – 1926. – № 47. – С. 1325.

⁵ Там же.

⁶ См.: Советская власть. – 1926. – № 52; Циркуляр НКЮ. – № 203 от 9.11.1926 г.

ганскими действиями показывает уровень защиты прав человека уголовным законом в новом пролетарском государстве.

В разгар хлебной заготовительной кампании в 1928–1929 гг. в Саратовском округе по отношению к крестьянам, не желавшим сдавать хлеб по государственным расценкам, применялась статья УК РСФСР о спекуляции (в УК РСФСР 1926 г. она была известна как ст. 107)¹, в результате чего возникло 493 уголовных дела. Закон определял понятие спекуляции «как скупку и перепродажу с целью наживы». Это явилось началом широкомасштабной акции против крестьян, которая способствовала появлению на свет различных уголовных материалов явно репрессивного характера. Только по Саратовскому округу было возбуждено: 1995 дел – за срыв хлебозаготовки, 325 – за несвоевременную посевную и уборочную страду, 189 – за срыв мясозаготовок, 147 – за кулацкий саботаж². С началом колхозного строительства в СССР уголовное преследование проводилось по конъюнктурным соображениям.

Необходимо отметить, что дифференциация наказания по классовому признаку в основном проводилась до 1929 г. После начала коллективизации условности, связанные с «пролетарским или крестьянским происхождением», были отброшены. Уголовные статьи стали распространяться на всех, начиная с «беднейших» и заканчивая «зажиточными». Заработал принцип «был бы человек, а статья найдется».

Определение уголовно-правовой политики на данном историческом отрезке можно характеризовать как «драконовские меры», которые И. В. Сталин увязывал с «социалистическим характером карательных акций». Термин «драконовские меры», по утверждению И. Е. Зеленина, ввел сам генеральный секретарь ЦК большевистской партии³.

Вероятно, И. Е. Зеленин был прав, назвав И. В. Сталина «главным архитектором»⁴ законотворческой политики Советского государства. Ярким подтверждением тому служит активное вмешательство Сталина в создание определенных законов. В качестве иллюстрации может слу-

¹ 22 августа 1922 г. ЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О борьбе со спекуляцией». Этим актом властные структуры обязывали ОГПУ, милицию и прокуратуру применять к спекулянтам и перекупщикам заключение в концлагерь сроком от 5 до 10 лет, без права на амнистию (СЗ СССР. – № 65. – С. 375).

² СЦХДНИ, ф. 55, оп. 1, д. 268, л. 8-9.

³ См.: Зеленин, И.Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. – 1998. – № 1. – С. 116.

⁴ Зеленин, И. Е. Указ. соч. – С. 116.

жить закон «О пяти колосках», точнее, постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

К этому можно добавить, что И. В. Сталин был не только «архитектором», но и главным «прорабом», который построил все правовое сооружение Советского государства. Подтверждением данного высказывания может служить вся правоохранительная система СССР до 1936 г., которая включала не только уголовное законодательство, уголовно-правовую идеологию, но и структуры, контролировавшие исполнение и применение законов.

Несмотря на то, что официальные органы власти объявляли о приоритетах государственных интересов перед интересами отдельной личности, а пропаганда защиты прав человека была непопулярной, начиная с 1925 г., на страницах печати поднимался вопрос об изменении уголовно-правовой доктрины, направленной на защиту прав отдельной личности. Специфическая советская уголовная политика породила противоречивые суждения по поводу наказания за совершение тяжких преступлений против личности. В дискуссиях на эту тему участвовали авторитетные теоретики и практики той эпохи. Одни авторы, окрыленные революционным пафосом, требовали снижения санкций за преступления против личности (подчеркиваем, именно против личности, о преступлениях против государства даже не упоминалось), другие, наоборот, их ужесточения¹. В это время в среде отдельных теоретиков права сложилось мнение, что «продолжительные сроки наказания срывали возможность вершить суд»². «Забивали места заключения, препятствуя проведению в жизнь принципов исправительной политики, положенной в основу борьбы с преступностью»³.

Формированию предложений о снижении наказаний за малозначительные преступления (до 7 дней вместо установленного минимума 1 месяц⁴) способствовала новая революционная идеология исправитель-

¹ Намитоков, А. Пережитки родового быта и советский закон. – М., 1929; Загряцков, М.Д. Административная юстиция и право жалобы. – М., 1925; Лаговиер, Н.О. Лекции заочных курсов советского строительства. – М., 1930; Дискуссия на страницах Еженедельника советской юстиции. – 1926. – № 47. – С. 1324.

² Катаньян, Р. Об изменении УК РСФСР // Власть советов. – 1925. – №2. – С. 6.

³ Там же. – С. 6.

⁴ Катаньян, Р. Указ. соч. – С. 6.

ной политики. Бытовало мнение, что пролетарий (в отличие от классовых врагов), движимый революционным сознанием, способен в короткие сроки осознать содеянное и стать на путь перевоспитания. Поэтому длительное наказание никакой пользы государству не дает, а лишь усугубляет положение осужденного.

Вместе с тем звучали высказывания, что «недооценка преступлений против личности обуславливалась пережитками взглядов, связанных с утратившими актуальность социальными и политическими условиями»¹. Появлялись даже суждения, что «тяжкие избиения более опасны для общества в целом, чем кражи из государственных учреждений не особо крупного размера, или должностная халатность»². Сразу отметим, что подобного рода заявления составляли исключения из правил и были не типичными для той эпохи.

Выступая за усиление уголовной ответственности по статьям о причинении вреда отдельной личности, большинство правоведов не смогли освободиться от цепей революционной идеологии. Это просматривалось в их публикациях. Наиболее типичным было представление о том, что «всякое действие рассматривается как преступление, если оно угрожает основам Советской власти или советскому правопорядку ст. 6 УК РСФСР, т.е. посягает на интересы целого»³. «В связи с принципиальным отрицанием прав личности, интересы которой во всех областях советской общественной жизни и общественного строительства подчиняются интересам (целого государства), всевозможные нарушения прав и интересов личности рассматриваются советским уголовным правом как преступления, как социально опасные явления лишь постольку, поскольку они в какой-то мере угрожают интересам коллектива. По этим основаниям выделение в УК РСФСР преступлений против личности в особую категорию, противопоставляемую преступлениям против общества, имеет лишь тот смысл, что они косвенно затрагивают интересы коллектива. Отсюда нарушения интересов личности могут рассматриваться как сопутствующие преступления»⁴.

На практике преступления против личности представлялись как преступления «второстепенной важности». Поэтому санкции за их со-

¹ Еженедельник советской юстиции. – 1926. – № 47. – С. 1324.

² Там же. – С. 1324.

³ Там же. – С. 1324.

⁴ Еженедельник советской юстиции. – 1926. – № 47. – С. 1324.

вершение были менее значительными, нежели за преступления против государства. Так, по ст. 76 УК РСФСР за контрреволюционные деяния, шпионаж, саботаж и др.¹, предусматривалось наказание вплоть до высшей меры – расстрела. За нанесение тяжких телесных повреждений личности наказание составляло несколько лет лишения свободы.

Необходимо отметить, что по мере усиления позиций Сталина в правовой теории все меньше стало голосов, осуждавших правоприменительную практику, посредством которой решались первоочередные задачи защиты интересов государства. Сталинская идеологическая машина сделала свое дело. В конце 20-х – начале 30-х гг. появилась новая правовая концепция, целиком и полностью основанная на «чрезвычайном» законодательстве. Вся уголовно-правовая политика была направлена на экономическую сферу. В свет вышли постановления партии и правительства, в которых наметился крен к усилению репрессивно-карательных санкций за преступления в экономике. Так, появились постановления ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1929 года и 13 февраля 1931 года, устанавливавшие уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение стандартов², за поломку и порчу тракторов и сельхозмашин³.

Появление чрезвычайных документов отражало процессы, происходившие в стране, когда чрезвычайность вводилась в жизнь как ее составная часть. Руководство страной требовало от народа постоянных жертв во имя индустриализации и коллективизации. Сам Сталин утверждал, что «репрессии явились необходимым элементом наступления»⁴. Этот тезис лег в основу формирования мощной репрессивной структуры, которая сочетала в себе функции политической полиции с функциями правоохранительных органов.

Деформированная уголовно-правовая политика способствовала появлению искаженных представлений об амнистии. В полемике об изменениях уголовного кодекса, проводимой на страницах «Еженедельника Советской юстиции» в 1925–1926 гг., проблема амнистии рассматривалась как революционная форма «реабилитации заблудших». В действовавшей правоприменительной практике амнистии были столь ча-

¹ См.: СЗ СССР. – 1927. – № 12.

² СЗ СССР. – 1929. – № 2.

³ Там же. – 1931. – № 9.

⁴ Сталин, И.В. Соч. – Т. 11. – С. 369-370.

стым явлением, что, как отмечал один из юристов, «нигде с таким нетерпением не ждали праздников пролетариата как в тюрьмах»¹. Причиной столь частых амнистий автор называл «слишком высокий минимум наказания, неумение властей маневрировать наказанием»². Другой причиной было стремление представить «личность преступника» как некую легко перевоспитываемую субстанцию. Сложилось мнение, что «чем чаще человек испытывает на себе действие наказания, тем меньше успеха можно ожидать от наказания»³, поэтому амнистия воспринималась как спасательный круг. Получалось, что в выигрыше оставались все, так как все исполняли профессиональный долг. Правоохранительные органы ловили преступников, суд их судил, государство амнистировало осужденных и выступало как благодетель по отношению к обществу, а преступники получали возможность вернуться в общество и продолжать свои деяния.

Специфическая особенность уголовной политики в данном случае была в том, что человек, попадавший неоднократно за мелкие преступления на скамью подсудимых, мог быть и неоднократно амнистирован, так как действующее в тот период законодательство фактически не признавало его рецидивистом. Система регистрации судимости охватывала только небольшую часть осужденных. Согласно постановлению СНК РСФСР от 17 февраля 1925 г. «О составлении и опубликовании ведомости справок о судимости»⁴ не учитывалась судимость дореволюционной эпохи. Циркуляр НКЮ от 30 октября 1926 г. № 198 констатировал, что «справки о судимости не должны составляться на приговоренных к лишению свободы на сроки не свыше шести месяцев, осужденных, к принудительным работам, штрафу, и др. мягким мерам социальной защиты». Между тем число осужденных на срок до 6 месяцев в 1926 году составляло около 30 % от общего числа всех осужденных. Около 20% выпадало на долю приговоренных к принудительным работам и около 10% – присужденных к штрафу⁵. Получалось, что 70% осужденных не регистрировались в списках и не считались рецидивистами, что давало им право быть амнистированными.

¹ Катаньян, Р. Указ. соч. – С. 6.

² Там же.

³ Утевский, Б. Рецидив и профессиональная преступность // Проблемы преступности. Сборник. – М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1928. – Вып. 3. – С. 101.

⁴ См.: Собрание узаконений. – 1925. – № 13. – Ст. 90.

⁵ См.: Еженедельник советской юстиции. – 1927. – № 3. – С. 52.

Однако необходимо сделать оговорку, что амнистия распространялась только на преступников, совершивших противоправные деяния не против государства, а против личности. Все «криминальные элементы», покушавшиеся на порядок управления, государственную собственность, занимавшиеся антигосударственной пропагандой, подрывной и контрреволюционной деятельностью, а также враги народа под амнистию не попадали.

Начиная с периода коллективизации, партийный аппарат ужесточил уголовную политику, и амнистированных стало меньше. С одной стороны, это обуславливалось стремлением государства шире использовать осужденных в качестве рабочей силы на великих стройках первых пятилеток, с другой – наметилась общая тенденция изменения социально-экономического и политического курса партии, который повлек за собой и изменение репрессивной политики, направленной на ее ужесточение.

Уголовно-правовая политика большевиков во многом формировалась под воздействием отношения к рецидивной преступности. Еще в 1899 году Лист в своем докладе Петербургскому международному пенитенциарному съезду говорил о том, что «современная уголовная политика сводится к двум проблемам, разрешение которых нельзя больше откладывать: борьбе с рецидивистами и спасению случайных преступников»¹. После установления советской власти проблема рецидива и профессиональной преступности по-прежнему оставалась нерешенной. Она являлась пробным камнем, на котором испытывалась новая уголовная политика.

По статистическим сводкам дореволюционной эпохи, количество рецидивистов в России составляло до 25% от общего числа осужденных. В то же время 50% из них отбывали наказание за имущественные преступления, в основном за кражу².

Рецидивная преступность в советскую эпоху, особенно в пореволюционные годы, также оставалась острой проблемой. Источники, отражавшие статистику рецидивной преступности, во многих случаях были недостаточно объективными и противоречивыми. Так, например, в

¹ Утевский, Б. Рецидив и профессиональная преступность // Проблемы преступности. Сборник. – М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1928. – Вып. 3. – С. 91.

² Статистический обзор деятельности местных административных органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР / РСФСР. Нар. ком. вн. дел. – Москва: Б. и., 1924-1930 ([тип. «Заготхоза» Милиции Республики]). – Вып. 1. – С. 37.

отчете Главного Управления местами заключения за 1923 год данные, указывавшие на количество рецидивистов среди заключенных по стране, колебались между 6,1 и 6,7 %¹. При более тщательном исследовании вопроса видны явно заниженные цифры. В статистических обзорах НКВД рецидивисты среди лиц, отбывавших заключение, составляли в 1923 г. не 6,7 %, а 12 %, то есть почти вдвое больше, чем указано в отчете Главного Управления местами заключения. По показателям выше названных органов за 1924 год, количество рецидивистов в местах заключения увеличилось до 12 %.

Те же источники в отношении рецидива среди задержанных уголовным розыском давали совершенно иные цифры. Во втором выпуске статистического обзора упоминалось о рецидивистах, которые «составляли в Ленинграде более половины арестованных. В губернских городах рецидив встречался гораздо реже, чем в столицах, колебался в пределах 20 – 30 %. Правда, в дальнейшем в обзорах констатировались абсолютное и относительное понижение числа задержанных рецидивистов, особенно в начале 1926 года. В седьмом выпуске статистического обзора можно найти тому объяснение. Как отмечалось в данном источнике, «снижение произошло скачками, неожиданно и было вызвано, вероятно, особым разъяснением и определении рецидива в инструкции по составлению отчетности для Губернских административных отделов»². Очевидно, что падение количества рецидивной преступности в январе–марте 1926 г. не было вызвано действительным понижением рецидива, а произошло в результате указаний сверху о снижении показателей. На этот вывод наталкивают не только оговорки, сделанные в Статистическом обзоре деятельности местных административных органов НКВД, но и следующие обстоятельства:

1. Рецидивистом статистика считала только того, кто раньше уже привлекался к суду и отбыл определенное наказание, а не того, кто ранее совершил преступление.

2. Принятая система регистрации судимости оставляла неучтенной большую часть осужденных, которые не проходили ранее по статистической отчетности. Немалое число осужденных, судившихся впер-

¹ Пенитенциарное дело в 1923 году. – М., 1924. – С. 28.

² Статистический обзор деятельности местных административных органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР / Народный комиссариат внутренних дел РСФСР. – М., 1924 - 1930. – Вып. 7. – С. 39.

вые, многократно совершали преступления, но были задержаны и судимы только один раз. Статистика таких преступников рецидивистами не считала. Достаточно обратить внимание на судебную хронику 1926–1927 годов, чтобы убедиться в больших размерах фактического рецидива.

В периодических изданиях тех лет очень часто встречались описания таких дел, как дело Шахова, совершившего 20 грабежей и 8 убийств¹, Алексеева – свыше 20 вооруженных ограблений², шайки грабителей – 24 грабежа, из них 7 ограблений поездов и 10 убийств³, шайки Серова – 17 грабежей с убийством⁴, шайки грабителей – 42 разбойных нападения и ограблений⁵, банды Гунятова – 15 грабежей⁶, банды Тургаева – 17 налетов, из них 4 с убийствами⁷ и множества других аналогичных дел. Все осужденные по уголовным делам считались как ранее не судившиеся, значит, не являлись рецидивистами. Эти факты иллюстрируют понимание рецидива как повторной судимости за однородные или тождественные преступления.

3. Система регистрации судимости охватывала только небольшую часть случаев осуждения. В советской России не учитывалась судимость дореволюционного времени. Из 3774 осужденных в первой половине 1926 года губернским судом и народными судами Астраханской губернии зарегистрированы были, как судившиеся, только 550 человек, т.е. шестая часть всех осужденных. Если принять во внимание факты преступных деяний, за которые названные лица уже несли уголовную ответственность до Октябрьской революции 1917 г., то количество рецидивистов в действительности следовало бы значительно увеличить.

Причиной латентного рецидива в первую очередь можно считать низкий профессионализм следователей. Из числа заявленных дел далеко не все доводились до суда. Некоторые дела, переданные следователями в суд, прекращались по недосказанности обвинения и по оправдательным приговорам.

¹ Курская Правда. – 1927. – 27 мая.

² Звезда. – 1927. – 9 января.

³ Молот. – 1926. – 28 декабря.

⁴ Рабочая Газета. – 1926. – 29 декабря.

⁵ Звезда. – 1927. – 25 марта.

⁶ Звезда. – 1927. – 9 апреля.

⁷ Вечерняя Москва. – 1927. – 6 мая.

В советской интерпретации оценка рецидива сводилась к определению социальной опасности деятеля и необходимости усиления репрессии к нему. Если рецидив оказывался «симптомом особо сильной укоренившейся склонности деятеля к преступлениям», то эта склонность, а не сам факт рецидива, являлась решающей при установлении наказания.

По мнению идеологов уголовно-правовой концепции, суть проблемы рецидива сводилась к тому, что, с одной стороны, рецидив сам по себе не выступал проявлением особой социальной опасности деятеля, а с другой, – мог свидетельствовать о склонности личности к совершению множества преступлений. Некоторые теоретики уголовного права полагали, что рецидив – это своеобразный показатель слабости исправительного воздействия системы в целом. Это доказывало, что наказание не стимулировало законопослушное поведение, а наоборот увеличивало возможность совершения повторного преступления. «Наши наказания против рецидива оказались несостоятельными. Чем чаще человек испытывал на себе действия наказания, тем меньше успеха оказывало оно»¹.

Проблема рецидива возникла отчасти из-за того, что в Уголовном кодексе 1926 г., как и в предшествующем законодательстве 1922 г., не было четко сформулированного понятия рецидивной преступности. В общей части УК РСФСР 1922 г. в ст. 25 говорилось о том, что для определения меры социальной защиты различалось «совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз»². Вопрос о характере рецидива и его сущности оставался открытым.

В Уголовном кодексе 1926 г. предпринималась попытка переработки всех статей общей части, затрагивавших рецидивную преступность. Однако законотворцы не смогли избавиться от прежних ошибок и сохранили множество противоречий в определении содержания рецидива. Так, отягчающим обстоятельством по статье 47 являлось совершение «повторного» преступления. Буквальный смысл этого термина

¹ Утевский, Б. Рецидив и профессиональная преступность. Проблемы преступности. НКВД. – Вып.3. – М., 1928. – С. 101.

² Уголовный кодекс РСФСР: Утв. ВЦИК 24 мая 1922 г.: С предисл. и алф.-постатейным указателем. – Неофиц. изд. – М. : Аврора, 1922. – VII. – 88 с.

указывал на повторное совершение того же самого преступления, или «специальный рецидив».

Ст. 14 названного Уголовного кодекса общий рецидив или совершение «какого-либо преступления» заменяла специальным рецидивом. Для отмены условного осуждения или условно-досрочного освобождения вместо совершения «однородного или тождественного» преступления требовалось совершение «не менее тяжкого преступления», т.е. вместо специального рецидива устанавливался общий рецидив. Из пояснительной записки к УК РСФСР 1926 г. невозможно получить ответ на вопрос, почему в законе имели место различные виды рецидива.

Не совсем понятно, влияло ли повторное осуждение лица, или отбытие им наказания на определение преступника как рецидивиста, или же основанием рецидива выступало совершенное им аналогичное преступление. В тексте УК РСФСР 1926 г., в п. 2 ст. 47 рецидивом называлось повторное «совершение» преступления, т.е. специальный рецидив. Не противоречила такому толкованию и ст. 49, говорящая о реальной кумуляции, т.е. «о совершении обвиняемым нескольких преступлений, по которым не было вынесено приговора», так как в этой статье предусматривалась возможность признания преступника рецидивистом за совершение не тождественных или однородных преступлений.

В особенной части УК РСФСР 1926 г. одни статьи, предусматривавшие рецидив, отмечали в качестве основного признака «повторное совершение» такого же преступления (ст. ст. 74, 79, 85 ч. 2, 162, 165 ч. 3, 166, 167 ч.2.193 ч. 1), другие статьи (60, 61) выделяли как признак рецидива «совершение преступления во второй раз», отмечая при этом предыдущую судимость.

В ст. 136 УК признаком рецидива признавалось убийство, совершенное лицом, «привлекавшимся ранее за умышленное убийство или телесное повреждение и отбывшим меры социальной защиты». Отдельные статьи выделяли в качестве признака рецидива «повторность» (ст. 83), «неоднократность» (ст. 162) или «более чем двукратное совершение преступления» (ст. 193/7 ч. 2). Оппоненты уголовного законодательства 1926 г. полагали, что более правильно разрешают вопрос те из статей вышеназванного УК, которые для признания рецидива ограничивались требованием повторного совершения преступления, не выдвигая в качестве основного признака рецидива осуждение или отбытие лицом нака-

зания. При этом они допускали, что ни «специальный», ни «общий» рецидив не могли служить основанием для усиления наказания.

По заключению критиков уголовного законодательства 1926 г., «если рецидив считать симптомом социальной опасности, то эта опасность вытекала не из того, что повторное деяние совершалось после отбытия наказания, а из того, что лицо проявляло склонность к совершению преступлений, и не являлось случайным преступником»¹.

Противники УК РСФСР 1926 г. считали, что установление признаков, наличие которых давало суду основания определять подсудимого опасным преступником, по действовавшему законодательству представляло значительные трудности. Возникал вопрос о критериях признания лица опасным преступником. Что считалось сущностью явления: предварительная судимость, или неоднократно совершенные преступления, которые не были своевременно раскрыты, и за них лицо не понесло наказание? Если считать предварительную судимость критерием социальной опасности личности, то, сколько судимостей надо требовать, и какой тяжести должны быть преступления для определения лица особо опасным преступником? Достаточен ли факт судимости или необходимо еще и отбытие наказания?

Основываясь на выявленных противоречиях в определении рецидива в УК РСФСР можно сделать некоторые выводы об уголовно-правовую политику Советского государства в исследуемый период. Статьи общей части УК РСФСР 1926 г. были не согласованы друг с другом: в одних статьях под рецидивом понимался рецидив специальный, в других – общий. Нечетко определены критерии признания рецидива. С одной стороны, основанием выступала предшествовавшая судимость; с другой стороны, – факт совершения преступления, за которое лицо не было осуждено по причине его латентности.

¹ Утевский, Б. Рецидив и профессиональная преступность. Проблемы преступности. НКВД. – Вып.3. – М., 1928. – С. 102.

1.5. Идеология «целесообразности» как форма проявления законности в Советском государстве в 20 – 30-е годы XX века

В стремлении к изменению уголовно-правовой идеологии представители советской правовой школы показали неприятие понятия «вины» в уголовном праве. Это являлось одной из наиболее характерных особенностей советского уголовного правотворчества, выраженного не только в «Руководящих Началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г., проекте Уголовного кодекса РСФСР 1920 г. и Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., но и в других правовых документах

Уже в «Руководящих Началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г. законодатели отказались от понятия вины. Так, в ст. 10 говорилось: «При выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений. Поэтому наказание не есть возмездие за вину, не есть искупление вины». Взамен вины в качестве основания применения наказания выдвигалась социальная опасность преступника и его деяния. При определении меры воздействия лицу, совершившему преступление, суд должен был оценивать степень и характер опасности для общества, как личности преступника, так и совершенного им деяния. В этих целях суд, «во-первых, не ограничиваясь изучением всех обстоятельств совершенного преступления, должен был установить личность преступника, во-вторых, определить, насколько само деяние в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности» (ст. 11).

В последующих проектах и кодексах законодатель так же отказался от использования понятия вины. Так, в ст. 5 «Проекта Уголовного кодекса» 1920 г. говорилось, что «наказание должно осуществляться путем применения мер, имеющих целью приспособить правонарушителя к данному общественному порядку или изолировать его от общества». Судья, при определении наказания, «должен руководствоваться степенью и характером опасности преступника для общества» (ст. 13).

В пояснительной записке к названному проекту указывалось, что деление преступлений на виды по их тяжести (преступления, проступки, нарушения) теряли значение ввиду необходимости предоставления широких прав суду в оценке опасности поведения правонарушителя. «Оттенки умысла, неосторожности утрачивали значение факторов, направляющих наказание по заранее определенной линии. Сохранялись

лишь некоторые значения признаков, свидетельствующих о характере личности, они перевешивались анализом свойств преступного состояния деятеля, мотивами правонарушения и особенностями избранных средств». Проект не давал перечисления видов умысла и неосторожности, а ограничивался общим описанием. В проекте отмечалось, что «наказание применяется лишь к лицам, которые предвидят или должны предвидеть в условиях данного случая последствия своего действия или бездействия» (ст. 8).

В 1921 году Институтом советского права был создан «Проект общей части Уголовного кодекса РСФСР». При его написании авторский коллектив опирался не на понятие вины и даже не «социальную опасность» преступления, а на «опасное состояние преступника». На это указывала не только ст. 6, но и вводная статья названного проекта. Содержание понятия «опасности» отличалось от соответствующего понятия, используемого в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 и «Проекте Уголовного Кодекса РСФСР» 1920 годов. Это подтверждают высказывания одного из авторов проекта, отмечавшего что «наиболее существенным в проекте было введение мер социальной защиты, в основу которых положена модель западноевропейской уголовной теории. Понятие «опасности» преступника, сложившееся за время гражданской войны, необходимо заменить понятием отдельных категорий «опасных» преступников-рецидивистов, лиц с уменьшенной вменяемостью, алкоголиков и т.п.». Соответственно в качестве мер социальной защиты намечалось использовать их изоляцию (на срок от 5 до 20 лет), смертная казнь в проекте не предусматривалась¹.

Понимали ли составители проекта «умысел» и «неосторожность» как симптомы «опасности преступника» или рассматривали их как виды «вины», сказать трудно. Об этом ничего не говорилось во вводной статье к проекту, не конкретизировал сущность понятий участвовавший в составлении проекта М.М. Исаев². Но если «умысел» и «неосторожность» и рассматривались как виды «вины», то последняя определялась, как это явствует из сопоставления отдельных статей проекта (ст. 3, 4, 6, 7, 10, 37 и 38), «виной характера», которая признавалась основанием

¹ Исаев, М.М. Общая часть уголовного права Р.С.Ф.С.Р. / М.М. Исаев. – Л. : Гос. изд-во, 1925. – С. 94.

² М.М. Исаев – один из составителей проекта УК, он же автор общей части УК РСФСР 1925 г.

применения наказания. В то время как основанием применения мер социальной защиты должно быть «опасное состояние преступника».

В проекте УК РСФСР, подготовленном НКЮ в 1921 году, упоминалось не только о наказаниях, но также о мерах социальной защиты, причем термин «меры социальной защиты» употреблялся по отношению к термину «наказание» в смысле родового понятия (ст. 36). Зато в понимании «опасности», как основания применения мер социальной защиты проект НКЮ расходился с проектом института советского права. В частности, «опасность» трактовалась не в смысле «опасного состояния преступника», а «социальной опасности», характерной для «Руководящих Начал по уголовному праву РСФСР» 1919 г. и «Проекта УК РСФСР» 1920 г. Согласно ст. 15 при определении меры наказания должны были учитываться «степень и характер опасности для общественной жизни, как самого преступника, так и совершенного им преступления». Это постановление перешло полностью в ст. 24 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Вторая часть этой статьи подробно перечисляла, на что суд должен обращать внимание при учете степени и характера опасности. Например, говорилось, что «для установления этого изучается обстановка совершенного преступления, выясняется личность преступника, поскольку таковая выявилась в учиненном им преступлении и его мотивах, а также устанавливается, насколько само преступление в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности»¹.

Не упоминалось о вине и в «Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик», в них авторы отказались также от термина «наказание», заменив его термином «судебно-исправительные меры социальной защиты». Для применения этих мер по «Основным началам уголовного законодательства СССР» достаточно «социальной опасности преступника и преступления».

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. вместо понятия вины значились только меры социальной защиты. В ст. 45 при назначении наказания предписывалось исходить из учета мер общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности, совершившего преступление. В примечании к ст. 6 указывалось, что «не является преступлением действие, которое хотя и подпадает под признаки

¹ Уголовный кодекс РСФСР: Утв. ВЦИК 24 мая 1922 г.: С предисл. и алф.-постатейным указателем. – Неофиц. изд. – М. : Аврора, 1922. – VII. – 88 с.

какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного»¹.

В ст. 8 указывалось: «Если действие в момент совершения его являлось преступлением, согласно статьи 6 настоящего Кодекса, а к моменту расследования его или рассмотрения в суде потеряло характер общественно опасного, вследствие ли изменения уголовного закона или в силу одного факта изменившейся социально-политической обстановки, или если лицо, его совершившее, по мнению суда к указанному моменту не может быть признано общественно-опасным, действие это не влечет применения меры социальной защиты к совершившему его»².

В УК РСФСР 1926 г. также не использовалось понятие вины. Однако в ст. 10 давалось определение видов «умысла» и «неосторожности» и отмечалось, что меры социальной защиты судебно-исправительного характера могут применяться к совершившим общественно-опасные действия только в том случае, если эти лица действовали умышленно или неосторожно³.

Без определения вменяемости или невменяемости в УК РСФСР 1926 г. перечислялись в ст. 11 обстоятельства, исключающие возможность применения мер судебно-исправительных, и указывалось, что к лицам, у которых одно из этих обстоятельств (душевная болезнь, временное расстройство душевной деятельности) окажется налицо, должны применяться меры медицинского характера⁴.

Можно сделать вывод, что в УК РСФСР 1926 г. основаниями применения мер социальной защиты была социальная опасность, в то время как «вина» и связанные с этим определением обстоятельства законодателями во внимание не брались.

В результате сложившегося положения при подготовке уголовного законодательства РСФСР сформировались несколько противоположных

¹ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года с постатейно-систематизированными материалами / Составили и отредактировали коллективно: С.С. Аскарханов, Т.П. Зайцев, А.Н. Иодковский, В. В. Соколов и В.П. Усков. – М. : Юридич. изд-во НКЮ РСФСР, 1927 (14-я тип. Мосполиграф). – 553 с.

² Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года с постатейно-систематизированными материалами [Текст] / Составили и отредактировали коллективно: С.С. Аскарханов, Т.П. Зайцев, А.Н. Иодковский, В.В. Соколов и В.П. Усков. – М. : Юридич. изд-во НКЮ РСФСР, 1927 (14-я тип. Мосполиграф). – 553 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

суждений о том, насколько правомерно или неправомерно отказываться от понятия «вины».

Если одни юристы считали, что советские уголовные кодексы ничем не похожи на кодексы буржуазных государств, то другие, наоборот, находили, что отсутствие в них понятий «вменяемости», «вины» и «наказания» имеют только терминологическое значение. В действительности кодексы и судебная практика пользуются всеми этими понятиями, не называя их¹. Получалось, что в отношении к понятию «вина» между российскими и буржуазными кодексами нет существенной разницы.

Одним из наиболее ярких представителей первой точки зрения являлся Н. Скрыпник. Он считал, что «уголовное право Советской Республики отличается от буржуазного уголовного права и по задачам, которые ставятся суду, и по выраженной в этом уголовном праве классовой сущности, и по отношению к преступлению, и во всем, что является содержанием и формой уголовного права. Нет ни одной черты в советском уголовном праве ни в отношении его сущности, ни в отношении его формы, ни в отношении его выражения, где бы советское уголовное право ни занимало иной позиции, отличной, чем буржуазное уголовное право». «Советская Республика в своем уголовном праве создала не модификацию уголовного права вообще, не новое «выражение» его и т. п., но новое уголовное право, существенно и во всем от старого права отличающееся, ему противоположное и его исключющее»².

Н. Скрыпник полагал, что советское уголовное право имеет в виду не преступника, но преступление. «Важно не то, что человек-преступник. Важно то, что им совершено общественно-опасное действие или бездействие, которое именно и карается советским судом»³. Обращаясь к вине и ее значению, Н. Скрыпник находил, что «понятие вины нам не нужно, оно устранено советским уголовным правом. Вместо этого отжившего, ненужного, служившего интересам буржуазии понятия вины, советское уголовное право выдвигает новое понятие социальной опасности преступления. Советское уголовное право катего-

¹ Маннс, Г.Ю. Отношение Уголовного Кодекса 1926 года к вине и опасному состоянию // Проблемы преступности. Сборник. – М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1928. – Вып. 3. – С. 35-53.

² Скрыпник, Н. Уголовная политика Советской власти / Н. Скрыпник. – Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. – С. 12, 13.

³ Там же. – С. 27.

рически отмежевывает себя от буржуазной теории опасного состояния преступника. Советское уголовное право имеет в виду социальную опасность преступника, как представителя определенного класса. Преступник не должен рассматриваться сам по себе, как самодовлеющий преступник, но как лицо, в котором проявилось настроение и влияние определенного класса, направленного против пролетариата»¹.

На основании вышеизложенного Н. Скрыпник пришел к выводу, что нужно говорить не о сближении советского уголовного права с буржуазным правом, а об их отличии и прямой противоположности.

Совершенно иную позицию занимали Е. Пашуканис и Н. Старосельский. «Наркомюст РСФСР, – читаем мы у первого, – еще в 1919 г. опубликовал руководящее положение по уголовному праву, в котором он отверг принцип виновности как основание для наказания, и самое наказание истолковал не как возмездие за вину, но исключительно как оборонительную меру. Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г. точно так же обходится без понятия вины. Наконец, Основные Начала Уголовного Законодательства Союза, принятые ЦИК СССР, совершенно порывают с самим термином наказание, заменяя его термином меры социальной защиты судебно-исправительного характера. Такое изменение терминологии имело, несомненно, известное декларативное значение. Однако вопрос, по существу, не решался декларациями»². «Уголовный Кодекс сам по себе и та судебная процедура, для которой он создан, пропитаны насквозь юридическим началом эквивалентности воздаяния. В самом деле, что представляет собой общая часть всякого Уголовного Кодекса (в том числе и нашего) с ее понятиями пособничества, соучастия, покушения, приготовления и т. д., как не способ более точного взвешивания виновности? Что представляет собой разграничение умысла и неосторожности, как не разграничение степеней виновности? Какой смысл имеет понятие невменяемости, если не существует понятие виновности? Наконец, зачем нужна вся особенная часть Кодекса, если дело идет только о мерах социальной (классовой) защиты?»³.

¹ Скрыпник Н. Уголовная политика Советской власти / Н. Скрыпник. – Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. – С. 29.

² Пашуканис, Е. Общая теория права и марксизм: (Опыт критики основных юридических понятий) / Е. Пашуканис. – М., 1926. – С. 126.

³ Пашуканис, Е. Общая теория права и марксизм: (Опыт критики основных юридических понятий) / Е. Пашуканис. – М., 1924. – С. 31–32.

Еще решительнее высказывался Н. Старосельский: «Марксистам, – говорил он, – должно быть известно, что нельзя сохранить веру рационалистов XVIII века во всемогущество законодателя: он не может сделать, что захочет, и наказания, как и государства, нельзя «перенести с сегодня на завтра»¹. По мнению Н. Старосельского, в результате отмены понятия «наказание» произошли радикальные терминологические реформы, которые никак не повлияли на существо репрессии: «Отменили наказание, а существует преступление. Существует преступление, а отменена вина. Отменена вина, а существует умысел и неосторожность. Может ли существовать умысел и неосторожность, когда действительно не существует вина? Я утверждаю, что нет. Умысел и неосторожность не имеют никакого смысла без предварительного принятия вины». Исходя из этих соображений, Н. Старосельский пришел к выводу, что «мы имеем – с формальной стороны – такой же типичный Кодекс, такое же Уголовное Право, какие имеются в буржуазных государствах»².

Еще один теоретик того времени А. Пионтковский в своей критике взглядов Е. Пашуканиса отмечал, что «правовая философия Е. Пашуканиса ведет к недооценке роли пролетарского государства в деле образования правовых форм советского уголовного права. В то же время она ведет и к переоценке стихийного момента в деле образования правовых форм советского уголовного права. Поэтому такую точку зрения, нам кажется, приходится квалифицировать, как фаталистический уклон в теории советского уголовного права»³.

Вопрос «вины» в советском уголовном праве имел принципиальное значение несмотря на то, что законотворцы во всех вышеперечисленных проектах, начиная с «Руководящих Начал по уголовному праву РСФСР» 1919 г., старательно избегали этого понятия.

В большинстве действовавших на европейской территории до 1917 г. уголовных кодексов отмечалось, что вина являлась основанием применения наказания. Однако содержания понятия вины в них не рас-

¹ Старосельский, Н. Принципы построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. – М., 1927. – С. 92.

² Старосельский, Н. Принципы построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. – М., – 1927. – С. 92.

³ Пионтковский, А.А. Марксизм и уголовное право: О некоторых спорных вопросах теории уголовного права / А.А. Пионтковский. – М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – С. 67.

крывалось. Отсутствовали также и определения умысла и неосторожности.

Для господствовавшего в XIX веке не только в судебной практике, но и в теории понятия вины характерно определение ее, как «такого волевого отношения преступника к совершенному им противоправному деянию, при котором волепроявление преступника получает отрицательную оценку: «вина – злая воля»¹.

В подобной трактовке вины умысел определяется как «воля, направленная на осуществление преступления». Умысел не рассматривался как признак, свидетельствующий о большой опасности преступника и характеризующий его как криминальную личность. Умысел понимался исключительно как обстоятельство, связывающее преступника с совершенным им деянием, как особое преходящее психическое состояние, находящее свое начало и конец в совершенном преступлении. В умысле конкретизировались несоответствие проявления воли с требованием правовой нормы, наличие которой позволяло квалифицировать данный волевой акт как заслуживающий правового порицания в форме наказания².

При изложении содержания вины внимание чаще всего концентрировалось на умысле. Под влиянием возникшей в конце XIX века социологической школы, представители которой при объяснении явлений преступности исходили из детерминистической точки зрения, многие специалисты в области права главное внимание обращали на выяснение содержания понятий «умысел» и «неосторожность», а «вина» понималась, как сумма двух ее видов. Отсюда, естественно, должна была возникнуть мысль о необходимости «углубления» понятия вины. Это сделали ряд исследователей.

Франц Лист определял вину как ответственность деятеля за совершенное им противоправное деяние. К отрицательной правовой оценке деяния присоединялась такая же оценка деятеля. Данное понимание характерно, по мнению Листа, для приговоров суда присяжных. «Виновное деяние – это умышленно или неосторожно совершенное

¹ Маннс, Г.Ю. Отношение Уголовного Кодекса 1926 года к вине и опасному состоянию // Проблемы преступности. Сборник. – М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1928. – Вып. 3. – С. 41.

² Маннс, Г.Ю. Отношение Уголовного Кодекса 1926 года к вине и опасному состоянию // Проблемы преступности. Сборник. – М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1928. – Вып. 3. – С. 42.

противоправное деяние способного вменению человека». Вывод о свойстве преступника, основывающийся на симптоматическом значении виновного деяния, дает материальное содержание понятия вины, которое заключается в антисоциальном настроении деятеля, познаваемом из совершенного им деяния (антисоциального поведения). Под антисоциальным настроением Лист понимал недостаточное, с точки зрения требований, предъявляемых условиями общежития, развитие чувства долга и обусловленную этим антисоциальную мотивацию¹.

За необходимость «углубления» понятия вины высказывались сторонники, определяющие вину как совокупность обстоятельств, в силу которых противоправное поведение заслуживало упрека. Понятие вины у них не исчерпывалось содержанием ее двух видов: умысла и неосторожности. В их понимании необходимыми элементами вины являлась вменяемость как такое психическое свойство человека, которое позволяет поставить ему в укор его поведение².

Видный представитель российской правовой школы профессор С.В. Познышев определял вину как «проявленное субъектом настроение, при котором он действует преступным образом, сознавая или, по крайней мере, имея возможность сознавать преступный характер своего поведения и находясь в таких обстоятельствах, что мог бы от данного поведения удержаться, если бы у него не были недоразвиты противодействующие последнему чувствования и представления»³.

Из большого числа определений категории «вина», распространенных в российской правовой науке в дореволюционный период, представляет интерес суждение профессора Э.А. Немировского. Он считал, что «вина – не свойство деяния, а свойство личности, это особое психическое состояние ее – преходящее или длительное, признаваемое неудовлетворительным данным правопорядком и вызывающее осуждение или неодобрение последнего, ввиду несоответствия проявления это-

¹ Маннс, Г.Ю. Отношение Уголовного Кодекса 1926 года к вине и опасному состоянию // Проблемы преступности. Сборник. – М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1928. – Вып. 3. – С. 42.

² Немировский, Э.Я. Советское уголовное право: пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного кодекса СССР: ч. общая и особенная / Э. Я. Немировский. – Одесса, 1924. – 292 с.

³ Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права: Общ. часть уголов. права / С.В. Познышев. – М. : А.А. Карцев, 1912. – 653 с.

го состояния психики требованиям права»¹. Интересно, что в советский период профессор Э.А. Немировский в курсе советского уголовного права, вышедшем в свет в 1925 г., отказался от использования понятия вины и ограничился объяснением содержания понятий умысла и неосторожности².

Наряду с понятием вины с конца XIX века в литературе и законодательстве в качестве основания применения мер уголовно-правового воздействия получило понятие «опасное состояние» преступника. Необходимо отметить, что «опасное состояние» в уголовном праве и судебной практике играло большую роль еще задолго до появления самого термина.

Вначале «опасное состояние» понималось в смысле длительного состояния опасности и выдвигалось только в качестве «основания применения» особых дополнительных мер защиты в отношении опасных преступников-рецидивистов³.

Но вскоре новый термин «опасное состояние» стал употребляться в более широком смысле. Эта правовая категория уже не отождествлялась с «хронической» опасностью профессиональных преступников, а расчленялась на два вида: «острую опасность» случайного преступника и «хроническую опасность» привычного преступника⁴. Указывалось на то, что случайного преступника нельзя рассматривать как безусловно безопасного в смысле вероятности совершения им новых преступлений. Если в отношении его нельзя говорить о длительном и постоянном опасном состоянии, то его «острая опасность» должна была проявляться во всех тех случаях, в которых возможно установить, что при аналогичных условиях от потенциального преступника можно ожидать совершения новых преступлений. Применение к нему мер социальной защи-

¹ Немировский, Э.А. Задачи по уголовному праву: с приложением статьи «Меры социальной защиты и наказание в связи с сущностью вины» / Э.А. Немировский. – Изд. 2-е. – М. : URSS : Ленанд, 2016. – С. 33.

² Немировский, Э.А. Советское уголовное право: пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного кодекса СССР: ч. общая и особенная / Э.А. Немировский. – Одесса, 1924. – 292 с.

³ Маннс, Г.Ю. Отношение Уголовного Кодекса 1926 года к вине и опасному состоянию // Проблемы преступности. Сборник. – М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1928. – Вып. 3. – С. 43.

⁴ Маннс, Г.Ю. Отношение Уголовного Кодекса 1926 года к вине и опасному состоянию // Проблемы преступности. Сборник. – М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1928, – Вып. 3. – С. 43.

ты представлялось необходимым, чтобы он мог при наступлении аналогичных условий удержаться от совершения новых преступлений.

От понятия «опасное состояние преступника» в советском уголовном праве отличалось понятие «социальная опасность». Отличие заключалось в том, что имелась в виду опасность преступника для данной системы общественных отношений. В советском уголовном праве в послеоктябрьский период устоялась мысль о том, что всякая опасность есть в действительности социальная опасность – опасность, которая угрожает обществу и установленному им правопорядку.

Звучание термина «социальная опасность», по мнению большевиков, менялось в зависимости от того, в какой социальной системе оно употреблялось. В западном праве речь шла об «опасности для установленного обществом правопорядка», в то время как советское право говорило об «опасности для защищаемой господствующим классом системы общественных отношений»¹.

Понятие «социальная опасность», как оно сложилось в советском уголовном праве, отличалось от соответствующего понятия так называемого буржуазного права по классовым мотивам, классовым подходом и не более. Большевики пытались придать этой правовой категории более широкое значение, включавшее как «социальную опасность преступника», так и «социальную опасность преступления».

Можно ли считать термин «социальная опасность» основанием применения мер социальной защиты? Не была ли данная категория заменителем понятия «вины»?

Многочисленные попытки советских юристов углубить понятие «вины» при помощи различных конструкций «вины характера» и т.д. были вызваны стремлением создать общее основание применения для наказания мер социальной защиты, встретивших вначале резко отрицательное отношение со стороны представителей российской классической правовой школы. Из различия оснований, а также целей применения наказания «классиками» делался вывод о невозможности замены наказания мерами социальной защиты².

Противоположную точку зрения защищали сторонники новых подходов в праве, они ставили целью устранение противоречия и созда-

¹ Уголовный Кодекс РСФСР. – М., 1927 // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

² Волков, Г.И. О трех вопросах Уголовного Кодекса // Вестник советской юстиции. – 1926. – №6 (64). – С. 235.

ния компромисса между взаимоисключавшими точками зрения. Этот компромисс признавался желательным и необходимым для успеха работы над новыми проектами советских уголовных уложений. При помощи компромисса надеялись включить в уголовное право категорию «меры социальной защиты» не только в качестве мер дополняющих, но и заменяющих наказание. Так, для Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. основанием применения «мер социальной защиты» являлась не вина, а социальная опасность. Это подчеркивалось в пояснительной записке к проекту Уголовного кодекса. В ней говорилось: «Основное начало всей нашей судебной политики, основной принцип всего нашего советского права, стержень, вокруг которого вертятся все наши конкретные практические мероприятия, теоретические построения, основная идея нашего уголовного права – борьба с социальной опасностью, которую представляет собой данное лицо, с угрозой, которую оно в себе несет для установленного общественного правопорядка»¹.

Отказ советского уголовного права от понятия «вины» как основания применения «мер социальной защиты» в большей степени преследовал политическую цель – показать социально-классовую направленность всей уголовно-правовой политики Советского государства, которая отличалась от предшествовавшей буржуазной.

Дореволюционное российское право не знало термина «мера социальной защиты», впервые содержание этой категории было раскрыто в швейцарском проекте уголовного уложения, опубликованном в 1893 г. Наряду с наказанием в нем были указаны особые меры безопасности, которые в русской юридической литературе получили определение «меры социальной защиты». Наказание, таким образом, сохранялось, но оно было лишено смысла возмездия.

В проекте Уголовного кодекса 1921 г., предложенном Институтом советского права, отражалось некоторое влияние европейской научно-правовой мысли. Впервые в новое революционное законодательство был введен термин «мера социальной защиты». Подобно тому, как это было принято в европейских проектах, в УК РСФСР 1921 г. резко противопоставлялись друг другу понятия «наказание» и «мера социальной защиты», с точным указанием отдельных мер, принадлежавших к той или иной группе. В частности, отмечалось, что «по отношению к отдельным категориям преступников должны применяться репрессивные

¹ Еженедельник советской юстиции. – 1925. – № 38–39. – С. 45.

меры не в форме наказаний, а в виде так называемых мер социальной защиты. И поскольку наказание преследует цель, главным образом, общего предупреждения, «меры социальной защиты» имеют в виду специальное предупреждение, не теряя, конечно, своего общего мотивационного значения»¹.

Одной из особенностей Уголовного кодекса 1926 г.² являлось сведение всех мер борьбы с преступностью к «мерам социальной защиты» и стремление к отказу от наказания. В этом отношении УК РСФСР 1926 г. осуществил лишь то, что было провозглашено «Основными началами уголовного законодательства СССР и союзных республик» 31 октября 1924 г. Ст. 1 УК РСФСР 1926 г. гласила: «Уголовное законодательство РСФСР имеет своей задачей охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от преступлений (общественно опасных действий), путем применения к лицам их совершающим мер социальной защиты»³.

Отказ от категории «наказания», опиравшегося на идею «возмездия» заставил некоторых представителей советского права пересмотреть подходы в уголовно-правовой политике. Особенно остро сформулировал новые взгляды Н. Скрыпник в брошюре «Уголовная политика советской власти», вышедшей в свет в 1924 году. Эта работа сыграла определенную роль в дальнейшей эволюции «пролетарского» законодательства. Главная идея автора состояла в том, что «советское уголовное право направлено на устранение самого понятия кары и наказания, заменив его понятием «меры социальной защиты». Меры судебного характера, меры медицинского характера и меры медико-педагогического характера, применяемые советским судом, все одинаково направлены не к тому, чтобы покарать или наказать преступника, а к тому, чтобы очистить общество»⁴.

Потребность замены «наказания» «мерами социальной защиты», очевидно, представлялась законодателю настолько ясной, что при обсуждении проекта «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» на заседании ЦИК 2 сентября 1924 г. никакого обоснования для столь коренной реформы не было приведено.

¹ Пролетарская революция и право. – М., 1921. – № 15. – С. 23.

² Уголовный Кодекс РСФСР. – М., 1927 // СУ РСФСР, 1926. – № 80. – Ст. 600.

³ Уголовный Кодекс РСФСР. – М., 1927 // СУ РСФСР», 1926. – № 80. – Ст. 600.

⁴ Скрыпник, Н. Уголовная политика Советской власти / Н. Скрыпник. – Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. – С. 25.

Докладчик по данному вопросу в своей речи ограничился лишь указанием на то, что «меры защиты принимаются не против отдельных лиц, а против опасных деяний. Убирая опасных лиц и перенося центр тяжести на деяния, исключалась и концепция возмездия, при этом оставались только меры социальной защиты»¹.

На основании подобных точек зрения возникла ст. 4 в «Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик», раскрывавшая сущность мер социальной защиты и провозглашавшая, что целей «возмездия и кары уголовное законодательство СССР и союзных республик перед собой не ставит».

В ст. 5 названного законодательства перечислялись три вида мер социальной защиты, к которым относились: меры судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера.

Вместе с тем многие представители советской правовой школы 20-х годов отказывались считать наказание мерой судебно-исправительного характера. По их мнению, исправительный характер не соответствовал целям, которые были отнесены в УК РСФСР 1926 г., это касалось расстрела, изгнания – они вовсе не преследовали цели исправления. М.М. Исаев рекомендовал называть данную группу мер «мерами репрессивного характера»². Но в таком случае проще именовать их карательными мерами, так как репрессия и кара, в конце концов, одно и то же. Однако, как бы удачно ни был выбран тот или иной правовой термин для обозначения известного явления, важно, что представляло собой данное явление по природе и не скрывался ли под новым названием старый контекст.

«Меры социальной защиты судебно-исправительного характера» представлялись в УК РСФСР 1926 г. неоднородными по основаниям их применения. Если для одних основанием применения являлись факты учиненного преступления, то для других – опасность лица. В одних случаях давалась оценка совершенному деянию, в других – оценивалась опасность преступника.

Сопоставляя ст. 32 и ст. 46 УК РСФСР 1922 г. и принимая во внимание указания ст. 47–49 закона относительно применения «мер социальной защиты», легко можно установить, что основанием применения

¹ Стенографический отчет 2-й сессии ЦИК. – М., 1924. – С. 219.

² Исаев, М.М. Общая часть уголовного права Р.С.Ф.С.Р. / М. М. Исаев. – Л. : Гос. изд-во, 1925. – С. 145, 169.

наказания являлся факт преступления, тогда как основанием применения мер социальной защиты – социальная опасность преступника. Это подтверждалось ст. 12 названного правового акта, указывалось, что от суда зависит применение в отношении привлекаемых лиц, признаваемых социально-опасными, мер социальной защиты¹.

В ст. 20 УК РСФСР 1926 г. выделялись две группы фактов, относящихся к мерам социальной защиты. С одной стороны, – меры, вызванные наличием факта преступления, с другой, – меры, основанные на признании опасности лица, совершившего преступление. К первым относились изгнание, лишение свободы, принудительные работы, общественное порицание и даже расстрел. Вторую группу составляли действия, связанные с лишением родительских прав, увольнением с должности, запретом на занятие какой-либо должности и т.д. Основанием применения этих мер по УК РСФСР 1926 г. выступала социальная опасность данного лица, а само совершенное им преступление уходило на второй план.

В УК РСФСР 1926 г. подчеркивалось, что не опасность сама по себе, а наличие какого-то определенного преступления вызывала применение «мер социальной защиты». Причем в кодексе заранее давалась оценка отдельных преступлений по их сравнительной тяжести в зависимости от ценности отдельных благ для социального строя. Так, выше всего были поставлены интересы государства, затем коллектива, а интересы личности стояли на последнем плане.

«Меры социальной защиты» судебно-исправительного характера в УК РСФСР 1926 г. основывались на двух категориях: с одной стороны – вменяемости, с другой – виновности. Не следует при этом упускать из виду, что УПК РСФСР, который мыслился как единое логическое целое вместе с названным УК, с одной стороны, использовал категории невменяемости и вменяемости, с другой – категорию виновности. О вменяемости прямо упоминалось в ст. 321 УПК, а ст. 23 (п. 9) определяла понятие приговора, характеризуя его как решение, вынесенное судом в судебном заседании по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого.

¹ Маннс, Г.Ю. Меры социальной защиты в уголовном кодексе РСФСР и в итальянском проекте уголовного уложения 1921 г. // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского Университета. Факультет общественных наук. – Иркутск: Тип. Иркут. Губ. Военно-Потребительного Общества, 1923. – Вып. 6. – С. 27.

Хотя в УК РСФСР 1926 г. особо не упоминалось о виновности, однако, существенным условием применения «мер социальной защиты» судебно-исправительного характера (ст. 10) считалось наличие умысла или неосторожности, а умысел и неосторожность – не что иное, как две формы вины. Естественно, что, если признавалось наличие отдельных форм вины, законодатель должен был исходить из признания и самой вины.

Применяя понятие «мера социальной защиты» вместо «наказание», законодатель в отдельных частях кодекса недостаточно корректно использовал терминологию. Это лишний раз подчеркивает, что реформа уголовного права, произведенная в рамках правоохранительной системы, не была выдержана терминологически, так как не изменяла сущность тех понятий, которые должны были получить новое смысловое звучание.

Если законодатель употреблял термины «наказание» и «мера социальной защиты» как равнозначные, то приходится признать, что реформа имела значение реформы терминологической. Сущность наказания оставалась, а термин, указывающий на него, исчезал. В то же время категория «мера социальной защиты» судебно-исправительного характера по содержанию выступала как наказание. Возникает вопрос: зачем законодатель вводил столь сложные обороты вместо привычной терминологии?

Ответ напрашивается сам собой. Уголовное право в начале 20-х годов переживало определенный кризис, вызванный в большей степени политическими процессами. Поэтому советская власть стремилась придать реформам уголовного законодательства в рамках вновь созданной правоохранительной системы гуманистическую направленность. Отказ от понятия «наказание» символизировал отказ от старорежимного (самодержавного) подхода к определению «наказание как возмездие за содеянное». Термин «мера социальной защиты» судебно-исправительного характера подчеркивал направленность на радикальное изменение курса в обществе, основанного на принципах воспитательного, а не репрессивного характера.

Один из специалистов того времени в области права Е. Пашуканис, оценивая происшедшую реформу УК РСФСР в 1926 г., отмечал: «Изменение терминологии имеет декларативное значение. Однако вопрос по существу не решается декларациями. Превратить наказание из

возмездия в воздаяние, в целесообразную меру защиты общества и исправления социально-опасной личности – это значит разрешить огромную организационную задачу, которая лежит вне чисто судебной деятельности». И далее добавлял: «До тех пор, пока, говоря о мерах социальной защиты, нам приходится делать ударение на слове «судебные», пока сохраняются формы судебного процесса и уголовного кодекса, до тех пор изменение терминологии будет реформой чисто словесной»¹.

Таким образом, можно признать, что уголовно-правовая реформа, выдаваемая как революционное изменение всей уголовной направленности советского права и правоохранительной системы, воплотившаяся в УК РСФСР 1926 г., не изменила сущность правовой политики, сохранив в ней черты репрессивного характера. Произошла внешняя трансформация прежней терминологии, однако не изменилась ее суть. Наказание осталось как возмездие за преступление.

Несмотря на то, что в 20-е годы официально не применялась категория «вины», представители правоохранительных органов продолжали использовать названный термин, сохранив его в ст. 23, 204 и 326 Уголовно-процессуального кодекса.

¹ Пашуканис, Н. Общая теория права и марксизм: Опыт критики основных юридических понятий / Е. Пашуканис. – М., 1924. – С. 123.

Глава 2. ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920-х гг.

2.1. Общая характеристика юридической геополитики Советского государства в 1920-х гг.

Понятие «юридическая геополитика» достаточно новое и редкое в отечественной юридической науке. Появилось оно в результате осмысления современных геополитических процессов: роли геополитики в государственно-правовом развитии России и отдельных ее территорий, роли права в современной геополитике, возможности правового решения проблем социально-экономического и политического развития отдельных территорий, стран, межгосударственных отношений.

Юридическая геополитика находится на стыке таких сфер научного познания, как геополитика и юриспруденция.

Геополитика как наука сама по себе является сложной, междисциплинарной сферой научного знания. Как отмечает Е.А. Ерохина, «в самом общем виде геополитика как область научного знания исследует влияние географических факторов и географического положения на политическое развитие государства и его «пространственное (в терминологии Ф. Ратцеля) поведение»¹. Именно комплекс географических факторов, положения и политического развития определяет многопредметность геополитики: территория и население, общество и государство, религия и церковь, экономика и культура и т.д. Конечно, данное перечисление далеко не полное, но при этом необходимо учитывать, что каждое понятие из перечисленных выше, в свою очередь содержит свои составляющие.

Родоначальники геополитики Ф. Ратцель и Р. Челлен ставили в центр внимания технологию управления и контроля над пространством, в основе которых «традиционно находится сила и мощь государства, прежде всего военная, выражающаяся в способности решать задачи внешней безопасности, а также территориального расширения.

¹ Ерохина, Е.А. Геополитика как научная дисциплина и тип пространственного проектирования // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2012. – Т. 10. – № 2. – С. 95

Это выводило на первый план ... проблему взаимосвязи власти, территории и ресурсов»¹.

В современном понимании геополитику можно охарактеризовать как науку «о контроле над пространством, ... о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния различных государств»², а также отдельных политических объединений и институтов.

В свою очередь, юриспруденция затрагивает одну из важнейших сфер социальной жизни, связанную с властно-государственным управлением и нормативно-правовым регулированием социальных процессов. Предметом юриспруденции являются государственно-правовые закономерности развития общества. «Государство и право находятся в двойной связи с обществом: с одной стороны, сущность и характер государства и права обусловлены самим обществом, а с другой – государство и право являются орудиями обратного воздействия на общество (путем регулирования)»³. Экономика, социальная сфера, научно-технический прогресс, оборона страны, охрана окружающей среды, обеспечение общественного порядка – вот далеко не полный перечень важнейших объектов практической деятельности государства и правового регулирования, проблемами становления, развития и функционирования которых занимается юриспруденция. Юридическая наука, по мнению В. А. Томсинова, «на определенном этапе... становится неотъемлемой частью механизма развития действующего права, способом решения проблем, с которыми оно сталкивается»⁴.

В своих рассуждениях по поводу дефиниции и парадигм геополитического исследования В. В. Карякин отмечает, что «геополитике важен конфликтный аспект ..., акцентирующий внимание на противоречиях... Поэтому геополитику ... можно рассматривать как деятельность государств или социальных групп по насильственному или

¹ Там же. – С. 96.

² Показий, А.В. Теоретические аспекты происхождения и применения в современном обществе терминов «геополитика», «геоэкономика» и «геостратегия» // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2012. – № 3 (31). – С. 41.

³ Левакин, И.В., Шкарупин, А.Г. Научное познание закономерностей государства и права // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 1. – 6. – С. 38.

⁴ Томсинов, В.А. Понятие юридической науки и ее роль в развитии и функционировании права // Государство и право. – 2016. – № 4. – С. 12.

мирному разрешению конфликтов или противоречий»¹. В основе конфликтов и противоречий лежит проблема защиты национально-государственных интересов субъектов международных или региональных отношений. Особенно остро эта проблема возникает в периоды распада, возникновения или столкновения государств (информационного, идеологического, военного и т.д.). Надо отметить, что в современной науке отсутствует сколько-нибудь единое понимание национально-государственных интересов, а это в свою очередь порождает многообразие толкований как самого этого понятия, так и возможных способов и средств их урегулирования.

В современных условиях, ученые все чаще обращаются к проблеме правового регулирования геополитических процессов: мирный правовой путь решения межгосударственных (межрегиональных) споров является наивысшим, демократичным, но не всегда справедливым. По мнению Т. В. Жуйковой, правовое регулирование выполняет роль как способа, так и средства решения практически значимых задач социума. А «в рамках инструментального подхода право рассматривается как комплекс разнообразных правовых средств, регулятивных инструментов, с помощью которых можно программировать определенный гарантированный результат»². Правда, надо отметить, что проблема понимания понятия «правовые средства» достаточно динамична, среди большого количества различных подходов пока трудно выделить наиболее универсальное определение, которое бы удовлетворяло научный мир полностью.

На протяжении всей человеческой истории защита национальных интересов являлась одной из важнейших функций государства. Защита национальных государственных интересов остается одной из наиболее важных функций современных государств, в том числе и Российской Федерации. Существуют различные формы обеспечения национальных государственных интересов (древнейшая из них – военная), но наивысшей из них является форма правовая. Именно она позволяет избежать открытой межгосударственной конфронтации и в

¹ Карякин, В.В. Дефиниция и парадигмы геополитического исследования // Геополитический журнал. – № 1 (13). – 2016. – С. 23.

² Жуйкова, Т.В. Средства правового регулирования: понятие, признаки, виды, и их отличие от способов правового регулирования // Право и политика. – 2010. – № 7. – С.1343-1344.

наибольшей степени способствует цивилизованной защите интересов различных субъектов права¹.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что круг общих научных интересов геополитики и юриспруденции включает в себя проблемы территориального, социально-экономического, политического, международного, правового и иных сфер существования любого государства. Именно на единстве этих научных интересов и базируется относительно новое в отечественной науке направление – юридическая геополитика. Особым, наиболее прогрессивным способом мирного урегулирования противоречий национально-государственных интересов авторов международных (региональных) отношений можно считать правовое регулирование, как основной способ юридической геополитики.

Таким образом, юридическая геополитика является комплексной, многоуровневой дисциплиной, которая анализирует развитие событий на международном (глобальном, региональном и субрегиональном) и внутригосударственном уровнях, отражающих интересы государств. Национальный государственный интерес является базовой категорией юридической геополитики.

Можно дать следующее определение. «Юридическая геополитика» - это:

- наука, система знаний о правовом контроле над пространством;

- борьба за ресурсы в условиях конкретного физического географического пространства мирным путем с использованием правовых способов и средств, в рамках правового поля.

2.2. Юридическая геополитика Советской России в отношении Турции в 1920-х годах

Одной из важнейших функций государства на протяжении всей человеческой истории являлась защита национально-государственных интересов. Национальные государственные интересы – явление динамическое: одни из них в связи с изменением геополитической и локальной исторической ситуации теряют актуальность, другие – появ-

¹ Борисова, И.Д. Правовая политика Советской России 1917 – 1929 гг. в Центрально-Азиатском и Кавказском регионах. – Владимир, 2006. – С. 5.

ляются. Многие современные интересы России имеют исторические корни. В этом контексте их изучение, а также исследование базирующейся на них юридической геополитики России в отдельных регионах на разных исторических этапах, представляется чрезвычайно актуальным. Юридическая геополитика – это: во-первых, наука, система знаний о правовом контроле над пространством; во-вторых, борьба за ресурсы в условиях конкретного физического географического пространства мирным путем с использованием правовых способов и средств, в рамках правового поля¹.

На протяжении многих веков отношения России и Турции складывались неоднозначно: территориальные споры, конфликты, войны... Тем не менее, как справедливо отмечает П. Е. Калугин, Россия и Турция являются соседями, которые заинтересованы во взаимных связях и имеют большой потенциал для этого. Современные формы сотрудничества России с Турцией стало приобретать в 1920-е гг. после революций и гражданских войн в обеих странах².

Историко-правовая наука в малой степени уделяет внимания проблемам торгово-экономических отношений молодого советского государства со странами Востока в начале XX в. Однако, именно в условиях жесткой блокады и непризнания мировым сообществом Советской России, определяются национально-государственные интересы советского государства, направления, принципы внешней политики нового государственного образования, легшие в основу юридической геополитики Советской России 1920-х годов. Данная работа в большей мере базируется на фактическом материале: опубликованном нормативно-правовом материале, архивных и статистических данных.

Целью данной работы является выявить этапы и результаты юридической геополитики Советской России в отношении Турции в 1920-х годах.

Основные положения. Одним из первых внешнеполитических актов молодой Советской власти в 1917 г. явилось обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором излага-

¹ Борисова, И.Д. Некоторые аспекты юридической геополитики // Вестник Владимирского юридического института ФСИН РФ. – 2019. – № 1 (50). – С. 161 – 167.

² Калугин, П.Е. Историческая динамика российско-турецких взаимоотношений в экономике и энергетике // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2015. – Т. 12. – С. 40.

лись принципы социалистической государственной политики по отношению к восточным странам и народам. Данное обращение получило широкое распространение среди народов Ближнего Востока, которые восприняли его как программное письмо Советского правительства.

С целью выстраивания принципиально новой юридической геополитики Советской России на Ближнем Востоке большевистское правительство передало Турции территории Малой Азии и черноморского побережья, которые были захвачены в результате военных действий царской армии в рамках Первой мировой войны. Кроме того, Турция получила еще и территории Эрзурум и Карс, которые еще до Первой мировой войны входили в состав Российской империи. Такое решение долгих геополитических проблем позволило направить процесс установления межгосударственных отношений в мирное правовое русло, путем юридического урегулирования.

В июне 1920 г. Советское правительство приняло предложение турецкого революционного правительства установить постоянные и в полном объеме двусторонние отношения¹. Вскоре в Москве начались советско-турецкие переговоры по политическим, экономическим, территориальным и другим вопросам. По признанию Мустафы Кемалля, Советская Россия, признав право восточных народов на самоопределение, начала переговоры «как равный с равным», решительно отказавшись от царской «политики капитуляций, основанной только на силе и насилии»². Таким образом, в отношении Турции Советская Россия выбирает мирную юридическую геополитику, основанную на принципах равенства и договорности.

Подтверждением мирных намерений России осуществления юр-геополитики в отношении Турции, лишенных каких-либо агрессивных устремлений, явился Договор о дружбе, заключенный сторонами в марте 1921г. Этот договор подтвердил отмену Советским правительством всех трактатов, договоров и конвенций, ранее заключенных царской Россией и Турцией, ущемлявших политические и экономические права последней. Договор упразднял режим капитуляций, определял турецко-российские границы и предусматривал заключение специальных торговых и консульских соглашений и конвенций,

¹ Документы внешней политики СССР. Т. II. – М. : Политиздат, 1958. – С. 554.

² Международная жизнь. – М., 1963. – № 11. – С. 149.

предоставление друг другу права беспошлинного транзита через свою территорию¹.

1 апреля 1926 г. в Анкаре начались советско-турецкие торговые переговоры. На первом заседании межправительственной конференции по выработке торгового договора между обеими странами были организованы три рабочие комиссии – юридическая, таможенная и по общим торговым вопросам. В ходе работы конференции рассматривались и согласовывались наиболее важные вопросы, касавшиеся торговли между двумя странами. Надо было сохранить такие формы торговых взаимоотношений, которые были апробированы самой практикой и вполне оправдали себя.

Советско-турецкие переговоры закончились 11 марта 1927 г. подписанием договора о торговле и мореплавании сроком на 5 лет. 23 мая 1927 г. договор был ратифицирован турецким меджлисом². Договор состоял из 32 статей, определявших состояние и основные направления развития советско-турецкой торговли. Турецкое правительство признало советскую монополию внешней торговли, а торгпредство СССР в Турции – в качестве органа, представлявшего Советское правительство на турецком рынке и от его имени регулировавшего экспортно-импортные операции между СССР и Турцией (ст. 11), а также режим мореплавания, таможенных процедур и транзита. Статья 12 договора признавала экстерриториальность торгового представительства СССР в Анкаре и его отделения в Стамбуле³. Помимо Стамбула, советское торгпредство могло открыть свои отделения в Измире, Трапезунде, Мерсине, Эрзеруме, Конии или Эскишехире (ст.15)⁴. Договором определялись права советского и турецкого флота, советских внешнеторговых организаций, получивших право выхода на турецкий рынок. Советское правительство разрешило турецким купцам осуществлять торговые операции на советской территории (ст. 3). Рядом статей определялись юридические права этих лиц во время пребывания в СССР и условия транзита турецких товаров через советскую территорию в азиатские страны. Договор сопровождался

¹ Документы внешней политики СССР. Т. III. – М.: Политиздат, 1959. – С. 543, 601.

² Ökçun A.G. A Guide to Turkish Treaties (1920 – 1964). – Ankara: Üniversitesi Basımevi, 1966. – P. 57.

³ Документы внешней политики СССР. Т. X. – М.: Политиздат, 1965. – С. 86.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. III. – М.: Политиздат, 1959. – С. 87.

протоколами о таможенных льготах и режиме наибольшего благоприятствования, который обе страны предоставляли друг другу. Договором разрешалось турецким купцам и организациям ввозить в СССР 30% промышленного сырья и 80 % предметов потребления, ввозимых из Турции в СССР; остаток контингентов, т.е. 70 % промышленного сырья и 20 % предметов потребления должны ввозить хозяйственные организации СССР. При распределении между турецкими купцами и фирмами лицензий на ввоз в СССР предметов торгпредство СССР в Турции обязывалось «отдавать предпочтение тем турецким коммерсантам и организациям, которые будут рекомендованы ему турецким правительством»¹.

30 марта 1927 г. договор был ратифицирован ЦИК СССР и 21 мая того же года единогласно ратифицирован турецким меджлисом, а 4 июня состоялся обмен ратификационными грамотами, после чего он лег в основу торговых взаимоотношений между обеими странами. Отношение турецких правительственных кругов к договору отчетливо проявилось в процессе ратификации его 21 мая 1927 г. турецким меджлисом, даже без соблюдения обычной формальной парламентской процедуры. Чтение протокола с самого начала было прервано возгласами с мест: «Принять»². Договор о торговле и мореплавании положил конец неопределенности, существовавшей на протяжении ряда лет в советско-турецкой торговле, теперь торговые взаимоотношения получили договорно-правовую основу. Он стал первым подобного рода договором страны Ближнего Востока с СССР, способствовавшим развитию торговли в соответствии с принципами советско-турецких договоров 1921 и 1925 гг. Высоко оценивая политическое значение торгового договора, в беседе с корреспондентом газеты «Известия» член Коллегии Наркомторга СССР Я.С. Ганецкий заметил, что, несмотря на ожесточенную кампанию, которая велась против СССР, Турция, хорошо учитывая свои собственные экономические и политические интересы, пошла своим собственным путем, который диктовался ей «близким экономическим и политическим сотрудничеством с СССР»³.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. X. – М. : Политиздат, 1965. – С. 99.

² Известия. – 1927. – 24 мая.

³ Документы внешней политики СССР. Т. X. – М. : Политиздат, 1965. – С 107-108.

С вступлением в силу советско-турецкого торгового договора в 1927 г. Наркомторг СССР издал ряд приказов и распоряжений по претворению его в жизнь: 27 июня был издан приказ о применении к турецким товарам таможенных льгот, 1 июля – приказ о введении в действие контингентов торгового договора и о выдаче валюты, 2 июля были даны подробные директивы Главному таможенному управлению по претворению в действие договора, 5 июля Наркомат финансов издал инструкцию о порядке выдачи свидетельств турецким купцам и фирмам на перевод валюты и 9 июля им были направлены полпреду, торгпреду и всем советским консулам в Турции подробные директивы по применению договора¹. Со стороны Советского правительства Турция получила ряд льгот для транзита грузов из восточных вилайетов в западные через Батуми. Для переброски таких грузов образовалось общество под названием «Туртрансторг», в декабре 1927 г. оно заключило соглашение с ближневосточным представительством «Совторгфлота» о переброске грузов морским путем по линии Батуми – Стамбул и другие турецкие порты². Практическое применение договора привело к увеличению объема советско-турецкой торговли на 20% за первый год его действия и в 5 раз по сравнению с 1922/23 г. (с 4,6 млн рублей до 22,9 млн рублей)³. Республиканское правительство Турции возлагало особые надежды на торговлю с СССР в связи с началом осуществления программы строительства национальной промышленности, а министерство торговли специально занялось изучением организации экономики и торговли в СССР в целях возможного использования некоторых мероприятий Советского правительства в области внешней торговли и промышленности самой Турции⁴.

Торговый договор 1927 г. стал развитием положений Договора 1921 г. и ознаменовал появление на Ближнем Востоке совершенно нового типа экономических межгосударственных отношений: утверждал принципы мирного сосуществования в отношениях между стра-

¹ РГАЭ. Ф. 5240. Оп.9. Д. 134. Л. 14.

² РГАЭ. Ф. 7795. Оп. 1. Д. 436. Л. 30.

³ СССР. Год работы правительства (Материалы к отчету за 1927/28 г.). – М., 1929. – С. 18; Внешняя торговля СССР. 1918 – 1966. Статистический сборник. – М., 1967. – С. 18, 10.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4004. Оп. 1. Д. 195. Л. 23.

нами с различными общественно-политическими системами. Политические отношения между государствами получили надежную экономическую базу и юридическую форму для дальнейшего развития.

Для Советского государства торговые договоренности с Турцией обеспечивали источник получения потребительских товаров и сырья для развития легкой промышленности, а для Турции обеспечивал твердый рынок реализации экспортной продукции и получение без затраты валюты технических средств для развития национальных производительных сил и промышленных товаров для обеспечения собственного рынка. Торговля с СССР стимулировала развитие тех отраслей экономики Турции, которые были связаны с экспортом на советский рынок (хлопководство, шелководство, скотоводство, садоводство, рисосеяние и др.), а оживление хозяйственной деятельности сдерживало безработицу и благоприятно сказывалось на материальном положении населения¹.

Торговый договор с Советским Союзом Турция заключала в условиях разрыва английским правительством торгового соглашения с СССР от 1921 г. и стремления капиталистических держав организовать экономическую блокаду Советскому государству. Посредством заключения торгового договора СССР – Турция (параллельно был заключен аналогичный договор СССР- Иран) данному плану бойкота советских товаров и внешнеторговых организаций не было суждено свершиться.

Торговый договор 1927 г. заложил договорно-правовую основу для устойчивого развития экономических связей между двумя государствами. Он означал признание правительством Турции советской системы внешней торговли, основанной на принципе государственной монополии. Во многом под воздействием нормализации политических и экономических отношений со своим северным соседом правительство Турции пошло на подписание договора о дружбе и безопасности в 1926 г., протокола о политическом и экономическом сотрудничестве в 1928 г. и торгового соглашения в 1929 г. [д. 58]. Расширение торгово-экономического сотрудничества между обеими

¹ Внешняя торговля СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки. – М.: Внешторгиздат, 1958. – С. 118.

странами вело к укреплению их позиций в борьбе за сохранение национальной самостоятельности и давало возможности более эффективно отстаивать национально-государственные интересы в отношениях с капиталистическими державами.

2.3. Правовые формы возобновления коммерческих связей между рынками стран Ближнего Востока и Советского государства (1917 – 1922 гг.)

Зарождение внешнеторговых связей между странами Ближнего Востока и Советским государством было обусловлено потребностями народнохозяйственного строительства и общими задачами сохранения национальной и экономической самостоятельности. Благодаря торговым связям политические отношения между народами и странами приобретали необходимый базис для своего развития. Как для ближневосточных стран, так и для молодого социалистического государства они становились объективным «актом самосохранения»¹.

Опыт прошлого свидетельствовал, что торговля с Россией всегда была выгодной для стран Ближнего Востока, особенно для восточных вилайетов Турции и северных провинций Ирана. Нарушение связей с российским рынком тяжело сказалось на хозяйственной жизни этих ближневосточных рынков, что заставило правительства Турции и Ирана искать пути нормализации торговых связей с Советской Россией. Однако отношение к перспективам торговли с Советской страной было весьма противоречивым: определенная часть купечества ближневосточных стран выступала за скорейшее восстановление контактов с российским рынком, другая – вела себя довольно сдержанно и заняла выжидательную позицию. Тот факт, что торговать приходилось с представителями Советской власти, а не с привычными партнерами-частниками, нередко отпугивал коммерсантов от каких-либо сделок с советским рынком. Сказывалась также их неосведомленность и вера в различные измышления антисоветской буржуазной пропаганды. Но, как отмечал В.И. Ленин, «общие экономические всемирные отношения» заставляли вступать на «путь сношения с

¹ Документы внешней политики СССР. Т. IX. 1 января – 31 декабря 1926 г. – М., 1964. – С. 116.

нами»¹. Другой мотив, побудивший ближневосточные фирмы и коммерсантов на контакты с советскими хозяйственными организациями, обусловлен был тем, что «кучка стран душит другие народы, и эти народы обращаются к нашей помощи открыто или прикрито, сознательно или бессознательно, но они привыкают сознавать экономическую необходимость союза с Советской Россией против международного империализма»².

Целью данной работы является попытка определить мирные правовые формы возобновления коммерческих связей между рынками традиционных до революционных российских событий 1917 года торговых партнеров: стран Ближнего Востока и молодого советского государства. Данная работа в большей мере базируется на фактическом материале: опубликованном нормативно-правовом материале, архивных и статистических данных.

Вначале ближневосточные коммерсанты и их объединения предпочитали устанавливать связи с советскими кооперативными объединениями. Конечно, на их действиях сказались позиции западноевропейских держав. В частности, после прекращения экономической блокады Советской России, когда капиталистические державы осознали бесперспективность своих попыток экономически удушить Советскую власть, Верховный совет Антанты принял 16 января 1920 г. решение о начале торговли с русским народом через посредство его кооперативных организаций, которые «состоят в непосредственной связи с массами русского крестьянства»³. Начало коммерческой деятельности советской кооперации на рынках Ближнего Востока было положено Центросоюзом, наличие у него закупочных контор в Советском государстве и сопредельных странах позволило ему сравнительно быстро подключиться к решению общегосударственных задач по восстановлению связей между отечественными и зарубежными кооперативами. На закупки скота и мясных продуктов на восточных рынках для красноармейских частей и городского населения ВСНХ

¹ Ленин, В.И. О внутренней и внешней политике Республики // IX Всероссийский съезд Советов 23 – 28 декабря 1921 г. / Полное собрание сочинений. Т. 44. – М., 1970. – С. 304 – 305.

² Ленин, В.И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г. / Полное собрание сочинений. Т. 42. – М., 1970. – С. 107.

³ РГАЭ. Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 2. Д. 1517. Л. 203.

РСФСР выделило Центросоюзу 3,5 млн. золотых рублей и 80 пудов серебра, отпустил большое количество чая, металлических изделий, 1 млн. аршин мануфактуры¹. Для ведения коммерческих операций Центросоюз получил от Советского правительства кредиты в размере 246 млн. рублей (на 1 января 1919 г.)². Устанавливая взаимоотношения с иностранными кооперативными организациями, советская кооперация видела в развитии внешнеторговых связей одно из средств содействия установлению нормальных взаимоотношений между Советским государством и зарубежными странами³.

Особый интерес Центросоюз встретил со стороны иранских торговых фирм и отдельных купцов. Административный центр его работы на иранском рынке находился в Баку, которому подчинялись заготовительные конторы в иранских городах Энзели, Астрабаде, Мазендеране и Казвине, имевшие в свою очередь отделения и агентства в Ардебиле, Реште, Астаре, Нешедесере и Фериканере⁴. Внешнеторговые связи облегчались довольно протяженной границей между обеими странами и благоприятными водными и гужевыми путями сообщений. Налаженность коммерческого аппарата Центросоюза и доверие к нему привели к тому, что в его иранские конторы стали поступать от местных купцов предложения на комиссионную доставку транзитом через Туркестан и Закавказье иранского сырья с дальнейшей его реализацией за границей и закупкой товаров для иранских купцов, в покрытие экспортируемого сырья⁵.

При рассмотрении организационных вопросов, связанных с иранскими заготовками, на заседании комиссии при уполномоченном Центросоюза по Ирану и Азербайджану 12 января 1921 г. отмечалось, что советско-иранская торговля должна осуществляться через представительство НКВТ РСФСР, которое использует Центросоюз в каче-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Совет Народных Комиссаров РСФСР. Оп. 5. Д. 23. Л. 203.

² РГАЭ. Ф. 484. Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз) СССР. Оп. 1, Д. 193. Л. 73.

³ ГАРФ. Ф. 5451. Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС). Оп. 12. Д. 45. Л. 24.

⁴ РГАЭ. Ф. 484. Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз) СССР. Оп. 1, Д. 519, Л. 15.

⁵ РГАЭ. Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 2. Д. 830. Л. 20.

стве коммерческого аппарата на иранском рынке¹. Все свои планы в области внешней торговли, вопросы цен на экспортные и импортные товары и т.п. Центросоюз стал согласовывать с НКВТ РСФСР². Для осуществления коммерческих операций на иранском рынке НКВТ РСФСР перевел своему Азербайджанскому отделению 400 млн. рублей в старых купюрах и 500 млн рублей советскими денежными знаками³. С весны 1921 г. иранское управление Центросоюза смогло развернуть коммерческую деятельность по всему побережью Каспийского моря. Им было заготовлено для Внешторгов РСФСР и Закавказья до 383 тыс. пудов риса, 5,5 тыс. штук сафьяна и 9 тыс. штук каракуля и разной пушнины⁴.

Следует заметить, что даже во время оккупации интервентами и белогвардейцами Каспийского побережья и пограничных с Ираном территорий в Закавказье и Средней Азии контакты между иранским и российским рынками полностью не прекращались. Они носили эпизодический характер, иранским купцам разрешалось вести торговлю в приграничных районах Советского государства «на почве контрабандной доставки мелких партий в Астрахань»⁵. В сентябре 1918 г. группа представителей иранских коммерсантов в беседах с главой дипломатической миссии РСФСР в Тегеране И. О. Коломийцевым пытались выяснить ближайшие перспективы восстановления торговых и политических отношений между Ираном и Советской Россией. В октябре того же года И. О. Коломийцев сообщал Г. В. Чичерину, что ежедневно советскую миссию в Тегеране посещали иранские общественные и торговые деятели⁶. Со временем иранские купцы начинали публично заявлять, что «Россия важна для Ирана, как место сбыта сырьевых и сельскохозяйственных товаров»⁷.

¹ РГАЭ. Ф. 484. Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз) СССР. Оп. 7. Д. 68. Л. 50.

² Там же. Оп. 7. Д. 68. Л. 6.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Совет Народных Комиссаров РСФСР. Оп. 4. Д. 317. Л. 45.

⁴ РГАЭ. Ф. 484. Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз) СССР. Оп. 7. Д. 624. Л. 16.

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. II. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. – М., 1958. – С. 623.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Совет Народных Комиссаров РСФСР. Оп. 3. Д. 178. Л. 2-3.

⁷ РГАЭ. Ф. 7932. Русско-персидская банкирская контора (Русперсбанк). 1923 – 1929 гг. Оп. 1. Д. 117. Л. 268.

В 1919 г. англичане навязали Ирану полуколониальный договор, по которому Лондон получил право иметь в Тегеране своего финансового советника, а в 1920 г. под давлением Англии феодально-компрадорские власти ввели запретительный таможенный тариф в отношении торговли Ирана с Советским государством, по которому ставки на сахар были увеличены на 1200 % более, чем по ранее действующему тарифу, на керосин – на 1070 % и т.п. В то же время таможенные ставки на продукты английского происхождения были оставлены без изменений, или даже понижены. С помощью дискриминационных мер англичане пытались сохранить неограниченный контроль над иранским рынком и не допустить восстановления советско-иранской торговли. Иранские коммерсанты настойчивее стали требовать отмены антисоветского таможенного тарифа¹. Настойчивость торгово-предпринимательских кругов привела к тому, что 18 декабря 1920 г. в Тегеране было открыто торговое представительство РСФСР в Иране. Однако заметных размеров советско-иранская торговля не могла достичь, так как она осуществлялась в условиях применения таможенного тарифа 1920 г. Так, в 1920/21 хозяйственном году доля Советской России во внешнеторговом обороте Ирана составила 3,3 %, по ввозу она заняла 3-е место и по вывозу 7-е место². Ограничительные меры в отношении торговли с Советской Россией сохранялись до 1922 г., когда иранское правительство пошло на восстановление ранее действовавших таможенных тарифов 1901 – 1903 гг.

В марте 1921 г. бакинское представительство Центросоюза предприняло коммерческо-ознакомительную экспедицию в северо-иранскую провинцию Астару, в ходе которой не только изучался местный рынок, но и было реализовано 5,5 тыс. пудов керосина, а также партии сахара, тканей, металлических изделий. В своем докладе об итогах экспедиции агент центросоюзовской конторы в Баку Б.М. Данциг отмечал, что представитель Центросоюза «встретил в Астаре и у властей и у купцов самый любезный прием, причем неоднократно подчеркивалось, что Центросоюз является организацией хо-

¹ РГАЭ. Ф. 7590. Банк для внешней торговли СССР (Внешторгбанк). Оп.3. Д. 101. Л. 25.

² РГАЭ. Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 2. Д. 832. Л. 18.

рошо иранцам знакомой и ими ценимой»¹. В стоимостном выражении закупки Центросоюза на иранском рынке увеличились с 602 тыс. рублей в 1921 г. до 906 тыс. рублей в 1922 г.². За 1920/21 – 1921/22 гг. советско-иранская торговля удвоилась, доля Советской России во внешней торговле Ирана увеличилась с 3,3 до 6,1%³. Советское правительство пригласило делегацию торговых деятелей Ирана посетить Москву⁴. С июня 1921 г. на территории Советской России стали учреждаться иранские консульства в Астрахани, Новороссийске, Краснодаре, Ростове-на-Дону и Петрограде, что способствовало установлению советско-иранских деловых контактов⁵.

В условиях освободительной борьбы турецкого народа начала зарождаться советско-турецкая торговля. Вначале она имела неорганизованный и даже полулегальный характер и проявлялась в том, что турецкие фелюжники привозили в советские черноморские порты свои товары, реализуя их на побережье. В основном это были небольшие партии продовольственных товаров и предметов первой необходимости. Значительная часть торговых сделок турецких фелюжников приходилась на потребительскую кооперацию, т.к. покупки зарубежных товаров в пограничных местностях и в портах разрешались исключительно только кооперативам⁶.

В 1919 г. в Стамбуле начала свою деятельность контора Центросоюза, а с 1920 г. она стала выступать в качестве коммерческого аппарата РСФСР на рынках Ближнего Востока. Наряду с Центросоюзом, в Стамбуле развернули свою деятельность представительства Одесского и Крымского Внешторгов, торговые делегации Украины и Закавказья. В Трапезунде была учреждена контора Центросоюза, охватившая своей коммерческой деятельностью восточные вилайеты Турции. При ее содействии с весны 1921 г. закавказскими отделениями «Нефтеэкспорта» на турецком рынке было реализовано 3 тыс. пу-

¹ РГАЭ. Ф. 484. Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз) СССР. Оп. 7. Д.79. Л. 26.

² Там же. Оп. 1. Д. 916. Л. 20.

³ РГАЭ. Ф. 8317. Всесоюзная Восточная торговая палата. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. V. 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. – М., 1961. – С. 549.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Совет Народных Комиссаров РСФСР. Оп. 6. Д. 560. Л. 3.

⁶ РГАЭ. Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 3. Д. 637. Л. 502.

дов нефтепродуктов, в 1922 г. – 807 тыс. пудов¹. В конце 1922 г. республиканское правительство Турции разрешило «Нефтеэкспорту» деятельность на всем турецком рынке². «Внешторг и Центросоюз открывают свои конторы в наших портовых городах, ввозят цемент, керосин и другие товары, увеличивая наш рынок и наше производство»³ – писала газета «Гюзель Трабзон».

В организации первых закупок товаров на ближневосточных рынках совместно с Центросоюзом деятельное участие принимала стамбульская контора Всероссийского акционерного кооперативного общества (Аркос). Общество Аркос было образовано в Англии в 1920 г., когда между Советской Россией и Англией не было торгового соглашения. «При таких условиях, – отмечал Л.Б. Красин, – Советская Россия была вынуждена избрать такую форму для своей торговой организации, которая позволила бы приступить к торговым операциям, не ожидая пока оформится само соглашение между странами»⁴. Это была советская торговая организация, юридически оформленная как англо-русское коммерческое предприятие с ограниченной ответственностью перед английским законодательством. Английское правительство допустило его коммерческую деятельность и на территории зависимых от Англии стран. 30 мая 1922 г. между Аркосом и Центросоюзом было заключено соглашение, согласно которому Центросоюз передал Аркосу на комиссионных началах реализацию товаров, принадлежащих советской кооперации, на рынках Ближнего Востока⁵. Центросоюзу предоставлялось право иметь в отделениях Аркоса своих уполномоченных по закупкам и продаже товаров на внешних рынках, выполнявших поручения потребительской кооперации⁶. На базе стамбульских представительств Аркоса и Центросоюза была учреждена торговая делегация Советской России на Ближнем Восто-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3270. Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке. Оп. 3. Д. 8. Л. 28.

² РГАЭ. Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 2. Д. 804. Л. 51.

³ Цитата по: «Заря Востока». – 1922. – 20 июля.

⁴ РГАЭ. Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 10. Д. 99. Л. 120.

⁵ РГАЭ. Ф. 484. Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз) СССР. Оп. 7. Д. 327. Л. 64.

⁶ Там же. Оп. 7. Д. 327. Л. 65.

ке, ставшая прообразом советского торгового представительства в Турции.

В то время Стамбул был мало связан с турецким рынком, он почти ничего не покупал и не продавал, являясь практически маклером на большом торговом пути. Город оккупировали войска стран Антанты и контроль над его общественно-политической и экономической жизнью осуществляли английские, французские и итальянские военные административные органы. Поэтому юридической основой работы внешнеторгового представительства РСФСР служило англо-советское торговое соглашение 1921 г., приоткрывшее перспективы торговли Советской России с зависимыми от английского империализма странами и территориями (Сирии, Палестины, Египта).

Революционное правительство Турции изъявило желание заключить с Советским правительством политический договор, консульское, почтовое и торговое соглашения, необходимые для нормальных отношений между обеими странами и которые могли бы стать «очень полезны для их материальных интересов»¹. 19 февраля 1922 г. в Анкаре было учреждено торговое представительство РСФСР в Турции. С согласия турецкого правительства для продажи советских нефтепродуктов и осуществления экспортно-импортных операций на турецком рынке в мае – июне 1922 г. были открыты агентства торгпредства РСФСР в Самсуне, в анатолийских портах Мерсине, Инеболи и Трапезунде, а позднее в Зангузане². В результате победы турецкой революции Стамбул был освобожден из-под иностранного управления, город стал нераздельной частью Турецкой республики, на него распространилась государственная власть и юрисдикция, финансовое и таможенное законодательство республиканского правительства. Экономические и политические потребности привели в конце 1922 г. к объединению торговых представительств РСФСР в единое советское торгпредство в Турции. Его местопребыванием стала Анкара, а в Стамбуле было сохранено агентство Аркоса для Ближнего Востока. С этого момента советское торгпредство и внешнеторговые органы

¹ Документы внешней политики СССР. Т. IV. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. – М. : Госполитиздат. – С. 488.

² РГАЭ. Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 2. Д. 1553. Л. 4.

Турции приступили к изысканию приемлемых путей развития торгово-экономического сотрудничества в интересах обеих стран.

Значительную роль в создании исходных рубежей советско-ближневосточной торговли выполняла ярмарка в Нижнем Новгороде, с 1922 г. ставшая крупным центром не только обмена сырьевых товаров стран Востока на промышленные изделия советских предприятий, но и непосредственного общения ближневосточных купцов с советскими хозяйственниками¹. Вслед за Нижегородской ярмаркой в сентябре 1922 г. была учреждена ярмарка в Баку в целях восстановления торговли с Ираном². Одновременно разрешался безлицензионный ввоз иранских товаров в СССР и вывоз советских товаров в Иран. Такой режим советско-иранской торговли действовал с 1922 по 1926 гг. Ярмарочная торговля была традиционной и наиболее доходчивой для восточного купца. Советское правительство шло на предоставление восточным купцам льготных условий доставки на советские ярмарки и вывоз с них товаров по пониженным тарифам и без предварительных на то разрешений, устанавливался безлицензионный режим торговли по всей азиатской границе СССР, удешевлялся тариф на провоз грузов из восточных стран на ярмарки и обратно посредством железнодорожного и водного транспорта, вводились льготы по аренде складских помещений. В случае вывоза непроданных товаров взысканная пошлина возвращалась, досмотр товаров и оплата пошлины могли производиться на территории ярмарки, для реализации оставшихся товаров устанавливался льготный месяц³. Такие льготные условия для ярмарочной торговли сохранялись на протяжении всех лет деятельности ярмарок в Нижнем Новгороде и Баку.

Таким образом, в начале 20-х годов выявились вполне обоснованные потребности в торговых взаимоотношениях между традиционными коммерческими партнерами, наметились реальные пути их развития. Основными оправданными правовыми формами торговли начального периода были: сочетание частной восточной с кооперативной советской торговлей; использование советско-восточных торговых организаций для продвижения советских товаров не только на

¹ Документы внешней политики СССР. Т. V. 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. – М. : Госполитиздат, 1961. – С. 416.

² Там же. С. 577.

³ РГАЭ. Ф. 484. Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз) СССР. Оп. 7. Д. 145. Л. 51; Ф. 16. Оп. 11. Д. 41. Л. 27.

восточных, но и западных рынках; расширение торговых контактов посредством ярмарочной торговли.

Внимательным отношением к запросам коммерсантов и покупателей, аккуратным соблюдением традиций местных рынков советские внешнеторговые организации начинали постепенно рассеивать недоверие купцов и общественно-политических кругов Турции, Ирана и соседних с ними стран к Советскому государству. Возрождавшиеся торговые связи способствовали прорыву Советским государством экономической блокады на южных границах, организованной лидерами мирового империализма, и стали исходной базой для развития советско-ближневосточной торговли в последующее время. Они побуждали деловую активность торгово-предпринимательских слоев и деловой общественности Ближнего Востока, заинтересовав их перспективами торговли с первым в мире социалистическим государством.

2.4. Правовые формы организации международной торговли СССР и Египта в условиях отсутствия официальных государственно-правовых отношений в 1920-х годах

В связи с объявлением в 1922 г. «независимости» и принятием в 1923 г. конституции Египет получил формальное право на осуществление собственной политики. Этим пытались воспользоваться национальные торгово-промышленные предприятия, они намерены были укрепить свои позиции во внешней торговле и расширить круг своих коммерческих партнеров. С их стороны начинал проявляться интерес к советскому рынку, ими предпринимались попытки завязать деловые связи с лондонским или стамбульским представительствами Аркоса (Всероссийское кооперативное акционерное общество, зарегистрированное в Лондоне по английским законам для ведения торговли РСФСР с иностранными государствами). Египтянам были памятливы связи с российским рынком. За счет импорта из России в довоенные годы Египет удовлетворял до 40 % потребностей в сахаре, ввозил лесоматериалы, египетские коммерсанты пытались наладить импорт из России хлопчатобумажных тканей. Московское экспортное общество открыло свое отделение в Александрии. В Каире и Александрии российская нефтяная фирма развернула нефтепродажу, а в окрестностях Ка-

ира построила завод по изготовлению бидонов под керосин и бензин¹. Начавшаяся первая мировая война приостановила российский экспорт в Египет.

В послевоенные годы Египет со своим 14-миллионном населением был наиболее крупным и емким рынком Арабского Востока. Страна испытывала большую потребность в рынках для сбыта хлопка. Хлопок являлся почти что единственным источником национального богатства, на его долю приходилось до 95 % всего экспорта страны. Египет занимал четвертое место в мировом хлопковом производстве и почти не имел своей текстильной промышленности. Египетский рынок нуждался в сельскохозяйственных продуктах, цементе, нефтепродуктах и прочих товарах, из-за рубежа Египет ввозил в больших количествах почти все, что советские внешнеторговые организации вывозили в европейские страны. При закупке товаров советского производства Египет мог бы весь свой импорт покрывать экспортом в СССР. Торговля с СССР облегчалась бы еще и удобными путями сообщений из черноморских портов в Александрийский порт, через который проходило до 95 % импорта и экспорта Египта.

Целью данной работы является попытка определить правовые формы возобновления фактических коммерческих связей между рынками Египта и СССР в условиях отсутствия юридических межгосударственных контактов. Данная работа в большей мере базируется на фактическом материале: опубликованном нормативно-правовом материале, архивных и статистических данных.

Основные положения. Начало восстановлению торговых контактов было положено в 1922 г., когда из Египта в Советскую Россию было ввезено 751 тыс. пудов муки на сумму свыше 1,1 млн рублей, из них 337 тыс. пудов хлеба в зерне и 414 тыс. пудов муки². Эти закупки осуществлялись в условиях голодного времени, которое переживала Советская Россия после гражданской войны и военной интервенции Антанты. В том же году Египет приобрел 16,1 тыс. тонн советского керосина (11,2 % годового импорта керосина, в 1923 г. – 73 тыс. тонн

¹ Страны Востока. Экономический справочник / под ред. С.К. Пастухова, А.Е. Ходорова и Д.И. Шморгонера. – М.: Изд-во Всесоюзно-восточной торговой палаты, 1929. – С. 447, 449, 450, 455.

² Документы внешней политики СССР. Т. V. 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. – М., 1961. – С. 708; Ф. 14, Оп. 7. Д. 176. Л. 17.

(42,9 %)¹. Эти первые партии товаров были реализованы при посредничестве иностранных фирм, что экономически не было выгодно ни Советской России, ни Египту, хотя и были крайне необходимы. Советские внешнеторговые организации предпринимали немалые усилия по изысканию путей установления непосредственных прямых контактов с египетскими фирмами и коммерсантами в условиях отсутствия дипломатических и торгово-экономических соглашений на государственном уровне. Интерес деловой общественности Египта к советскому рынку зарождался в условиях общенационального освободительного подъема за политическую и экономическую самостоятельность начала 20-х годов².

В создании предпосылок для реального развития советско-египетской торговли заметную роль начинал играть Аркос. С конца 1922 г. лондонское представительство Аркоса смогло установить связи с рядом хлопкоэкспортных фирм Египта, что позволило Всесоюзному текстильному синдикату (ВТС) закупить до 11 тыс. кип египетского хлопка для покрытия недостающей доли сырья в работе советской текстильной промышленности³. В мае 1923 г. его стамбульское отделение получило от египетских торговых фирм предложения на заключение соглашений на поставку в Египет лесоматериалов, цемента и нефтепродуктов и на поставку в СССР хлебных продуктов⁴.

В период зарождения торговых связей Египта и СССР определенную роль играли иностранные посреднические торговые фирмы, в качестве таковых, например, выступали «Стандарт Ойл Компани» и филиал «Стандарта Вакуум-Ойл», «Азиатик Петролеум Компани», «Шелл», «Сосьете д'аванс» и некоторые другие английские, американские, французские, бельгийские и другие фирмы, вступавшие в договорные отношения с советскими внешнеторговыми организациями по реализации советских товаров на египетском и других ближневосточных рынках. Советские организации прибегали к посредниче-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 10. Д. 657. Л. 8-9.

² Makeev, D.A. Интернациональная солидарность советских трудящихся с национально-освободительной борьбой египетского народа в 1913 – 1924 гг. // Научные труды. Сб. 3. – Тюмень : Тюменский госуниверситет, 1974. – С. 77-97.

³ Торгово-промышленная газета. – 1928. – 18 марта.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 2. Д. 1075. Л. 14–15.

ству иностранных фирм и отдельных купцов как по сбыту своих экспортных товаров, так и по покупке восточных товаров лишь в тех случаях, когда это посредничество было целесообразным и выгодным. Советское государство всегда, - отмечал нарком внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микоян, - стремилось установить непосредственную коммерческую связь с основными производителями и потребителями тех или иных товаров, минуя посреднические связи¹. Со стороны египетских торгово-промышленных кругов, недовольных господством империалистов в национальной торговле, стала проявляться заинтересованность в создании специального общества по развитию советско-египетской торговли и учреждения представительства советских внешнеторговых организаций в Александрии. Под давлением таких настроений деловых кругов египетское правительство пошло на установление почтового сообщения с СССР и связей национального банка с Государственным банком СССР, разрешило Главному управлению торгового флота СССР совершать заход пароходов в Александрию и Порт-Саид².

В июле 1925 г. в Порт-Саиде и Александрии были учреждены агентства «Совторгфлота». В Порт-Саиде в качестве агента «Совторгфлота» выступила фирма «Бритиш Колинг Депо». Эта фирма не проявляла достаточного интереса к обеспечению советских пароходов грузами, а ограничивалась лишь теми работами, которые вызывались естественным потоком грузов³. В Александрии агентом «Совторгфлота» так же являлась английская фирма «Кокс Кинго»⁴. И эта фирма проявляла свое недобросовестное отношение к интересам «Совторгфлота», стремилась лишь извлекать пользу для себя при обслуживании советских пароходов в ущерб последним. В докладе Главного агентства акционерного общества «Совторгфлот» на Ближнем Востоке о работе за январь-октябрь 1926 г. отмечалось, что недоброжелательное отношение к советским пароходам со стороны египетского правительства проявлялось «не без давления со стороны английской политики. Эта маленькая, но весьма важная для торгового

¹ Микоян, А.И. Монополия внешней торговли и импорта СССР. Энциклопедия советского импорта. – Т. 1. – М., 1929. – С. 29.

² РГАЭ. Ф. 2324. Государственный банк СССР (Госбанк СССР).

³ РГАЭ. Ф. 7932. Русско-персидская банкирская контора (Русперсбанк). 1923 – 1929 гг. Оп.1. Д. 74. Л. 2, 7.

⁴ Там же. Оп.1. Д. 667. Л. 24.

флота страна, чинит большие затруднения своими репрессивными мерами к нашему флагу, сделавшими невозможным продолжение начатых было в 1925 году регулярных посещений Александрии»¹. Поэтому «Совторгфлотом» были продолжены поиски более надежной агентуры в египетских портах, завершившиеся соглашением с греческой фирмой «Дрессиадис и Тавуларидис». Эта фирма пыталась добиться обеспечения нормальных заходов советскими торговыми пароходами в Александрийский порт, за что имела немало неприятностей со стороны египетских властей².

В конце 1923 г. в Москве побывал представитель александрийской хлопковой фирмы «Казулли», где вел переговоры с советскими хлопкоимпортирующими организациями, им были привезены образцы и необходимые коммерческие сведения о египетском хлопке, способах и условиях платежа. Было условлено, что египетская фирма будет направлять хлопок для ВТС через Ливерпуль³. В 1923 г. из СССР была отправлена пробная партия шпал для строительства железных дорог в Египте, в январе 1924 г. Аркос получил запрос на поставку в Александрию 50 тыс. шпал⁴, а в марте 1924 г. на продажу в Египет 1 тыс. тонн смолы и 200 тыс. дубовых шпал⁵. Эти заказы представляли особый интерес, т.к. заказчиком выступило египетское правительство, с которым Советское государство было заинтересовано установить непосредственные торговые и политические соглашения.

В 1924 г. египетские власти разрешили въезд в свою страну представителю Аркоса Л.А. Глейзеру, совершавшему поездку по районам Восточного Средиземноморья с целью приобретения необходимой коммерческой информации и проведения подготовительной работы для возбуждения торговых переговоров с некоторыми арабскими фирмами. Во время нахождения в Александрии Л.А. Глейзер имел деловые беседы с египетскими коммерсантами, которые в свою очередь выразили заинтересованность в торговле с СССР, некоторые из

¹ Там же. Оп.1. Д. 212. Л. 3-4.

² Там же. Оп.1. Д. 74. Л. 9.

³ РГАЭ. Ф. 4004. Государственный Волго-Каспийский лесопромышленный трест управления государственной промышленности ВСНХ СССР (Волгокаспийлес). Оп. 1. Д. 635.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 10. Д. 763. Л. 8.

⁵ Там же. Оп. 10. Д. 566. Л. 99-100.

них заявляли о необходимости организации смешанного банка и открытия в Александрии представительства советских внешнеторговых организаций¹. Вскоре правление Аркоса получило согласие египетского правительства на учреждение в Александрии конторы, она была зарегистрирована как филиал палестинского представительства Аркоса. Сразу же Аркос попытался расширить деловые связи с государственными хозяйственными учреждениями Египта. При его участии в апреле 1924 г. советским внешнеторговым объединением «Экспортуголь» было продано 150 тыс. тонн каменного угля управлению египетской железной дороги². Одной из задач деятельности александрийское представительство Аркоса считало выяснение условий сбыта нефтепродуктов на египетском рынке без посредничества иностранных фирм, им предпринимались попытки обзавестись собственной инсталляцией³.

В марте 1924 г. при Российско-Восточной торговой палате (РВТП) во время подготовки торговой делегации на Ближний Восток состоялись два совещания представителей внешнеторговых и производственных организаций по вопросу о торговле с Египтом. На совещании 7 марта были приняты рекомендации руководителю агентства Аркоса по Египту, Сирии и Палестине Э.С. Гольцману по изучению египетского рынка и выяснению правовых условий оформления советско-египетской торговли⁴. Одно из таких совещаний призвало хозяйственников обеспечить Э. С. Гольцмана перед отъездом в Александрию образцами советской экспортной продукции, материалами об ассортименте и ценах на товары⁵. Однако Э. С. Гольцману не удалось получить разрешение на въезд в Египет, египетские власти отказали предоставить визу члену большевистской партии. Александрийской конторе Аркоса пришлось начать свою работу на египетском рынке без своего постоянного заведующего и даже рядового сотрудника. Лишь по мере накопления коммерческих дел в Александрию

¹ Там же. Оп. 3. Д. 1953. Л. 2.

² РГАЭ. Ф. 3270. Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке. Оп. 3. Д. 32. Л. 26.

³ СССР. Год работы правительства (материалы к отчету за 1926 – 27 бюджетный год). – М., 1927. Оп. 1. Д. 37. Л. 19.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 37. Л. 19-20.

⁵ РГАЭ. Ф. 3342. Всесоюзный синдикат силикатной промышленности «Продасиликат» ВСНХ СССР. Оп. 1. Д. 332. Л. 54, 57, 75.

выезжал из Яффы сотрудник палестинского представительства Аркоса для юридического оформления сделок с местными коммерсантами и фирмами¹. При таких условиях деятельность Аркоса осуществлялась в течении двух лет, не встречая серьезных препятствий со стороны египетского правительства. Однако посредническая буржуазия и местные власти настороженно встречали любую коммерческую сделку Аркоса на египетском рынке, они так и не разрешили Аркосу основать стационарную контору в Александрии. Египетский адвокат писал Э. С. Гольцману: «Египетское правительство несколько не заинтересовано в укреплении торговых отношений с Россией и в увеличении русского промышленного и торгового престижа в Египте»². Прежде всего не были заинтересованы в развитии советско-египетской торговли английские советники, заседавшие в правительственных учреждениях Египта. Как следствие – правительственные круги Египта не располагали реальной властью в своей стране и были не в состоянии противостоять экономическому и политическому давлению английского капитала, а в парламенте Египта заметно окрепла правая вафдистская группировка во главе с премьер-министром Заглулом-пашой, противодействующая установлению каких-либо отношений с социалистическим государством.

Несколько иными были настроения торгово-промышленных кругов Египта. Политический лидер помещиков и посреднической буржуазии Адли-паша в одной из бесед заявил, что «считает целесообразным восстановление торговой связи с СССР», а для этого «необходимо договориться с Советским правительством»³. Немногочисленной торговой буржуазии Египта, пытавшейся утвердиться на национальном рынке, связи с Советским государством могли бы способствовать процессу накопления национального капитала и расширению деловой активности. Среди деловой общественности Египта обсуждался вопрос об установлении отношений с СССР, «если не дипломатических, то хотя бы фактических»⁴. Египетские коммерсанты

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 2. Д. 1964. Л. 107.

² Там же. Оп. 10. Д. 117. Л. 28.

³ РГАЭ. Ф. 3270. Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркос» на Ближнем Востоке. Оп. 4. Д. 4. Л. 68.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4459. Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) при СНК СССР. Оп. 2. Д. 141. Л. 30.

обратились в министерство финансов своей страны с предложением об учреждении специального смешанного общества для торговли с Советским Союзом¹. Вопрос о торговле с СССР стал обсуждаться в парламенте Египта. В пользу развития советско-египетской торговли высказывался министр торговли и промышленности. В своем выступлении он отметил, что препятствия, чинимые в портах страны советским судам и непосредственной торговле под предлогом борьбы с большевизмом, фактически приносят пользу только английским посредникам в Ливерпуле, перепродававшим египетский хлопок советским организациям. По мнению министра, наступило время установления более тесных связей с СССР. Выступление министра было поддержано рядом видных депутатов парламента. На одном из парламентских заседаний депутат Р. Исканед заявил о том, что торговые отношения с СССР «были чрезвычайно выгодными для Египта»². Обращаясь к премьер-министру, сенатор Абдель Азис Радун Бей подчеркнул, что советские закупки могут полностью устранить хлопковый кризис, переживаемый Египтом. Каирская газета «Аль-Ахрам» 8 апреля 1927 г. также призвала развивать непосредственные торговые связи, «ввиду наличия громадных запасов хлопка». Газета писала: «Мы не видим препятствий к продаже нашего хлопка СССР». «Аль-Ахрам» указывала на необходимость предоставления «Текстильимпорту» права учредить свое представительство в Александрии для закупки и сортировки хлопка на египетском рынке. Союз производителей хлопка обратился к правительству с просьбой оказать содействие в организации непосредственной продажи хлопка советским внешне-торговым организациям и обеспечить ее необходимой договорной базой. Члены парламента и коммерсанты протестовали против властей и их покровителей из Лондона, пытавшихся не допустить расширения закупок хлопка СССР на рынке Египта³. Общественность страны высказалась за установление торговых отношений с Советским государством.

¹ РГАЭ. Ф. 4040. Всесоюзное объединение по торговле со странами Востока (Востгосторг). Оп. 3. Д. 407. Л. 30.

² Торговый бюллетень Торгового представительства СССР в Турции. – 1927. – № 5–6. – С. 45–46.

³ РГАЭ. Ф. 4039. Государственная экспортно-импортная торговая контора «Госторг». Оп. 1. Д. 69; Оп. 2. Д. 91.

Под воздействием настоятельных требований общественных и коммерческих организаций своей страны египетское правительство пошло на переговоры с представителями Советского правительства. Во время переговоров в Каире советская сторона предложила для осуществления закупок хлопка в Египте допустить в Александрию представителей «Текстильимпорта» - основной хлопкоимпортирующей организации СССР. Советские предложения были приняты в середине сентября 1927 г. в Александрии была открыта контора «Текстильимпорта»¹. В конце ноября ее представители заключили договор с египетским правительством на приобретение с правительственных складов хлопка для советской текстильной промышленности на сумму до 10 млн рублей, что превышало сумму закупок хлопка через посредничество Англии за весь 1926/27 хозяйственный год².

За 1927/28 хозяйственный год советский импорт из Египта в целом увеличился на 56,3 % и экспорт СССР в Египет – на 68,6 %³. Советский Союз поставлял на египетский рынок каменный уголь, цемент, нефтепродукты, строительный лес, шпалы, продовольственные товары в обмен на египетские поставки в СССР хлопка, шерсти, кожевенного сырья, фруктов и проч. Однако, кроме торговли хлопком, остальной ассортимент товаров зачастую осуществлялся по старинке через посреднические конторы путем заключения частных соглашений по сделкам, так как официальных межгосударственных советско-египетских отношений так и не было налажено. Английские чиновники и советники, посредническая буржуазия самого Египта стремились не допустить каких-либо контактов египтян с представителями социалистического государства. За каждым русским в Египте устанавливалась слежка. Для этих целей в Каире, Александрии и Порт-Саиде действовали специальные «русские бюро», комплектовавшиеся за счет белоэмигрантских антисоветских элементов, враждебно настроенных по отношению ко всему советскому. Внося на рассмотрение правительства проект по их созданию, представитель министерства внутренних дел недвусмысленно заявил, что такие бюро «нужны для

¹ Документы внешней политики СССР. Т. X. 1 января – 31 декабря 1927 г. – М., 1965. – С. 584.

² Страны Востока. Экономический справочник. – М., 1929. – С. 16.

³ Документы внешней политики СССР. Т. XI. 1 января – 31 декабря 1928 г. – М., 1966. – С. 685, 688.

борьбы против коммунистической пропаганды»¹. Фактически эта мера «предосторожности» была направлена на усиление жесткого контроля за пребыванием и деятельностью представителей советских внешнеторговых организаций и торгового флота в Египте, ибо других контактов с Египтом Советскому Союзу пока не удалось установить.

Нормальному развитию торговли и прочих контактов могло бы способствовать урегулирование дипломатических отношений и заключение торгового соглашения между правительствами обеих стран. На протяжении 1920-х годов шел процесс поиска организационных форм торговли между странами с различными общественно-политическими и хозяйственными системами, осуществляющейся в основном без договорно-правовых соглашений, так как торговля России с Египтом регулировалась лишь торговым договором от 28 февраля 1909 г., которым обеспечивались льготные таможенные пошлины, свобода торговли транзита, режим наибольшего благоприятствования² [7, Оп. 3. Д. 1953. Л. 23]. Сформировавшиеся в 1920-х годах основные формы и направления внешнеторговых связей стали исходной базой торгово-экономического сотрудничества в последующее время, что в свою очередь послужит фундаментом установления официальных дипломатических и иных связей между двумя государствами.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4459. Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) при СНК СССР. Оп. 2. Д. 141. Л. 29–30, 36.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР. Оп. 3. Д. 1953. Л. 23.

Глава 3. СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

3.1. Генезис современного правового регулирования в обеспечении прав и свобод личности в Российской Федерации

К ряду величайших достижений человечества без преувеличения можно отнести права человека. Они юридически и нравственно пронизывают и определяют все основные сферы жизнедеятельности людей в цивилизованном обществе. Несмотря на общепризнанность прав человека в целом ряде международных актов и существенный прогресс в их становлении, в XXI веке права человека существуют и реализуются по-прежнему в условиях различных социальных проблем и противоречий, как сохранившихся от предшествующих времен, так и вновь возникающих. Это в полной мере относится и к России.

Можно по различным основаниям судить об отношении того или иного государства к правам и свободам человека и гражданина. Между тем, одним из наиболее ярких показателей такого отношения выступает закрепление прав и свобод в конституции государства, а также реальная практика осуществления соответствующих конституционных норм.

Конституционное закрепление прав личности в России имеет относительно короткую и одновременно сложную и драматическую историю. В строгом смысле слова речь может идти лишь о двадцатом столетии, поскольку к его началу Россия так и не имела конституции. Несмотря на отмену крепостного права и проведение в последующем ряда известных либерально-буржуазных реформ, Россия тогда все еще выступала как абсолютистское государство. Оно характеризовалось сословным делением общества, отсутствием свободы слова, собраний, образования союзов, строгой цензурой над печатью, жестким подавлением инакомыслия, укоренившимся чиновничьим бюрократизмом и т. д.

В российской идеологии не нашли широкого распространения важнейшие принципы, на которых основывалась либеральная концепция прав человека, сформировавшаяся в Европе в XVII–XVIII вв. Речь прежде всего идет о принципе индивидуализма, связанном со

свободой и автономией личности в экономической сфере и сфере частной жизни.

Между тем на рубеже веков в России объективно стали происходить значительные позитивные процессы. Бурно развивался капитализм на фоне становления единого рынка, ускорения промышленного производства, роста производительности труда, укрепления рубля. Интенсифицировалось реформируемое сельское хозяйство. Наблюдался расцвет многих сфер искусства и культуры. В обществе набирали силу идеи народовластия и свободы. Нарастало революционное движение пролетариата.

Самодержавие уже не могло не учитывать сложившиеся реалии. Не случайно появился известный царский Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка»¹. В нем обещалось даровать населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», предоставить «дальнейшее развитие начала общего избирательного права».

Названный документ положил начало регламентации прав личности в России на конституционном уровне. Так, в развитие и конкретизацию Манифеста в таком конституционном акте, как Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г., правам и обязанностям российских подданных отводилась отдельная – вторая глава². Помимо подтверждения вводимых политических свобод в ней, в частности, указывалось, что никто не может быть задержан под стражей иначе, как в случаях, законом определенных (ст. 31); жилище каждого неприкосновенно (ст. 33); каждый российский подданный имеет право избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства (ст. 34); собственность неприкосновенна (ст. 35) и др. За короткий период времени был принят целый ряд нормативных актов, направленных на регламентацию осуществления отдельных прав и свобод. Сюда относятся утвержденные Высочайшими Указами Временные правила о повременных изданиях от 24 ноября 1905 г.³,

¹ См.: СУ. – 1905. – Отд. 1. – Ст. 1658.

² См.: СУ. – 1906. – Отд. 1. – № 98. – Ст. 603.

³ См.: СУ. – 1905. – Отд. 1. – № 226. – Ст. 1879.

Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г.¹, Временные правила о собраниях от 4 марта 1906 г.², Временные правила для неповременной печати от 26 апреля 1906 г.³.

Царизм, в силу своей сущности, не смог осуществить радикальных демократических преобразований стране, обеспечить гарантии провозглашенного правового положения подданных. К тому же, политическую обстановку обострила и первая мировая война, которая, в свою очередь, резко ухудшила социально-экономическое положение страны. Началось мощное наступление реакционных сил. Обнаружилась нестабильность и незавершенность государственно-правовых реформ. Как известно, были распущены (I и II Государственные думы) или проявили бездейственность (III и IV Государственные думы) представительные органы власти. В результате дарованные, октроированные в Основных государственных законах права подданных не получили должного развития и осуществления, часто попирались. Существовавший режим агонизировал.

Февральская революция 1917 г. положила конец самодержавию и дала новый импульс буржуазно-демократическому развитию России. Это соответствующим образом сказалось и на состоянии с правами человека в стране. С одной стороны, они не нашли своего закрепления на конституционном уровне, поскольку конституция Временным правительством как таковая принята не была. Между тем, Временное правительство стремилось к буржуазно-демократическим преобразованиям. В Декларации о составе и задачах правительства от 3 марта 1917 г. провозглашались полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным; свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотружущих; отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; подготовка к созыву Учредительного собрания на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования⁴.

Перечисленные положения конкретизировались соответствующими законами и постановлениями. Так, законодательство о выборах

¹ См.: СУ. – 1906. – Отд. 1. – № 48. – Ст. 308.

² См.: СУ. – 1906. – Отд. 1. – № 48. – Ст. 309.

³ См.: СУ. – 1906. – Отд. 1. – № 107. – Ст. 637.

⁴ См.: Вестник Временного правительства. – № 1 (46) от 5 (18) марта 1917 г.

закрепляло их свободный характер¹. Подвергался либерализации уголовный процесс, другие отрасли права. Вносились элементы гуманизации в деятельность пенитенциарных учреждений (признавалось личное достоинство заключенных, ограничивалось заключение в карцер и пр.).

Временное правительство 1 сентября 1917 г. провозгласило страну республикой. Хотя и далеко не во всем последовательно и решительно, но в России была предпринята попытка становления модели буржуазно-демократического правового государства с присущими ему фундаментальными правами и свободами личности. Неудачный результат не является основанием для отказа в признании этого исторического факта.

Завоевание в октябре 1917 г. власти большевиками повлекло кардинальный поворот в организации всех сторон жизни российского общества, в том числе в сфере прав личности. Началось движение от не успевшего утвердиться буржуазного либерализма к тоталитаризму с соответствующим отражением того в основах правового положения человека.

Следует заметить, что победа и первые годы существования советской власти ознаменовались официальным провозглашением мира, свободы от эксплуатации человека труда, принципов справедливости в отношениях собственности и т. д. Уже первая Конституция РСФСР 1918 г. в качестве ведущего раздела включала «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа»². Устанавливались права на пользование землей, участие в выборах, участие в рабочем контроле; свободы совести, выражения мнений, собраний, митингов, шествий, союзов и др. Права и свободы предоставлялись всем трудящимся независимо от пола, расовой и национальной принадлежности.

Вместе с тем Конституция РСФСР 1918 г. четко определяла сущность Советского государства как государства диктатуры пролетариата, беспощадно подавляющего и уничтожающего противоположные классы и слои. Это предопределяло вводимые в стране принципы правового положения личности, в корне отличавшиеся от естественно-правовых воззрений на права и свободы индивида. Они рас-

¹ См.: Положение о выборах в Учредительное собрание от июля-сентября 1917 г. // СУ Временного правительства. – 1917. – № 169. – Ст. 915; – № 251. – Ст. 1801.

² См.: СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.

сма тривались не как естественные и неотчуждаемые, а как получаемые от пролетарского государства и как отнимаемые им же у отдельных лиц или групп, если права «используются в ущерб интересам социалистической революции» (ст. 23 Конституции).

В стране асолютизировалась материальная, социально-классовая обусловленность прав и свобод граждан на фоне провозглашения верховенства общественных, государственных ценностей и интересов над индивидуальными. Не случайно Основной Закон РСФСР 1918 г. обходил молчанием сферу личной свободы индивида (неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки и т. д.). Законодательство того времени широко оперировало принципиально различающимися правоспособность людей понятиями: «граждане», «трудящиеся», «рабочие и беднейшее крестьянство», «буржуазия», «паразитические слои общества» и т. п. В частности, большевистская власть официально лишала избирательных прав «эксплуататоров», к которым относились лица, использующие наемный труд, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы, священнослужители и др.

В. И. Ленин характеризовал социалистическую (революционную) законность как одно из важнейших средств решения задач социалистического строительства, хозяйственного и культурного развития страны. Он требовал «соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми»¹; рассматривал организацию неуклонного проведения в жизнь постановлений Советской власти как «условие полной победы советского типа государства»². Законным считалось то, что служило диктатуре пролетариата, ее политике, вплоть до открытых репрессий против «врагов революции». «Плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона», - говорил В.И. Ленин³. Среди массы обнародованных на сей счет фактов характерны ленинские директивы: типа направленной 11 августа 1918 г. пензенским коммунистам — о необходимости «повесить (непременно повесить), дабы народ видел, не менее 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц», «отнять у них весь хлеб», «назначить заложников» и др. (ЦПА ИМЛ,

¹ Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 39 – С.155.

² Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 278.

³ Ленин, В. И. Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 504.

ф. 2, оп. 1, д. 6898)¹; наподобие письма В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г., где давалось указание о принудительном изъятии церковных ценностей «с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок», о том, что «чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»². И хотя такого рода крайности постепенно становились достоянием истории, классовые интересы оставались определяющими для законности.

Последующие годы, характеризовались в области правового статуса личности, реализации основных прав и свобод личности позитивными сдвигами. В периода НЭПа, хоть и ограниченно и без конституционного закрепления, но фактически восстановилось право частной собственности, расширилась свобода передвижения, появилась частная торговля, утверждался восьмичасовой рабочий день и др. Однако набирали силу и негативные явления (установление цензуры печати, разгон казачества и др.). Нельзя не упомянуть, что к массовому попранию элементарных прав человека, включая в РСФСР конституционно провозглашенные, к неисчислимым страданиям людей привела развязанная после октябрьского большевистского переворота гражданская война.

Тогда же появилась, сложившаяся в последующем на десятилетия, теория и практика отказа большевистской власти от приверженности своей же Конституции, от закрепленных в ней правах граждан, иных законов. В. И. Ленин, с одной стороны, требовал «соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми»; а с другой – утверждал, что «плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона»³. Характерно ленинское письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г., где давалось указание о принудительном изъятии церковных ценностей «с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок», о том, что «чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся

¹ Цит. по: Яковлев, А.Н. Банкиры и большевики // Известия. – 1996. – 22 мая.

² Ленин, В.И. Полн. собр. соч. – Т. 39 – С. 155.

³ Ленин, В.И. Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 504.

нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»¹. И это на фоне провозглашенной конституционной свободы вероисповедания. Классовые интересы и политическое усмотрение власти становилось определяющим для реализации и защиты прав и свобод граждан.

Конституция СССР 1936 г. (Конституция РСФСР 1937 г. и конституции всех советских республик фактически были ее зеркальными отражениями) формально устраняла юридические ограничения прав отдельных категорий лиц². К тому же закреплялась система социально-экономических прав граждан с определенными гарантиями: на труд с обеспечением работой (ст. 118), на отдых с установлением семичасового рабочего дня (ст. 119), на материальное обеспечение в старости и болезни с бесплатной медицинской помощью (ст. 120) и т. д. Само по себе это явилось фактором большого значения, оказавшим определенное влияние на дальнейшее становление прав «второго поколения» в других государствах и на международном уровне, на упрочение социальной функции государства.

Однако в сталинском Основном Законе по-прежнему речь шла не о правах человека вообще, а о правах «советского человека», предоставляемых ему властью, об их поднадзорной реализации, в частности политических свобод слова, печати, собраний, демонстраций лишь «в целях укрепления социалистического строя» (ст. 125 Конституции СССР 1936 г.). В итоге политические и личные права и свободы граждан тоталитарным режимом попросту попирались. Выдвигаемые же на передний план по значимости социально-экономические права полностью исключали частную собственность и нередко имели символическую, крайне ограниченную материальную обеспеченность. Яркий пример: осуществление права граждан СССР на труд с гарантированной оплатой их труда (ст. 118 Конституции СССР 1936 г.) многие годы «обеспечивалось» колхозникам в виде начисления «трудодней», а не заработной платы.

Получало «теоретическое и практическое развитие» конституционное положение о «врагах народа». Речь шла о лицах, покушающихся на «общественную, социалистическую собственность» (ст. 131 Конституции СССР 1936 г.) и т. д. Сталинская административно-командная система развязала против своего народа широкомасштаб-

¹ Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 4. – С. 193.

² См.: Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 6 декабря 1936 г. – № 283.

ные жесточайшие репрессии, в результате которых с 1929 г. по 1953 г. в СССР погибли миллионы людей, не говоря уже о неисчислимых страданиях незаконно лишенных свободы, депортированных, раскулаченных и т.д.

После окончания Второй мировой войны начала комплексно складываться советская доктрина прав человека. Особенностей советской доктрины выделяется несколько. Первая заключалась в полном отрицании идеи естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека и их установлении лишь государством. Второе: претензия на превосходство социалистических представлений о правах и свободах, как гарантированных социалистическим обществом, в противовес их, якобы, лишь формальному характеру в условиях капитализма. Третье: утверждение о приоритете социально-экономических прав граждан над личными и политическими. Четвертое: трактовка проблем прав и свобод человека как исключительно внутреннего дела государства, отвергающего международные оценки состояния прав и свобод человека в социалистическом обществе и тем более исключающего международное вмешательство и рассмотрение его как посягательство на суверенитет страны. Пятое: отрицание частной собственности как одной из основ свободы и благополучия человека, отрицание гарантий ее независимости от всевластия государства. Шестое: реализация прав и свобод личности с учетом первостепенности интересов социалистического общества и в рамках «единственно верной» марксистско-ленинской идеологии и политики¹.

В результате официальные представители СССР всегда (за исключением короткого времени перед распадом СССР) стремились отстаивать свое, «социалистическое» видение прав человека на международной арене. Характерен факт, что при принятии в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека Советский Союз воздержался. Выступивший на Генеральной Ассамблее ООН А.Я. Вышинский заявил, что через Декларацию избран «путь абстрактный, усеянный цветами пышной фразеологии ... которая сейчас уже никого не может прель-

¹ Об этом см., например: Бурлацкий, Ф.М. Проблемы прав человека в СССР и России. (1970–80-е и начало 90-х годов). – М., 1999. – С.32 – 33.

стить», что «в СССР ... уже осуществлено то, о чем в проекте Декларации говорится как о высоком идеале»¹.

Последующие после сталинского правления десятилетия отмечены рядом прогрессивных тенденций в области развития прав и свобод граждан. На XX съезде КПСС был развенчан культ личности «вождя народов». Началась массовая реабилитация невинно осужденных. Нормативный потенциал Конституции СССР, конституций входящих в него советских республик, позволил начать упрочение социально-экономических прав рабочих и служащих. Существенно изменилось правовое положение колхозников вследствие установления им пенсий, выдачи паспортов и др. Обновлялось уголовное, гражданское, соответствующее процессуальное законодательство и т. д. Демократизировались нормы, обеспечивающие права личности на неприкосновенность, на обжалование действий должностных лиц, на распоряжение личным имуществом, включая его завещание и др.

Между тем «хрущевская оттепель» характеризовалась крайностями, волюнтаризмом в экономике, политике и других сферах жизни, что не могло отрицательно не сказаться на правах и свободах граждан. Так, советская бюрократия провела очередное наступление против свободы слова, свободы совести и вероисповедания, свободы художественного творчества, права личной собственности крестьян и т. д. Расстрел мирной демонстрации рабочих Новочеркаска в 1962 г. еще раз наглядно продемонстрировал диктаторскую сущность режима, неприятие им реализации гражданами своих конституционных прав и свобод вопреки воли властей.

Несмотря на обострение проблемы прав человека и гражданина в СССР со второй половины 60-х гг., включая преследование инакомыслящих, запрет выезда из страны, следует отметить факт развития международного сотрудничества в области прав человека. Были подписаны (при всем популизме) Международные пакты о правах человека 1966 г. (ратифицированы в 1976 г.), Хельсинкский Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.).

Это не могло не сказаться на содержании принятой в 1977 г. Конституция СССР¹. Она формально закрепляла принципы «уваже-

¹ Вышинский А.Я. Вопросы международного права и международной политики. – М., 1951. – С. 370, 389.

ния прав человека и основных свобод», «добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, из заключенных СССР международных договоров» (ст. 29). Основной Закон СССР (аналогично Основной Закон РСФСР 1978 г.) значительно расширял и демократизировал правовой статус личности. Впервые закреплялись права на труд с возможностью выбора профессии, рода занятий и работы (ст. 40), на жилище (ст. 44), пользование достижениями культуры (ст. 46), участие в управлении государственными и общественными делами (ст. 48), свобода творчества (ст. 47), а также презумпция невиновности (ст. 160). Получили развитие права в сфере личной свободы индивида, включая неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки, защиту чести и достоинства (ст. 54, 55, 56, 57) и др.

С другой стороны, конституционное закрепление КПСС в качестве руководящей и направляющей силы советского общества и ядра его политической системы (ст. 6) предопределяло недопустимость политического и идеологического многообразия. Сосредоточение почти всей собственности на средства производства в руках государства сохраняло принципиальную ограниченность экономических прав граждан с запретом частной собственности, предпринимательства и т. д. Даже в отношении имущества, находящегося в личной собственности или в пользовании граждан, делались оговорки с политическим оттенком: оно не должно было «служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества» (ст. 13 Конституции СССР). По-прежнему реализация прав и свобод гражданами согласно Конституции СССР 1977 г. дозволялась только «в целях коммунистического строительства», «укрепления и развития социалистического строя» (например, ст. 47, 50, 51). Во многом декларативный характер носила зафиксированная в Конституции судебная защита прав граждан (ст. 58), в частности, защита политических прав и свобод.

Примечательно, что в советских конституциях «развитого социализма» так и не было даже формально провозглашено фундаментальное право человека на свободу передвижения и выбора места жительства на территории страны, а также право человека на выезд из страны и въезд в страну. Этому прочно препятствовал паспортный

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

режим с разрешительной процедурой прописки граждан по месту жительства, закрытость границ и т.п.

Почти весь период горбачевской «перестройки социализма», при известной либерализации режима, в законодательстве и на практике власть все еще стремилась соблюдать марксистско-ленинскую концепцию прав личности. Между тем, официальный поворот в конституционной трактовке прав и свобод личности произошел еще в СССР, перед его распадом. Поворот связан с принятием 5 сентября 1991 г. Декларации прав и свобод человека¹ на Внеочередном Съезде народных депутатов СССР, тональность которого во многом определялась низвержением ГКЧП и победой демократических сил в августе 1991 г. Названный документ (ст. 1), в отличие от действовавших тогда союзной и республиканских конституций, основывался на том, что «каждый человек обладает естественными, неотъемлемыми, ненарушимыми правами и свободами».

Между тем советская административно-командная система, несмотря на тенденции ее либерализации, проявила несовместимость с действительно демократической организацией общественной и государственной жизни. СССР прекратил существование. РСФСР стала его правопреемником с исключительно остро стоящими проблемами прав и свобод человека.

В плане правового положения личности страна оказалась на перепутье. И здесь исключительно важную роль в конституционном становлении в России демократических прав и свобод человека сыграла принятая в 1991 г. российская Декларация прав и свобод человека и гражданина². Сегодня о ней вспоминают редко. Как и то, что она с незначительными изменениями была инкорпорирована в обновленный текст действовавшей тогда Конституции РСФСР 1978 г.³ Равно и то, что в результате инкорпорации нормы Основного Закона о правовом положении личности (раздел II) радикально реформировались и стали соответствовать общепризнанным международно-правовым стандартам в области прав человека. Была осуществлена, так называ-

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 37. – Ст. 1083.

² См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.

³ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России. – М., 1993. – С. 12–21.

емая, «мягкая» форма значительного демократического преобразования Конституции.

Принятая в декабре 1993 г. ныне действующая Конституция России стала новым шагом в развитии прав и свобод человека и гражданина в нашей стране. Конституция разрабатывалась в весьма драматических условиях острейшего противоборства законодательной и исполнительной властей. Это не могло не сказаться на характере и содержании многих ее положений. Тем не менее, в своей основе российская Конституция стала важным этапом развития общества. Выступая стержневым началом правовой системы России, она заложила правовые основы реформирования и демократического совершенствования политических, экономических, идеологических отношений.

Принципиальными положениями действующей Конституции Российской Федерации служит то, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, что они должны признаваться, соблюдаться и защищаться государством (ст. 2), что они признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, что права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17). Конституция в главе 2 воплотила в себя все основные нормы о правах человека, зафиксированные в общепризнанных универсальных международно-правовых документах.

Разумеется, статьи Конституции РФ о правовом положении личности не есть зеркальное отражение международных норм о правах человека, как собственно и в других странах. И это понятно. В сегодняшнем многополярном мире едва ли можно найти внутригосударственную правовую систему, которая бы идеально воспроизводила «универсальные» стандарты о правах человека и адекватно бы их гарантировала. Во многих странах сильны особенности политической и экономической жизни, факторы национальной культуры, религии и т.д. В этом заключено одно из противоречий развития прав человека в современном мире: с одной стороны, происходит глобализация всех процессов общественного развития, а с другой стороны, традиционные общества стремятся обеспечить сохранение своих индивидуальных особенностей, своего особого подхода к правам человека, определяемого историей их развития и традициями.

Содержащиеся в Конституции РФ права и свободы человека и гражданина утверждаются как непосредственно действующие, определяющие смысл, содержание и применение законов, деятельность властей, обеспеченные правосудием (ст. 18). В этом заключено одно из коренных отличий современного российского конституционного законодательства о правовом положении личности от советских социалистических конституций, которые, как правило, предполагали дополнительную многоступенчатую нормативную регламентацию осуществления многих основных прав и свобод, что, по сути, вело к их выхолащиванию, декларативности. Признание прав и свобод человека и гражданина непосредственно действующими означает возможность индивида их осуществлять и защищать всеми правомерными способами, напрямую руководствуясь Конституцией и ссылаясь на ее высшую юридическую силу.

Сегодня не утрачивает актуальности вопрос реализации конституционных норм о правах и свободах человека и гражданина. Заслуживает особого внимания проблема развития, обеспечения реализации и защиты прав и свобод в условиях современных экономических, политических, идеологических, правовых, международных процессов, при сохранении особенностей в социально-экономической сфере, политической системе, культуре и т.д. Вопрос, как отмечается в науке, носит, по сути, метафизический характер связанности государства правом, состоит в следовании государства своим обещаниям соблюдать установленные им же нормы¹. И прежде всего это нормы об основных правах человека.

Как известно, реальность конституционно провозглашенных прав и свобод человека и гражданина обуславливается общими экономическими, политическими, духовными и иными гарантиями. Это социально благоприятная для прав человека среда, состоящая, помимо названных гарантий, из элементов общественного и государственного строя. Такими элементами являются демократический режим, социальная и правовая государственность, общее состояние законности, правовая культура и др. Они образуют комплекс базовых условий, который в целом является предпосылкой существования прав и свобод, формирования у человека заинтересованности их осуществ-

¹ См.: Фролова, Е.А. Государство и порядок: из опыта теории и философии права // Государство и право. – № 1. – 2022. – С.46-53.

лении, веры в их защищенность. Ведущая роль здесь неизменно принадлежит государству, призванному обеспечивать реализацию и защиту прав и свобод, что по своим результатам и уровню собственно позволяет считать его правовым и демократическим¹. Изначально гарантом прав и свобод человека и гражданина выступает глава государства – Президент РФ (ч. 1 ст. 80 Конституции РФ). Велика и роль органов законодательной власти, которые создают нормативно-правовую базу для упрочения гарантий реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Однако сами по себе общие позитивные социальные факторы далеко не всегда могут обеспечить полноценное претворение прав и свобод в жизнь, и тем более не могут защищать их от посягательств и нарушений. Как правило, правомочия индивида требуют специальной юридической поддержки. Для этого существуют юридические гарантии, включающие действующие принципы, нормы права, другие правовые явления, а конкретнее говоря, законодательно закрепленные способы (средства, меры), которые призваны непосредственно обеспечивать реализацию и защиту прав и свобод и, в итоге, позволить индивиду обретать лежащие в их основе различные блага, пользоваться и распоряжаться ими.

Юридические гарантии при известной общности объединяющих их в самостоятельный вид признаков, свойств, качеств имеют два больших подразделения: гарантии надлежащего использования прав и свобод, т. е. юридические средства, которые обеспечивают их правомерную реализацию, и гарантии защиты прав и свобод, т. е. юридические средства, противостоящие, противодействующие их нарушениям. По существу такая градация была принята еще в советской юридической науке². Она проявляется на практике и не вызывает принципиальных дискуссий, хотя четкости построения понятийного ряда в данном плане подчас не наблюдается даже в официальных источниках. Так, один только Международный пакт о гражданских и политических правах оперирует в отношении прав терминами: «признание», «обеспечение», «охрана», «защита», «соблюдение», «поощрение».

¹ См.: Жадан, В.Н. О конституционных правах и свободах человека и гражданина в России, их реализации и защите // Юридическая наука. – 2021. – № 2. – 4-11.

² См., например: Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе. – М., 1987. – С. 41-60.

Смещение понятий обеспечения и защиты встречается и в научной литературе, когда, к примеру, утверждается, что «приоритетной функцией судебной власти по обеспечению прав и свобод человека и гражданина является правозащитная функция»¹.

Между тем два основных вышеназванных блока гарантий – обеспечения прав и их защиты (или охраны, что идентично с защитой уже этимологически и разделимо в большей мере искусственно и для практики непродуктивно) в современной отечественной учебной и научной юридической литературе все чаще выделяются достаточно конкретно и содержательно. Ведь оба блока гарантий отражают объективно сложившуюся специфику и отличие позитивно воздействующих на права и свободы личности юридических факторов, воплощаемых, как правило, в разного рода активных действиях правогарантирующих субъектов².

Специальные гарантии обеспечения правомерного использования личностью своих прав нацелены на создание для нее и общества оптимальной социально-правовой среды их реализации и, в отличие от гарантий охраны, непосредственно не связаны с правонарушениями. Сюда, изначально, относится вся правовая система, и прежде всего законодательство, регламентирующее права и свободы личности: их значимость, юридическую силу, содержание, объем, границы использования, процессуальные процедуры осуществления, включая юридические факты, с которыми оно связывается и т. д. В свою очередь, юридические гарантии защиты прав и свобод можно подразделить на внутригосударственные и международные механизмы их защиты.

Путь к юридическому обеспечению прав и свобод человека и гражданина в широком плане открывается с законодательного оформления сущности государства, общественного строя, приверженности демократическим политико-правовым принципам, таким, как правовая государственность, верховенство закона, разделение властей, приоритет личности во взаимоотношениях с государством и т. д. Применительно к России речь идет о конституционном провоз-

¹ Гаврикова, Л.Н. Судебная власть России в обеспечении прав и свобод человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С.17.

² См.: Права человека: учебник. – 2-е изд., перераб. – М., 2009; Витрук, Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении: история, доктрина и практика. Избранные труды (1991-2012 гг.). – М., 2012. – С.118.

глашении ее демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления (ст. 1 Конституции РФ); провозглашении России социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст.7).

Непосредственное обеспечение прав и свобод человека берет начало с самого их признания государством и соответствующей нормативно-правовой регламентации. Определяющим тут является характер и форма регламентации, включая степень имплементации международных актов о правах человека, а также официально придаваемый правам социально-юридический статус. В данном плане принципиально конституционное провозглашение в России прав человека высшей ценностью и присоединение к важнейшим международно-правовым документам о правах человека, признание их приоритета.

Для реализации основных прав и свобод личности существенным фактором является, как уже отмечалось, принцип прямого действия Конституции РФ (ст.15), выстраивающий всю правовую действительность в государстве и являющийся важнейшим фактором гарантированности прав и свобод¹. Права и свободы человека и гражданина обеспечиваются изначально уже тем, что они являются непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст.18 Конституции РФ).

В данном контексте в качестве гарантирующих права и свободы личности обоснованно выделяются принципы соразмерности их ограничений и сохранения их сущностного содержания. Общий смысл обоих принципов состоит в недопустимости выхолащивания, чрезмерного ограничения властью прав и свобод личности, даже по причине возникшей опасности для конституционного строя, прав и за-

¹ См.: Епифанов, И.О. Принцип прямого действия Конституции России как ее важнейшее нормативно-регулятивное свойство // Право и политика. – 2015. – № 6. – С.749; Мецгер, А.А. К вопросу о прямом действии Конституции Российской Федерации // Закон и право. – 2022. – № 1. – С. 77–80.

конных интересов других лиц, правопорядка и др.¹ Это практически весьма значимо для правообладателя в плане адекватного получения благ, лежащих в основе его прав и свобод. Это важно и для прав и свобод, реализация которых, при известных правонарушающих обстоятельствах, не исключает законного применения государством силы и принуждения (запрет несанкционированных митингов, ограничение свободы передвижения, забастовок и т. д.).

Понятно, что признание за индивидом широкого спектра демократических прав и свобод не означает его абсолютной свободы, равно как в своем практическом воплощении права и свободы не могут не иметь разумных границ. Общие положения на сей счет содержатся уже в международно-правовых нормах. Так, в числе критериев законного ограничения прав и свобод Всеобщая декларация прав человека выдвигает должное признание и уважение прав и свобод других, удовлетворение справедливых требований морали, поддержания общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (ст. 29), Пакт о гражданских и политических правах – охрану здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 19, 21) и др.

Конституция Российской Федерации в соответствии с универсальными стандартами установила запрет злоупотребления правами и свободами (ч. 3 ст. 17 Конституции). Допускаются их ограничения в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции). Особо выделена статья о чрезвычайном положении (ст. 56 Конституции), в условиях которого для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя может устанавливаться определенное сужение правовых возможностей личности. Известное сужение прав и свобод наблюдается на основании применения к правонарушителям мер юридической ответственности, особенно уголовной в виде лишения свободы и др. Вместе с тем в отношении целого ряда прав и свобод по закону вообще исключены какие-либо умаления (свобода от пыток, право на защиту через правосудие и др.). Законные же ограничения имеют четкие пределы, не допускающие унижения, властный

¹ Об этом см., например: Егорова, Е.В. Эволюция и современное состояние института ограничений прав и свобод человека и гражданина в России: Автореф.... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону. – 2005.

произвол, причинение человеку неоправданных страданий и лишений. Российская Конституция установила общий запрет любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19). Запрещено издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55 Конституции).

Принципиально и то, что вне чрезвычайного положения нельзя ограничениями затрагивать само существо содержания основных прав и свобод. Об этом нет прямой формулировки в Конституции Российской Федерации, как, скажем, в Основном Законе ФРГ (п. 2 ст. 19), однако в ней есть ряд норм, которые могут аналогичным образом толковаться (ст. 18, ч. 2 ст. 55). На критерии ограничений прав и свобод было обращено внимание Конституционным Судом Российской Федерации. Так, в Постановлении от 30.10. 2003 г. № 15 П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова»¹. Согласно позиции Конституционного Суда (абз. 4 п.3 мотивировочной части Постановления): «ограничения конституционных прав ... должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания...».

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в своем докладе о деятельности за 2021 г. отметил, что первоочередной задачей представляется поиск баланса между частными и публичными интересами при реализации прав в условиях социально-экономических, экологических кризисов, пандемии, возрастания террористических угроз. В этих условиях вводимые государством по необходимости меры противодействия актуальным и потенциальным угрозам человеку и обществу должны быть оправданы защитой конституционных ценностей, пропорциональны и соразмерны степени

¹ См.: Российская газета. – 2003. – № 221. – 31 октября.

опасности, не нарушать основные конституционные права и свободы человека и гражданина и сопровождаться укреплением гарантий прав человека в соответствующих областях жизни¹.

Немаловажную роль в осуществлении прав и свобод личности играет их конкретизация, в частности, пределов (границ) их использования индивидом, а также содержания прав, круга обязанных лиц и принадлежащих им полномочий, и др. В данном случае конкретизация конституционных норм о правах и свободах личности призвана быть средством их адекватного осуществления, а не условием обладания ими. Конкретизация проводится, как правило, нормативно: посредством детализации того или иного права личности, содержащей это право нормой определенного закона, посредством текущего законодательства, а в отдельных редких случаях – путем официального толкования прав. Допускается конкретизация основных прав и свобод личности путем их толкования Конституционным Судом Российской Федерации в рамках его исключительной прерогативы толковать нормы Конституции (ч. 5 ст. 125 Конституции).

Одной из первоначальных позиций конкретизации служит установление субъектов – обладателей права. Российская Конституция (ч. 2 ст. 6) гласит, что каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации.

Субъектом почти всех провозглашенных в главе 2 Конституции Российской Федерации прав и свобод является каждый человек. Это вместе с тем не исключает детализации в законодательстве, а подчас и в самой Конституции, субъектов пользования правами и свободами, к которым могут относиться граждане Российской Федерации, граждане, иностранные граждане, родители, несовершеннолетние, малоимущие, обвиняемые, потерпевшие, нетрудоспособные и т. д. Скажем, право на участие в управлении делами государства принадлежит только гражданам Российской Федерации (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ).

Большое значение имеет нормативно-правовое определение разумных границ, пределов реализации прав и свобод человека и гражданина в демократическом обществе вне зависимости от конкретных

¹ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. // Российская газета. – 2022. – 6 июня.

лиц – правообладателей. Еще в российской Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. указывалось на запрет их использования, согласно признанным международным стандартам, для насильственного изменения конституционного строя, разжигания расовой, национальной, классовой, религиозной ненависти, для пропаганды насилия и войны (ст. 4), что в последующем было отражено по своей сути и в Конституции Российской Федерации (ч.2 ст. 29). При этом общее положение Конституции Российской Федерации таково: осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17).

В юридической науке было обращено внимание и на то, что подчас имеет место косвенное определение конституционных границ реализации прав и свобод личности. Примером тому, когда законодатель говорит о том, что граждане имеют право собираться мирно, без оружия (ст. 31), что владение, пользование и распоряжение природными ресурсами осуществляется свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде (ч.2 ст. 36), и т.п.¹

На недопустимость использования прав и свобод в целях, противоречащих их назначению, имеются прямые указания и в отраслевом российском законодательстве. В частности, в ГК РФ этому специально посвящена ст. 10 «Пределы осуществления гражданских прав»². В ней говорится о запрете действий граждан с намерением причинить вред другому лицу, злоупотребления правом в иных формах, использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции и т. д.

Пути реализации многих прав могут уточняться через ту или иную совокупность конкретизирующих правомочий, их взаимосвязь. Для иллюстрации назовем статью 28 Конституции РФ, включающую в свободу совести и вероисповедания право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Конституционно закрепленная свобода труда (ст. 37) детализируется не только

¹ См.: Лапаева, В.В. Критерии ограничения прав человека и гражданина // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 23.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст.3301.

основными субъективными правами в самой Конституции (возможность выбора рода деятельности и профессии, вознаграждение за труд и др.), но и нормами трудового законодательства в виде различных отраслевых прав, объем реализации которых зависит от профессии работника, трудового стажа, отрасли производства, региона работы и т. д.

Немаловажной для осуществления прав и свобод личности является уточняющая регламентация их содержания, прежде всего объектов, включающих различные блага, законные притязания на которые побуждают человека осуществлять свои права. Некоторые права и свободы, по сути, не требуют развернутой детализации объекта: право на жизнь, на гражданство или его перемену, право определять и указывать свою национальную принадлежность, на пользование родным языком и др. В отношении других по ряду объективных причин это вполне логично или даже необходимо. Так, Конституция, провозглашая право частной собственности в целом (ст. 35), особо выделяет в качестве объекта названного права землю (ч. 1 ст. 36). Право на благоприятную окружающую среду (ст. 42) будет представлять собой обоснованную и правильную, но лишь декларацию, без специальных экологических норм состояния воздуха, воды, почвы и пр.

Близок по смыслу и такой способ обеспечения реализации прав и свобод человека и гражданина, как прямое указание в законе на конкретные материально-финансовые, организационные и иные ее гарантии. К примеру, право на отдых (ч. 5 ст. 37 Конституции) гарантируется оплачиваемым ежегодным отпуском; жилище, согласно праву на него (ч. 1 ст. 40 Конституции), для малоимущих предоставляется бесплатно или за доступную плату из установленных законом жилищных фондов и по предусмотренным им нормам (ч. 3 ст. 40 Конституции); право на охрану здоровья (ч. 1 ст. 41 Конституции) гарантируется бесплатной медицинской помощью в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения. Имеет соответствующее нормативное закрепление финансовая сторона проблемы реализации прав в области материнства и детства, социального обслуживания граждан (размер пенсий, материнского капитала, пособий, льготных выплат и др.).

Вышеназванными юридическими способами правовое обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина не ограничи-

вается. В интересах правомерной реализации в нормативных актах часто делается специальное указание на юридические факты, с которыми обоснованно связана возможность использования субъективного права индивидом, указание на порядок использования, его пути, средства¹. Исключительно значимо определение в законе перечня конкретных лиц, которые должны содействовать реализации прав и свобод посредством исполнения своих функциональных обязанностей, наконец, регламентация последних, т. е. их перечня, надлежащего исполнения.

Как известно, каждое право или свобода личности имеют свой порядок и характер реализации. Реализация некоторых организуется самой личностью, по ее инициативе, вне прямой зависимости от кого бы то ни было. Так осуществляются многие гражданские, политические права и свободы: совести и вероисповедания, мысли и слова и др. Например, в соответствии со ст. 26 Конституции РФ человек вправе самостоятельно определять и указывать национальную принадлежность. Таким образом, в этих случаях закон предоставляет носителю соответствующего права самостоятельно определять порядок его реализации и принимать организационные меры для его осуществления. Конституционно закреплено, что «никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности».

Не исключается и помощь других субъектов по желанию гражданина, например при обращении в коллегия адвокатов, государственные структуры за консультацией по вопросам содержания права (свободы), с просьбой содействовать в его реализации путем составления заявления, проекта договора или же оформить копию документа (диплома, трудовой книжки и т. д.), зафиксировать в паспорте группу крови и резус-фактор.

Наряду с вышеуказанной инициативной формой использования прав и свобод существует процессуально-процедурная, когда закон с той или иной степенью определенности предусматривает регламент их использования. Процессуально-процедурный порядок представляет собой собственно юридическую конструкцию реализации прав. Он

¹ Здесь не берутся в расчет факторы, обуславливающие характеристику личности как субъекта права вообще, в первую очередь правосубъектность (возраст, вменяемость и др.).

обычно предполагает согласованность активных действий правообладателя и обязанных субъектов, четкую нормативную фиксированность этих действий по форме, методам, средствам, времени, месту осуществления и т. д. Согласованность действий субъектов задана прежде всего через систему юридических фактов, юридических (фактических) составов, которые вызывают указанные действия, а также сами ими порождаются. Одновременно могут регламентироваться и организационные мероприятия (уведомить лицо о решении, выдать документ и др.). К примеру, трудовое правоотношение возникает на основании юридического состава, в который, помимо достижения гражданином установленного законом возраста, получения им профессиональной подготовки, наличия вакансии и др., обычно входят: его официальное письменное волеизъявление, заключение трудового соглашения, приказ руководителя о назначении на должность. Характерно указание в Гражданском кодексе РФ на форму совершения ряда сделок в рамках реализации гражданином права собственности, когда требуется нотариальное удостоверение сделки (ст. 163) или ее государственная регистрация (ст. 164), что, в свою очередь, является обязанностью нотариуса или учреждения юстиции.

Некоторые нормативные акты непосредственно нацелены на подробную регламентацию процедур осуществления основных прав и свобод человека и гражданина, как, например, Федеральный закон 15.08.1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»¹, Федеральный закон от 02.05. 2006 г. № 114-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»². И, следует заметить, что отсутствие четкой процедурной упорядоченности реализации прав личности, когда это объективно обусловлено, не может не ослаблять их гарантированность. Данная проблема не теряет своей актуальности и сегодня.

Особое значение имеет процессуально-процедурный порядок реализации прав личности, который включает в себя вынесение теми или иными компетентными органами правоприменительных актов регистрационного, разрешительного, уведомительного, удостоверяюще-

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 34. – Ст. 4029.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

го и иного характера. В принципе акты призваны создать условия правильной, беспрепятственной, безопасной, а, следовательно, при необходимости контролируемой реализации прав личности. Такой порядок должен всегда быть законодательно четко регламентирован. Он служит действенным гарантом правореализации при его обоснованности, целесообразности, эффективности, удобстве, ясности (решение о назначении пенсии, регистрация брака, и т. д.). С другой стороны процессуально-процедурный порядок может быть и препятствием реализации прав граждан, если он устанавливается недемократической властью в ее же интересах. Примером тому недавнее прошлое нашей страны – разрешительные порядки реализации права выбора гражданами места жительства, выезда за границу, создания общественных и религиозных объединений, выпуска печатных изданий и т. д. И поныне остается актуальным вопрос обоснованности и законности правоприменения, административного усмотрения в процессе реализации прав человека.

Здесь следует подчеркнуть, что реально демократическое государство не должно быть заинтересовано в искусственном усложнении использования индивидом своих прав. Применение правовых норм и установление юридических процедур их реализации необходимо в отношении тех прав, осуществление которых объективно не может носить произвольный характер, быть юридически бесконтрольным. В первую очередь это права, в основе которых лежат существенные блага материально-имущественного плана и пользование которыми, как правило, означает одновременное распределение фондов потребления (ресурсов) между правообладателями (право на жилище, собственности на землю, на труд и вознаграждение за него, на социальное обеспечение и т. д.).

Как правило, не остается без внимания государства и реализация прав, опосредующих хотя и не материальные, но весьма существенные для человека социальные блага и индивидуальные ценности и одновременно не безразличные для общества в целом (право на вступление в брак, на получение высшего образования, на интеллектуальную собственность, на медицинскую, особенно стационарную помощь и т. д.). Так, создавая особый регистрационный порядок заключения брака, государство имеет цель выявить добровольное согласие будущих супругов, удостовериться в достижении ими брачно-

го возраста, исключить возможность многоженства, пресечь иные злоупотребления правом.

Правоприменительная деятельность компетентных субъектов имеет большое значение при реализации прав личности, когда затрагиваются интересы не только ее одной, но и многих других людей, подчас всего общества, когда возникает потребность сочетания и взаимной согласованности этих интересов, когда безответственное поведение индивида может повлечь неблагоприятные последствия. Так, вынесение соответствующих решений является непременным условием для осуществления избирательных прав, права на получение гражданства, на объединение и др. Задачами поддержания правопорядка, личной и общественной безопасности обусловлено требование соблюдения специальных юридических процедур вывоза из страны антикварных произведений искусства, приобретения оружия, получения права на управление транспортным средством и др.

Следует заметить, что универсальных, равнозначных процедур реализации прав человека нет даже в демократических странах. Разнятся сами акты правоприменения в процессе реализации, либо они могут быть не предусмотрены законом вообще. В любом случае права и свободы личности, их реализация зависят от объективных условий: от уровня социально-экономического развития страны, который позволяет обеспечить жизненно важные человеческие потребности и интересы; от политической системы и политического режима; от уровня культуры, нравственности, традиций общества и т.д.

В обществе, нацеленным на совершенствование реализации прав и свобод личности, вышеназванный порядок не является навсегда заданным. Он должен совершенствоваться с целью максимального благоприятствования реализации тех или иных прав граждан с учетом объективной необходимости как сохранения в принципе определенного порядка реализации, так и отказа от него. Характерен здесь Федеральный закон от 26.05.2021 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Им вводятся юридические основания и порядок назначения пенсий в беззаявительном порядке, которые устанавливаются по предложению органов службы занятости, а также страховых и социальных пенсий по

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 22. – Ст. 3688.

инвалидности. Предусмотрен отказ от необходимости подачи заявлений и документов для совершения действий, направленных на реализацию прав граждан, связанных с пенсионным обеспечением. Закрепляется также предполагаемое согласие индивида на назначение пенсии и изменение ее размера в сторону увеличения.

Что касается непосредственно защиты (охраны) прав и свобод человека и гражданина, то потребность возникает, как правило, в случаях их нарушений (или реальной угрозы таковой), будь то вынесение препятствующих их осуществлению неправомерных юридических актов, необоснованный отказ в признании за лицом права, неисполнение кем-либо юридической обязанности как коррелята права и прочее, включая открытые посягательства на жизнь, здоровье, собственность человека и т. д.

Защита прав и свобод человека и гражданина основывается на международно-признанном и конституционно закрепленном праве каждого человека на правовую защиту (ст. 26 Международного Пакта о гражданских и политических правах; ст. 45 Конституции РФ). Как известно, право человека на правовую защиту – это основное субъективное право человека, которое дает возможность ему самостоятельно, а также с помощью государственных, общественных и международных организаций гарантировать исполнимость и реальность своих прав и свобод.

Защита прав и свобод начинается с базового нормотворческого определения наказуемых посягательств на них, а также основных принципов и возможностей правовой защиты в государстве, включая общегосударственные обязательства, главные ее способы, допустимые пределы. Важнейшая роль здесь принадлежит Конституции, закрепившей приверженность России соответствующим международным стандартам, согласно которым права человека необходимо охранять «властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения» (преамбула Всеобщей декларации прав человека). Конституция подчеркивает равенство всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19); закрепляет соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина как обязанность государства (ст. 2); не допускает применения затрагивающих права и свободы нормативно-правовых актов, если они не опубликованы официально для всеобщего сведе-

ния (ч. 3 ст. 15); провозглашает гарантированность государственной защиты прав и свобод и возможность каждого защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом (ч. 1, 2 ст. 45) и др. В отраслевом законодательстве развиваются, конкретизируются, дополняются многие положения. Так, характерна нацеленность на обеспечение безопасности личности в целом и, в значительной части, на защиту прав и свобод личности, норм Уголовного кодекса Российской Федерации¹, определяющего ряд посягательств на них как преступные с вытекающими отсюда последствиями. Одновременно Кодекс регламентирует правомерность самозащиты через понятия необходимой обороны (ст. 37), крайней необходимости (ст. 39), регламентирует правомерность причинения вреда лицу, задерживаемому за совершение преступления (ст. 38), в том числе и против личности и ее прав и т. д.

В широком плане гарантии защиты прав и свобод личности можно определять уже через развитость демократического института ответственности государства перед своими гражданами за нарушение их прав и свобод². Действующая Конституция Российской Федерации подтвердила приверженность этой аксиоме правовой государственности, установив не только охрану законом прав потерпевших от злоупотреблений властью (ст. 52), но и вообще право каждого на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53). Названный институт включает в себя целый комплекс необходимых гарантирующих мер сугубо охранительного характера и некоторых обеспечивающих мер, нередко в совокупности: имущественные компенсации, акты моральной реабилитации, наказание виновных, установление льготных режимов для пострадавших и т. д. Как известно, вопрос сегодня состоит в должной реализации института ответственности государства, что осложняется проблемами ее материально-финансового обеспечения, бюрократизации соответствующих процедур и др.

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Подробнее см., например: Общая теория прав человека. – М., 1996. – С. 297 – 301.

В перечень наиболее распространенных основных гарантий непосредственно охраны прав и свобод человека и гражданина входят: выявление фактов нарушений прав и свобод; средства их восстановления; меры юридической ответственности; меры пресечения действий, нарушающих права и свободы или создающих тому угрозу; процессуальные формы (процедуры) защиты прав и свобод. Иногда выделяются узкопрофильные способы защиты прав, в частности, предусмотренные Гражданским кодексом РФ (ст. 12): путем признания оспоримой сделки недействительной, прекращения или изменения правоотношения и др. В большинстве случаев те или иные способы используются в различных комбинациях. Примечательно, что поскольку нарушение или прочие посягательства на субъективное право в принципе могут иметь место в любой стадии его реализации, постольку необходимость в его охране может возникнуть в любой момент, а затем реализация продолжается в обычном порядке.

На защиту прав и свобод личности в значительной мере нацелена судебная власть, которая осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного и уголовного судопроизводства. На защиту прав и свобод направлены контрольно-надзорные функции прокуратуры, многих органов власти и управления. Этому непосредственно подчинена деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. На достижение указанной цели направлена в своей основе деятельность Следственного комитета РФ, оперативно-розыскная, следственная деятельность органов внутренних дел, т. е. раскрытие и расследование преступлений, посягающих на права и свободы граждан. Иллюстративна тут и такая функция органов юстиции, как регистрация с целью контроля за соответствием закону, соответственно и правам человека, ведомственных нормативных актов, регулирующих права и законные интересы граждан. Отдельные контрольные задачи выполняют президентские структуры: Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека¹.

В контексте защиты прав и свобод человека и гражданина речь может идти в деятельности профсоюзов, различных общественных объединений, правозащитных организаций, средств массовой инфор-

¹ Собрание законодательства РФ. – 2011. - № 6. - Ст. 852.

мации и др. В частности, определенный вклад в правозащитную деятельность вносит Общественная палата Российской Федерации, созданная и действующая на основании Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»¹. Своей деятельностью она обеспечивает взаимодействие граждан с федеральными и региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод, прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных, региональных и местных органов исполнительной власти (ст. 1 названного Закона).

Восстановление нарушенных прав и свобод личности осуществляется, как правило, посредством: признания за лицом права (свободы), в чем ему было незаконно отказано; отмены или признания недействительными неправомερных, как нормативных, так и индивидуальных юридических актов властных субъектов; возложения обязанности возместить причиненный ущерб, а также устранить препятствия, помешавшие осуществлению субъективного права; присуждения или иного властного предписания к исполнению невыполненной обязанности; возврата имущества собственнику; опровержения сведений, порочащих честь и достоинство, и др.

В деле восстановления прав и свобод человека и гражданина ведущая роль безусловно принадлежит суду. Его решения позволяют не только удовлетворять законные интересы лиц, чьи права нарушены, но и утверждать правовые начала государственности, справедливость, режим демократической законности и правопорядка.

Примечательно, что Конституция (ч. 2, ч. 4 ст. 125) наделяет специальный орган правосудия – Конституционный Суд Российской Федерации полномочиями решать дела о соответствии Конституции Российской Федерации законов и иных нормативных актов, проверять конституционность, т.е. по существу законность применяемых законов и их положений. Характерно в данном плане вынесенное Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 15 июля 2022 г. № 32 – П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в

¹ Собрание законодательства РФ. – 2005. - № 15. - Ст. 1277.

связи с жалобой гражданина А. А. Подакова». Дело в том, что в последние годы сложилась основанная на законе достаточно массовая порочная практика заключения руководителями образовательных организаций высшего образования с профессорско-преподавательским составом и научными работниками трудовых контрактов на срок до одного года включительно.

Конституционный Суд РФ указал на то, что основанная на ч. 1 ст. 332 ТК РФ и ч. 8 ст. 332 ТК РФ практика заключения краткосрочных трудовых договоров не способствует повышению престижа педагогической работы в образовательных организациях высшего образования и подобная ситуация не может быть признана допустимой в контексте конституционных предписаний о справедливости, равенстве, верховенстве закона, правовом и социальном государстве, в котором одним из необходимых условий обеспечения достойной жизни и свободного развития человека является стабильная занятость, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, а также гарантируется уважение человека труда и самого труда.

В итоге, согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 15 июля 2022 г. № 32 – П (п.1) части первая и восьмая статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее преамбуле, статьям 4 (часть 2), 7 (часть 1), 15 (части 1 и 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 37 (части 1 и 5), 44 (часть 1), 55 (часть 3), 75 (часть 5) и 75.1, в той мере, в какой они допускают произвольное определение работодателем срока трудового договора, заключаемого по итогам конкурса на замещение должности педагогического работника, относящегося к профессорско-преподавательскому составу, в организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, а также произвольное определение срока, на который продлевается действие срочного трудового договора при избрании работника по конкурсу на замещение ранее занимаемой им должности, притом что выполняемая по этому договору работа является для работника основной. Правозащитный характер решения Конституционного Суда РФ здесь очевиден.

Меры юридической ответственности – это наиболее жесткая реакция государства на факты нарушений прав и свобод личности, посягательств на них. Для преступившего закон лица появляются негативные последствия в виде изъятий определенных благ и т. п. Этому всегда предшествует точная юридическая квалификация деяний правонарушителя и его официальное осуждение, т. е. признание виновным и подлежащим наказанию. Лишения либо ограничения штрафного характера бывают нацелены как на личность правонарушителя (лишение свободы, запрет занимать должность, увольнение, выговор и др.), так и на соответствующее имущество (конфискация, штраф, взыскание неустойки и пр.). Иными словами, меры юридической ответственности за нарушения прав и свобод личности — это определенные виды санкций, в данном случае – наказаний (иногда в совокупности с компенсационными мерами), предусмотренные различными отраслями права (уголовным, гражданским, административным и др.) сообразно тяжести и виду содеянного.

Среди гарантий защиты прав и свобод личности специфическое место занимают специальные принудительно-пресекающие меры. Отдельные из них, включая меры пресечения, входят в уголовно-процессуальную сферу: задержание, арест, подписка о невыезде, залог, обыск, наложение ареста на имущество и т. д. Другие входят в административно-правовую (например, отстранение от управления транспортным средством лица в состоянии алкогольного опьянения), дисциплинарно-правовую (например, отстранение от работы лица за нарушение определенных правил ее производства), гражданско-правовую (например, наложение ареста на имущество должника) и т. д. Подчас принудительные меры имеют характер силового (при необходимости – даже с применением оружия, специальных средств и т. д.) прекращения противоправных действий, нацелены на обеспечение последующей защиты нарушенных прав и свобод личности путем их восстановления, возмещения ущерба и наказания виновных.

В своей основе все меры по защите (охране) прав и свобод личности, особенно предусмотренные санкциями правовых норм, применяются в установленном законом порядке. Четкая юридическая регламентация такого порядка, строгое следование ему есть надежная

гарантия законности и эффективности защиты прав и свобод¹. Не случайно уже сама Конституция Российской Федерации устанавливает ряд гражданских прав процессуального толка. По сути это фундаментальные права-принципы, права-гарантии, на которых строятся правосудные процедуры и которые крайне значимы для защиты личности в охранительных правоотношениях: рассмотрение дел согласно закону в порядке подсудности и с участием присяжных заседателей (ст. 47); гарантированность каждому юридической помощи, включая адвокатскую с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ст. 48); презумпция невиновности, отсутствие обязанности доказывать свою невиновность, толкование неустранимых сомнений в виновности лица в пользу обвиняемого (ст. 49) и т. д.

Понятно, в случае нарушения тех или иных прав каждому человеку дозволено защищать их самому разнообразными, не запрещенными законом способами, включая самозащиту. Однако чаще всего гражданам приходится официально обращаться в компетентные органы. Отсюда, в широком смысле, классическая юридическая процедура защиты прав и свобод человека и гражданина неизменно включает волеизъявление потерпевшего (возможна инициатива компетентного субъекта – суда, прокуратуры и др.), вынесение решающего дела акта правоприменения и при необходимости его дальнейшее практическое исполнение. Иногда могут быть нормативно установлены и требования к подаче гражданином заявления о том или ином факте нарушения его прав (уплата государственной пошлины, соблюдение иерархии инстанции, правильное оформление документов и др.). К примеру, как обратиться с индивидуальной жалобой в Конституционный Суд, детально определено в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» (гл. 5)². Важней-

¹ В ряде стран мира формула «защита прав человека через процедуры» является неотъемлемым условием конституционности соответствующих решений государственных органов. Об этом см., например: Ледах, И.А., Воробьев, О.В., Колесова, Н.С. Механизмы защиты прав и свобод граждан // Права человека: проблемы и перспективы. – М., 1990. – С. 144–147.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

шим правовым средством защиты человеком своих прав и свобод в рассматриваемом контексте является жалоба¹.

Главное все же в том, что почти всегда законодательно урегулирована процедура самой правоохранительной деятельности государственных органов, их должностных лиц. Так, если человек обратился в суд за защитой своего права вся дальнейшая деятельность суда будет осуществляться по установленному процессуально-правовому регламенту, открытому для ознакомления любыми заинтересованными лицами. Это, кстати, одно из подтверждений, что правосудие есть наиболее эффективная и демократическая форма защиты прав и свобод человека и гражданина.

Помимо собственно юридических гарантий обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина немаловажную роль играют гарантирующие права и свободы организационно-технические средства.

В рассматриваемом контексте выделяются меры государства по внедрению в жизнь искусственного интеллекта. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, выступая на Петербургском международном юридическом форуме 2019 г. по проблемам права в цифровом мире, отмечал, что мир сегодня стремительно меняется. Мы живем во времена цифровой революции. Речь идет не только о доступе к использованию компьютеров и иных электронных устройств, доступе к коммуникационным сетям, но также об основаниях, формах и пределах применения информационных технологий в деятельности соответствующих субъектов права. Наступило время конкретизации прав и свобод человека и гражданина применительно к цифровой реальности².

Сегодня процессы цифровизации стали носить всеобъемлющий характер и активно внедряются в самые различные стороны жизни общества, включая решение задач социальной сферы. В качестве иллюстрации можно привезти последовательную цифровизацию в сфере оказания медицинской помощи населению. Так, получили широкое развитие Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ), а также телемедицина согласно Федераль-

¹ См.: Косолапов, А.В. Жалоба как правовое средство (Общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2016.

² См.: Российская газета. (Столичный выпуск). – 2019. – № 115. (7578).

ному закону от 21 ноября 2011 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, а также Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ².

Примечателен в рассматриваемом контексте и Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. Он устанавливает, что исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы в электронном виде могут быть поданы в суд посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», либо иной информационной системы.

Безусловно, для реализации отдельных прав граждан современные цифровые технологии очень полезны и стратегически важны. Тем не менее, вовлечение граждан в цифровую среду сегодня имеет и ряд проблем, в особенности в плане безопасности. Не случайно в Конституции Российской Федерации, относительно реалий информатизации (цифровизации), появилась специальная конституционная поправка 2020 г., закрепляющая то, что в ведении Российской Федерации находится «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» (п. «м» ст. 71).

Несмотря на официальную приверженность Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина в соответствии с высокими международно-правовыми стандартами, сегодня сохраняются весьма серьезные вопросы с их реализацией. Права и свободы еще не во всем обрели должных гарантий, особенно в социально-экономической сфере. Одна из проблем состоит в том, что современной России пока не удалось должным образом реализовать себя в качестве правового и социального государства, какими она именуется в Конституции России.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31. – Ст. 4791.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 1 (часть I). – Ст. 9.

Прошедшие почти 30 лет со дня принятия 12 декабря 1993 г. действующей Конституции Российской Федерации дают серьезную пищу для осмысления проблем и перспектив развития конституционно-правового статуса личности в нашей стране. Ведь по существу тогда начался новейший этап конституционной истории современной России.

Так или иначе, но Конституция Российской Федерации – важнейшее достижение постсоветского развития общества. Надо заметить, что, будучи принятой в условиях переходного этапа развития страны, Конституция 1993 г. отличается тем, что ее отдельные положения носят отчасти декларативный характер и фиксируют отчасти принципы, цели, чем существующие реальности. Речь идет как бы об эффекте опережающего действия Конституции в плане признания России правовым, социальным государством, призванным служить обществу и людям, всесторонне гарантировать права и свободы человека и гражданина. Возможно, что ее создатели не учли проблем последующего радикального общественного переустройства государства, сложности и противодействия на новом пути развития России. Тем не менее, авторитет действующей российской Конституции призван работать на то, чтобы обеспечивать продвижение государства к намеченным высоким демократическим, экономическим и духовным целям, чему непосредственно дают импульс закрепленные в ней основные права и свободы человека и гражданина.

3.2. Письма и распоряжения в современном механизме правового регулирования

Правовое регулирование осуществляется с помощью различных средств юридической техники, важное место среди которых занимают правовые акты. Чаще всего правовые акты определяются как документально оформленная в установленном порядке совокупность юридических предписаний, выражающая волю субъекта (субъектов) права, направленная на регулирование общественных отношений и влекущая определенные юридические и иные социальные последствия¹.

¹ Никитин, С.В. Проблемы судебного оспаривания дефектных правовых актов, содержащих интерпретационные нормы / С.В. Никитин // Российское правосудие. – 2016. – № 3. – С. 44.

Согласно части 1 статьи 1 Закона г. Москвы «О правовых актах города Москвы» «Правовые акты города Москвы - официальные документы, принятые жителями города Москвы на референдумах города Москвы, принятые (изданные) органами государственной власти города Москвы (должностными лицами города Москвы), содержащие положения нормативного характера и (или) индивидуального действия и направленные на регулирование общественных отношений»¹.

Иными словами, правовой акт в юридической науке и законодательстве это определенный документ. Вместе с тем и этимологически и юридически правовой акт - это не только, и не столько, документ, а более обширное явление. Так, в справочной литературе *акт* (от лат. *actus* - действие) - это единичное действие, а также поступок, проявление действий; официальный документ, который констатирует произошедшее действие². Кроме того, юридический акт - это разновидность юридических фактов-действий, т.е. конкретных жизненных обстоятельств с которыми нормы права связывают установление, изменение и прекращение правоотношений³.

Следовательно, понимание правового акта как документа не совсем точно, к тому же, текст правовых норм – дефиниций некоторых законов служит зримым подтверждением данного умозаключения. Например, в пункте 1 статьи 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», фиксируется понятие муниципального правового акта, где прямо указывается, что данный акт - это прежде всего, решение, которое документально оформлено, устанавливает либо изменяет общеобязательные правила или имеет индивидуальный характер⁴. В целом,

¹ Ч.1 ст.1. Закона г. Москвы от 8 июля 2009 года № 25 «О правовых актах города Москвы» (с изменениями на 19 мая 2021 года)// URL: <https://docs.cntd.ru/document/3711954> (обращение к ресурсу:30.11.2022).

²Акт//https://www.google.com/search?q=%D0%B0%D0%BA%D1%82+%D1%8D%D1%82%D0%BE&rlz=1C1GCEB_enRU931RU931&oq=%D0%B0%D0%BA%D1%82+%D1%8D%D1%82%D0%BE&aqs=chrome..69i57j0i512l8.8840j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (обращение к ресурсу 01.11.2022).

³ Исаков, В.Б. Юридические факты // Теория государства и права. – М.: Юрайт, 2013 // <https://www.hse.ru/data/2014/03/25/1339764675/2013.pdf> (обращение к ресурсу: 30.11.2022)

⁴ П.2 Ст. 2 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2021) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 01.11.2022).

неоднозначность в понимании правовых актов порождает коллизионность юридической оценки различных форм правовых актов, с точки зрения их содержания.

Приведенные примеры определений понятий правовых актов, сложившаяся доктрина и юридическая практика подразделяет правовые акты по содержанию на две большие группы: нормативные правовые акты и ненормативные правовые акты. Формы правовых актов многообразны, начиная от законов до различным писем, распоряжений, указаний. Однако, отнесение этих форм к нормативным или ненормативным актам неоднозначно и в теории и практике их реализации.

Концепция разграничения нормативных и ненормативных форм правовых актов закреплена в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации», где постулируется, что нормативные правовые акты издаются в виде постановлений, приказов, правил, инструкций и положений. Здесь указывается, что издание нормативных правовых актов в виде писем, распоряжений и телеграмм не допускается¹.

Думается, что нормативное установление указанного акта прямо направлено на регулирование форм и содержания различных правовых актов, тем не менее, практика правового регулирования с помощью правовых актов не столь однозначна. Представленная норма постановления Правительства в качестве правовых актов фактически признает письма распоряжения и телеграммы, но при этом устанавливает запрет на издание данных актов с нормативным содержанием. На практике, не все так однозначно, например, нормативные формы правовых актов иногда становятся ненормативными, так, в 90-е годы прошлого века был принят ряд ненормативных законов, которые регулировали материальное обеспечение и медицинское обслуживание отдельных семей погибших депутатов². Но чаще, распространена иная тенденция, когда у некоторых перечисленных ненормативных

¹ П.2 Постановления Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 18.03.2021) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 01.12.2022).

² Виды правовых актов // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22473/3724b262cdcaf0f23addb19391b41ee38e1dfe09/ (обращение к ресурсу: 30.11.2022.)

форм правовых актов проявляется нормативное содержание. Например, своим письмом Минтруда России от 15.03.2021 № 14-5/10/П-1949 устанавливает формы сбора информации о заработной плате работников бюджетной сферы, а также закрепляет Инструкцию по заполнению формы сбора информации о заработной плате работников государственных и муниципальных учреждений. Согласно данному письму и устанавливаемая форма и инструкция по ее заполнению осуществляются во исполнение поручений Президента Российской Федерации от 8 марта 2021 г. № Пр-366, Правительства Российской Федерации по пункту 1 раздела XIII протокола заседания Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2021 г. № 3, от 4 марта 2021 г. № ТГ-П45-2608 и от 12 марта 2021 г. № ТГ-П45-2980¹.

Ссылка на исполнение предписаний высших органов государственной власти, тем не менее, не означает, что рассматриваемое письмо Минтруда является ненормативным правовым актом. Как показывает анализ содержания данного письма Минтруда РФ, оно содержит признаки нормативного правового акта.

Во-первых, устанавливая форму сбора информации - это разновидность определенного стандарта, меры, т.е. нормы, правила поведения, обязательного для адресата.

Во-вторых, содержащаяся в письме инструкция, сама по себе, это система правил².

Нормативное содержание имеет и Письмо Минтруда России от 29.12.2020 № 18-2/10/В-12837 содержащее «Методические рекомендации по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2021 году (за отчетный 2020 год)». И, хотя, в данном письме содержится указание на то, что данные Методические рекомендации, не являются нормативным правовым актом Российской Федерации. Тем не менее, в разделе 1 указыва-

¹ <Письмо> Минтруда России от 15.03.2021 № 14-5/10/П-1949 <О направлении формы сбора информации о заработной плате работников бюджетной сферы> (вместе с «Инструкцией по заполнению формы сбора информации о заработной плате работников государственных и муниципальных учреждений») // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 30.11.2022).

² П.2 Постановления Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 18.03.2021) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 01.12.2022).

ется на то, что представление сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера является обязанностью соответствующего лица, предусмотренной антикоррупционным законодательством¹. Дело в том, что установление обязанности следовать определенному типу поведения есть – правило, норма, наряду с уполномочивающими и запрещающими нормами права.

Письмом Минобрнауки РФ от 01.10.2002 № 31ю-31нн-40/31-09 «О Методических рекомендациях по заключению договоров для оказания платных образовательных услуг в сфере образования также устанавливается норма – обязывание: «исполнитель обязан до заключения договора предоставить заказчику достоверную информацию о себе и оказываемых образовательной деятельности и дополнительных образовательных услугах»².

Письмо Роспотребнадзора от 31.03.2020 № 02/5550-2020-32 «О разъяснении распоряжения Правительства Российской Федерации от 27.03.2020 № 762-р», не смотря на название, фактически устанавливает правило поведения общеобязательного характера: «режим нерабочих дней не распространяется на работников организаций, обеспечивающих население продуктами питания и товарами первой необходимости»³.

Распоряжения и другие формы правовых актов, официально относимых к ненормативным правовым актам, так же достаточно часто в своем содержании содержат не только ненормативные, но и нормативные предписания. Так, Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2016 № 2867-р утверждается норма о форме представления сведений о адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых государственным гражданским служащим или муниципальным служащим, гражд-

¹ Письмо Минтруда России от 29.12.2020 № 18-2/10/В-12837 «Методические рекомендации по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2021 году (за отчетный 2020 год)».

² Письмо Минобрнауки РФ от 01.10.2002 № 31ю-31нн-40/31-09 «О Методических рекомендациях по заключению договоров для оказания платных образовательных услуг в сфере образования» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 01.12.2022).

³ Письмо Роспотребнадзора от 31.03.2020 № 02/5550-2020-32 «О разъяснении распоряжения Правительства Российской Федерации от 27.03.2020 № 762-р» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 01.12.2022).

данином Российской Федерации, претендующим на замещение должности государственной гражданской службы Российской Федерации или муниципальной службы, размещались общедоступная информация, а также данные, позволяющие его идентифицировать¹.

Распоряжение Минтранса России от 14.03.2008 № АМ-23-р (ред. от 20.09.2018) уже самом названии содержит указание на нормативную составляющую данного правового акта который нормы расхода топлива и смазочных материалов на автомобильном транспорте².

В целом, как видно из представленных примеров, письма и распоряжения, официально не признаваемые законодательством в качестве нормативных форм правовых актов на практике, реально содержат элементы нормативно-правовых предписаний. Указанные обстоятельства (в виде коллизии нормативных установлений и реальной практики существования и юридической реализации писем, распоряжений и некоторых других правовых актов), породили возникновение существенного количества разнообразных юридических споров о законности и нормативной реализуемости данных актов.

В целях, эффективного и адекватного урегулирования данных споров Пленум Верховного Суда РФ издал специальное постановление³, в котором определяет, что в не зависимости от названия акта его признание нормативным правовым зависит от его содержания.

В качестве неотъемлемых свойств нормативных правовых актов Пленум ВС РФ устанавливает: а) нормативный правовой акт должен издаваться только органами, обладающими соответствующей компе-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2016 № 2867-р «Об утверждении формы представления сведений о адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых государственным гражданским служащим или муниципальным служащим, гражданином Российской Федерации, претендующим на замещение должности государственной гражданской службы Российской Федерации или муниципальной службы, размещались общедоступная информация, а также данные, позволяющие его идентифицировать» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 01.12.2022).

² Распоряжение Минтранса России от 14.03.2008 № АМ-23-р (ред. от 20.09.2018) «О введении в действие методических рекомендаций «Нормы расхода топлив и смазочных материалов на автомобильном транспорте»» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 01.12.2022).

³ П.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 01.12.2022).

тенцией (органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом); б) содержать в себе правила поведения; в) эти нормы должны быть обязательны для относительно неопределенного круга лиц; г) рассчитаны на неоднократное применение, д) направлены на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений¹.

Следовательно, согласно интерпретации Пленума Верховного Суда РФ, главной отличительной чертой правового акта выступают его сущностные свойства, а не наименование. Наименование правового акта – это, только информационная ориентация субъектов правоотношений, относительно формы правового акта, но в рассматриваемой ситуации форма не всегда соответствует определенному содержанию, следовательно, требуется дополнительный контент-анализ правового акта, для его адекватной реализации, либо официальная корректировка наименования.

В целом, проведенное исследование позволило сформулировать некоторые умозаключения и предложения.

Во-первых, письма и распоряжения государственных и иных органов (организаций) должностных лиц, наделенных нормативно-властными, государственно-властными полномочиями, являются правовыми актами, могут выражаться в нормативной правовой и ненормативной правовой формах.

Во-вторых, официальный статус, писем и распоряжений, установленный Постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 18.03.2021) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» не всегда подтверждается практикой правового регулирования.

В-третьих, требуется регулятивные установления на уровне Федерального закона или, как минимум, Указа Президента РФ, или Постановления Правительства РФ, закрепляющих позиции о форме и содержании и видах правовых актов в Российской Федерации. В данных актах, необходимо установить исчерпывающий перечень нормативных и ненормативных правовых актов которому должны следовать все субъекты, издающие данные акты. Представляется, что со-

¹ Там же. П. 2.

временное Постановление Правительства от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 18.03.2021), с одной стороны не подкрепляется практикой его реализации¹, с другой стороны, данное постановление не охватывает все существующие и действующие формы (в том числе и нормативные) правовых актов. Например, в указанном постановлении, никак не отражены существующие и успешно применяющиеся в практике правового регулирования такие нормативные правовые акты как «указания». Так, Указание Банка России от 11.03.2014 № 3210-У (ред. от 05.10.2020) «О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства» устанавливает порядок ведения кассовых операций с банкнотами и монетой Банка России на территории Российской Федерации².

Таким образом, на данном этапе развития правового регулирования в Российской Федерации правовые акты, в том числе письма, распоряжения и другие правовые акты, адресованные подведомственным субъектам правоотношений, вне зависимости от наименования актов, могут обладать как нормативными, так и ненормативными юридическими свойствами.

3.3. Правовое регулирование – мыслимая абстракция

Право – это основной инструмент регулирования поведения людей взаимоотношений между ними. Данный инструмент представляет собой объективированные в правовых актах мыслимые образы стандартов поведения в общественных отношениях, конструируемые пуб-

¹ Конечно, можно было бы воздействовать на органы должностные лица, нарушающие данное постановление - путем отмены их правовых актов, опираясь на постановление. Тем не менее, существующая судебная практика не всегда идет по этому пути. См., например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 01.12.2021).

² Указание Банка России от 11.03.2014 № 3210-У (ред. от 05.10.2020) «О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.05.2014 № 32404) // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 30.11.2021).

личной властью. Мыслимые конструкции, выраженные в правовых актах, не всегда совпадают с реальностью не только потенциально, но и реально, например, в статьях 67 ГПК РФ¹, 84КАС РФ², 71 АПК РФ³, закрепляется обязанность правоприменителей с одной стороны, объективно и полно оценивать доказательства по юридическому делу, с другой стороны закон предоставляет возможность оценивать эти доказательства на основании правосознания правоприменителя. Иными словами, представленная мыслимая конструкция, отраженная в правовых нормах, не реализуема в реальности, в принципе, т.к. субъект не может дать объективную оценку доказательствам, это за пределами его возможностей. Следовательно, исконное значение термина «право», обозначавшее в русском языке справедливость и правду⁴, вовсе не означает истинной реальности объективно существующей, независимо от субъектов общественных отношений. Данный термин, даже изначально, отражал субъективную правду и справедливость, не обязательно, истинную картину мира общественных отношений. Пришедшая с Запада, концепция прав человека, также отражает субъективную реальность, т.к. права принадлежат субъекту правоотношений, и производны не от природы человека, а от конструируемого образа дозволений, исходящих от государства и закрепленных в праве.

Право не может быть естественным, т.к. оно субъективное явление, порождение второй сигнальной системы – языка. Появление и существование человека объективно, в этом смысле право, как мыслимая конструкция воздействует через язык на мозг и является средством ограничения реальности для упорядочения общественных отношений и управления обществом в целом. Право создает мыслимую модель реальности дозволяя, запрещая или обязывая субъектов правоотношений совершать либо воздерживаться от совершения каких-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 18.02.2022).

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 13.01.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 18.02.2022).

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 18.02.2022).

⁴ Виноградов, В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М., 1999. – 1138 с. URL: <http://wordhist.narod.ru/pravo.html> (обращение к ресурсу: 20.01.2022).

либо действий. При это право, основанное на второй сигнальной системе, позволяет государству моделировать объективную реальность через призму субъективного ее восприятия.

Следовательно, право, как особый, выраженный в соответствующих акта субъективный, мыслимый инструмент, используемый государством для оценки поведения индивидов, как средство планирования необходимого поведения участников общественных отношений и обеспечения выживания человечества. Иногда, чтобы стабилизировать общественные отношения публичная власть с помощью права создает модель права которая, не только с точки зрения объективной реальности ее искажает, но и сточки зрения субъективной правы является заведомой неправдой, например, глава 30 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации¹, а также статья 45 Гражданского кодекса Российской Федерации², которые закрепляют процедуры признания и объявления гражданина умершим.

Иногда государство с помощью права создает мыслимые конструкции, которые объективно не истинны, но являются субъективной правдой в перспективе. Так, в Конституции Российской Федерации смоделирована мыслимая конструкция о том, что наша страна является демократическим правовым государством³. Представляется, что с позиции объективной реальности данная конструкция неистинна, т.к. даже в самой Конституции, далее, закрепляется еще ряд не истинных конструкций, далеких от реальности. Например, в статье 20 Конституции РФ закреплено право на жизнь, где постулируется, что каждый имеет право на жизнь⁴, думается, что эта нома далека от объективности. Во-первых, право, принадлежащее субъекту, обеспечивается должным поведением обязанных лиц, в нашем случае – это госу-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 21.01.2022).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 21.01.2022).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 21.01.2022).

⁴ Ст. 20 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 18.02.2022).

дарство, в лице соответствующих органов. Тем не менее, как представляется, государство не в силах обеспечить объективное явление - жизнь субъективным средством - правом, т.к. человек физически подвержен болезням и смерти. Во-вторых, момент начала реализации субъективного права – это вступление правового акта в юридическую силу, известно, что ныне действующая Конституция Российской Федерации вступила в юридическую силу 12 декабря 1993, следовательно, формально-юридически право на жизнь у лица появляется только с указанной даты, получается, что лица, рожденные 1993 года, не имели права жить!?

Промысленная государством не истинная правовая правда, выступает как символ перспективы развития государства и правового регулирования. Например, в п.2 статьи 1 ФЗ «О полиции» фиксируется мыслимая правовая правда: «Полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств»¹.

Даная правовая правда неистинна, во-первых, полиция физически не может прийти на помощь каждому. Во-вторых, чтобы прийти на помощь полиция должна получить заявление и соответствующим образом его оформить, поэтому «незамедлительно» - это лишь, потенциальное желание законодателя, выраженное в законе. В-третьих, даже статистика, и заявления высших должностных лиц, призванных противодействовать преступности свидетельствует о правовой неправде данной нормы².

Не истинная правда в праве, может является результатом технико-юридических ошибок. Например, ч.1 статьи 15 Конституции Российской Федерации, декларируется, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации³. Прямое действие в юридической теории означает непосредственную реализацию

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.08.2021) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 21.09.2021).

² Краснов: раскрываемость в 2020-м снизилась до 52%. Среди причин генпрокурор назвал неэффективность первичного расследования и задержки с приемом заявлений о преступлениях. // <https://pravo.ru/news/231205/> (обращение к ресурсу: 21.09.2021).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 21.09.2021).

законодательства в форме соблюдения, исполнения и исполнения. Применение – это особая опосредованная правоприменителями форма реализации законодательства. Без конкретизации норм конституции в правореализующих актах их действие в основном невозможно прямо и непосредственно можно соблюдать только запреты!

В целом, законодательство, как форма объективации мыслимой реальности, устанавливаемой государством, является эффективным инструментом противодействия правовой неправде, т.е. – лжи¹. Не один десяток федеральных и региональных нормативных правовых актов посвящен противодействию лжи². В указанных правовых актах ложь трактуется как противоправная неправда, с которой государство борется. Например, заведомо ложный донос о совершении преступления (ст.306 УК РФ), заведомо ложные показания (ст.307 УК РФ)³, распространение заведомо ложных сведений (клевета) (ст.5.61.1. КоАП РФ)⁴, ложные сведения п.3 ст.5 ФЗ «О рекламе»⁵, и др.

Как видно, из приведенных примеров, правовая неправда в форме лжи, является, как правило, противозаконной, от которой предпри-

¹ Ложь – это «намеренное искажение истины, неправда». Ложь // Oxford Languages. URL: https://www.google.com/search?q=%D0%9B%D0%BE%D0%B6%D1%8C+%D1%8D%D1%82%D0%BE&rlz=1C1GCEB_enRU931RU931&oq=%D0%9B%D0%BE%D0%B6%D1%8C+%D1%8D%D1%82%D0%BE&aqs=chrome..69i57j0i512j69i59j0i512l7.3224j1j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (Обращение к ресурсу: 27.01.2022)

²См, например: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) (Статья 207); Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (ст.129); Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) (ст.160); Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (Ст. 176. Предупреждение свидетеля об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний); Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) (С. 17.9.); Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст.17), и др.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021 // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 21.09.2021).

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 21.10.2022).

⁵ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 21.10.2022).

сывается воздерживаться под угрозой юридической ответственности. Однако, в отдельных случаях, в механизм формируемой мыслимой реальности, конструируемой государством с помощью права включается и некоторые виды правовой неправды, которые служат средством обеспечения защиты личности от произвола государства и его должностных лиц. Например, согласно статье 51 Конституции Российской Федерации: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом»¹. К близким родственникам, согласно действующему законодательству Российской Федерации относятся: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки². Иными словами, перечисленные категории лиц имеют право на правовую неправду в форме возможного искажения истины от истинной картины мира и правовой правды для защиты и самозащиты от преследования со стороны государства, и эта неправда имеет и правомерный характер.

В целом юридический анализ воплощения мыслимой реальности в право и формирование правовой правды свидетельствует о следующих обстоятельствах.

Во-первых, необходимо отметить субъективное отражение объективной реальности в праве выступает субъективной правдой законодателя, за которым «стоит» государство.

Во-вторых, право – представляет собой сумму формально выраженных в законодательстве мыслимых образов стандартов поведения в общественных отношениях, конструируемые публичной властью.

В-третьих, мыслимые конструкции, выраженные в правовых актах, не всегда совпадают с объективной реальностью, но являются субъективной правдой публичной власти, имеющей позитивное значение для обеспечения правоотношений.

В-четвертых, позитивная не истина, отраженная в праве, выступает юридической правдой.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 05.10.2022).

² П.4 ст.5 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 05.10.2022).

В-пятых, с точки зрения, не истинности мыслимой правды, закрепленной в законодательстве, представляется, что концепция естественного права не соответствует реальности. Право не может быть естественным, т.к. оно субъективное явление, порождение второй сигнальной системы – языка.

В-шестых, мыслимая реальность, в виде правды, выраженной в праве, представляет собой алгоритмы поведения, необходимого, с точки зрения государства, поведения, а также правовая правда призвана блокировать правовую неправду, т.е. субъективную не истину - ложь.

В-седьмых, мыслимая правда, выраженная в законодательстве не тождественная объективной истине, в целом, явление необходимое для поддержания и совершенствования правового регулирования общественных отношений. Тем не менее, чрезмерная насыщенность законодательства элементами правовой не истины, даже допускаемой законом и социально-позитивной направленности может оказывать на действующую систему правового регулирования дестабилизирующее влияние.

Таким образом, с учетом изложенных умозаключений можно резюмировать, что право – это мыслимая реальность государством, не всегда отражающее объективную истину, но всегда является субъективной правдой, необходимой для обеспечения поддержания выживания человечества.

3.4. Проблемы правового регулирования обязанностей в организации выборов и реализации избирательных прав

Выборы – инструмент согласования воли большинства населения того, или иного государства в отношении формирования органов власти. Избирательный процесс выступает как система правоотношений, складывающийся по поводу формирования государственной власти и местного самоуправления. Выборы должностных лиц в системе государственного управления, правотворчества и реализации законодательства выступает в качестве субъективного права – граждан, участвующих в избирательном процессе. Как и всякое субъективное право в правоотношениях уравнивается юридическими обязанностями различных участников избирательного процесса.

Субъективные активные и пассивные избирательные права, установлены Конституцией Российской Федерации, согласно пункту 2, ст. 32 «Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме»¹. Широко представлены правовые нормы, закрепляющие избирательные права в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и иных правовых актах о выборах². Тем не менее, обязанности в избирательных правоотношениях, в Конституции РФ не закреплены вообще, а в отраслевом законодательстве представлены весьма неоднозначно и слабо. Например, в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» прямо термин «обязанность» закреплен лишь нескольких нормах, например, в плане возможного возложения обязанности судом на Центральную избирательную комиссию сформировать в десятидневный срок со дня вступления в силу решения суда временную избирательную комиссию³.

Данная ситуация, обуславливает необходимость «проявлять» избирательные юридические обязанности участников избирательных правоотношений. Для того, чтобы грамотно «проявить» избирательные обязанности, целесообразно обратиться к сущности юридической обязанности и способах ее реализации.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL:<http://www.consultant.ru/СПС> «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу 12.06.2022).

² Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; Федеральный закон от 10.01.2003 N 19-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О выборах Президента Российской Федерации»; Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», и др.//URL:<http://www.consultant.ru/СПС> «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу 12.06.2022).

³ П.9. ст. 10 Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» //URL: <http://www.consultant.ru/СПС> «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу 14.06.2022).

В общей теории право юридическая обязанность определяется как установленный законодательством масштаб необходимого (должного) поведения субъекта правоотношения¹.

В содержании юридической обязанности можно выделить несколько вариантов ее внешнего выражения. Прежде всего, юридическая обязанность проявляется в необходимости совершать определенные действия, предусмотренные законом или договором, например, передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п. (ч.1 ст.307 ГК РФ)². Кроме того, данный масштаб (мера) предполагает необходимость воздержаться от определенных действий, а также сюда входит и необходимость претерпевать юридическую ответственность и иные меры государственного принуждения³.

Как видим, даже из общей теории права, следует, что юридическая обязанность охватывает комплекс деяний (действий или бездействий), которые в законодательстве необязательно прямо обозначаются термином «обязанность», иными словами, юридическую обязанность (помимо прямого указания), следует проявлять из контекста свойств правовых норм и особенностей их реализации.

В юридической науке общеизвестны формы реализации законодательства: соблюдение, исполнение, использование и применение правовых норм. Исходя из понятия, обозначаемого термином «обязанность», как - то, что подлежит безусловному выполнению кем-либо⁴, обязанность должна реализоваться в форме исполнения, вместе с тем, как следует из теории права, юридическая обязанность значительно шире. Согласно теории права, юридическая обязанность может реализоваться как форме исполнения в виде активной обязанности, так и в форме соблюдения, воздержания от действий, запрещенных законом, т.е. в виде пассивной юридической обязанности. Данные формы юридической обязанности можно обозначить как пози-

¹ Элементарные начала общей теории права. Юридическая обязанность. URL: https://elementary_law.academic.ru/ (обращение к ресурсу: 14.07.2022).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) //URL: <http://www.consultant.ru/СПС> «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу 14.06.2022).

³ Теория государства и права: учебно-практич. пособие /под ред. Р.Б. Головкина, С.А. Софоновой. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С.329.

⁴ Обязанность. Толковый словарь Ушакова. // Д.Н. Ушаков. 1935-1940// URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/897510> (обращение к ресурсу: 12.07.2022).

тивные юридические обязанности. Наряду с позитивными формами юридической обязанности выделяется и негативные обязанности, связанные с необходимостью претерпевать лишения государственно-властного характера за совершенное правонарушение.

Опираясь на краткий теоретический анализ юридических обязанностей применительно к избирательным обязанностям, можно сказать, что избирательные обязанности сформулированы в законодательстве, в основном, как позитивные, но большинство из них необходимо проявлять, в отличие от избирательных прав.

Рассмотрим какие избирательные обязанности можно проявить на основе исследования ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Конструктивно законодатель использует несколько приемов юридической техники.

Прежде всего, это *прямое терминологическое обязывание*, когда прямо используется термины «обязанность», «обязаны», и т.д. В качестве примера можно привести уже упоминавшийся П.9. ст. 10, где прямо устанавливается обязанность ЦИК сформировать временную избирательную комиссию, а также п.4. статьи 9 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (67-ФЗ), где установлено, что Комиссии обязаны в пределах своей компетенции рассматривать поступившие к ним в период избирательной кампании, кампании референдума обращения о нарушении закона, проводить проверки по этим обращениям и давать лицам ответы¹.

Однако, как уже отмечалось, прямой способ фиксации избирательных обязанностей не характерен для законодательства о выборах, поэтому анализируем возможные варианты закрепления рассматриваемой обязанности.

С точки зрения юриспруденции и русского языка, обязанность может возлагаться на участников правоотношений. Данный способ применяется в рассматриваемом законе, например, в 24 ст.2 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в рефе-

¹ п.4. статьи 9; П. 9. ст. 10 Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru> / СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу 14.06.2022).

рендуме граждан Российской Федерации» (67-ФЗ) устанавливается, что на Центральную избирательную комиссию *возложено* руководство деятельностью всех избирательных комиссий по подготовке и проведению соответствующих выборов¹. Иными словами, руководство деятельностью избирательных комиссий – это необходимое поведение ЦИК РФ.

В отдельных случаях, избирательная обязанность конструируется как *обязательность каких-либо действий* субъектов избирательных правоотношений. Например, зафиксированная в законе обязательность проведения выборов (ч.1 ст.9; 67-ФЗ)². Особенностью данной обязанности является то, что она адресно не направлена конкретным субъекта, а априори, предполагается, что данная обязанность касается всех органов государства, на которые возложены обязанности по организации и проведению выборов.

Достаточно распространенный способ изложения избирательных обязанностей в законодательстве, это *констатация каких-либо действий* со стороны организаторов проведения выборов. Например, в статье 21, закрепляющей правовой статус Центральной избирательной комиссии закрепляется объем компетенции данного государственного органа, где констатируется перечень возможных и необходимых действий для реализации выборов. Отсюда можно вывести такие обязанности ЦИК РФ как: осуществлять контроль за соблюдением избирательных прав; обязанности по организации разработки нормативов технологического оборудования, необходимого для голосования; обязанности по обеспечению реализации мероприятий, связанных с подготовкой избирательного процесса, и т.д.³

Некоторые обязанности сформулированы с помощью комплексного *метода констатации обязанности, сопряженной с правомочиями некоторых участников избирательного процесса*. Например, название статьи 30 ФЗ-67 выглядит как «Гласность в деятельности комиссий» (констатация обязанности), а в содержании этой статьи закрепляются правомочия участие в работе избирательных комиссий

¹ Там же.

² Там же.

³ Ст.21 Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/СПС> «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу 14.06.2022).

ряда субъектов (члены вышестоящих комиссий, кандидат, либо его уполномоченный представитель по финансовым вопросам или доверенное лицо, и т.д.)¹. В данном случае, правомочия являются отражением обязанности комиссии - допустить до своих заседаний перечисленных в статье субъектов. Таким же образом,

В отдельных случаях законодателем предусмотрены и *пассивные юридические обязанности*. Так, в соответствии с ч.1.статьи 40 ФЗ-67, кандидат при участии в избирательном процессе, обязан воздерживаться от использования преимуществ своего должностного или служебного положения².

В качестве обязанности, в рамках законодательства о выборах, можно рассмотреть и проявляющийся *запрет на неправомерное бездействие*. П. 1.3 статьи 50 ФЗ-67, устанавливающая общие условия проведения предвыборной агитации транслирует избирательным комиссиям и другим участникам организации и проведения выборов обязанность не отказывать избирательному объединению, выдвинувшему кандидатов и (или) список кандидатов, в предоставлении бесплатного эфирного времени, бесплатной печатной площади³.

В целом, как видно уже из представленных примеров, юридическая техника фиксации избирательных обязанностей в законодательстве о выборах многообразна, но следует отметить еще немаловажный способ, который используется не только в отраслевом законодательстве, но и в Конституции РФ, этот способ можно обозначить как «зеркальные обязанности». Как известно, в правоотношениях каждому субъективному праву соответствует юридическая обязанность, направленная на обеспечение данного права. Следовательно, установление Конституцией РФ и другими законами права на участие в выборах, зеркально обуславливают обязанность государства, в лице соответствующих органов и должностных лиц обеспечить указанное субъективное право.

Как видим, из приведенного краткого анализа законодательства о выборах, основанного, преимущественно, на Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» объем избирательных

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

обязанностей достаточно насыщен, но, к сожалению, неочевиден и вызывает трудности в организации и осуществлении избирательного процесса.

В связи с проведенным исследованием предлагаем:

1) Дополнить статью 2 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» пунктом 64, в котором закрепить дефиницию юридических обязанностей участников выборов.

2) Изложить норму дефиниции п.64 ст.2 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», в следующей редакции: *избирательные обязанности - это уставленные законодательством масштабы необходимого проведения участников избирательного процесса, выражающиеся в действии, либо бездействии, которые должны быть направлены на обеспечение реализации избирательных прав и выборов в целом.*

3) Предусмотреть возможность разработки проблемы участия граждан в выборах как элемента избирательного права и, одновременно избирательной обязанности (участие в выборах – обязанность; выбор кандидата – право).

3.5. «Духовные» нормы религии и криминала в механизме правового регулирования

Религия в обществе выделяется коллективным верованием в Бога, веры в сверхъестественное. В любой конфессии существуют закрепленные в религиозных источниках правила поведения, обычаи и обряды, и они являются в обществе частью моральных, правовых и религиозных норм в обществе. Религия на протяжении своего исторического развития прочно закрепилась в повседневной жизни человека, а иногда и решала важные вопросы в его жизнедеятельности.

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу совести и вероисповедания, что является зеркалом «Всеобщей декларации прав человека». Каждый человек вправе исповедовать любую религию или иметь атеистические убеждения. В современном мире религиозные нормы являются составляющей социальных норм. Российская Федерация является многонациональным государством и на ее

территории действуют различные нормы религиозных конфессий. Российские граждане являются православными, мусульманами, буддистами, католиками, иудеями, баптистами, старообрядцами и др. Воздействие на формирование нравов в российском государстве оказывают различные религиозные течения. В связи с этим, необходимо наладить сотрудничество с религиозными конфессиями в сферах: нравственного, патриотического, духовного и культурного воспитания; сохранении культурного и исторического наследия; сохранении позитивной нравственности в обществе; поддержки семьи, материнства, отцовства и детства.

Духовное воспитание является мощным вектором формирования мировоззрения индивида, впоследствии выполняющее оценочно-регулятивную функцию. Религиозные нормы создают модель поведения человека в обществе, формируют позицию индивида для достижения поставленной цели в социуме.

Впервые социальные нормы появились в первобытнообщинном строе, и они были связаны с рассуждениями о позитивном и негативном поведении человека, направленного на свое племя или род. Эти нормы в юридической литературе получили название, такие как традиции, обычаи, нравы, нормы морали и т.д. Впоследствии в научной литературе им было дано общее название «мононормы»¹. Они имели свою нерасчлененность среди социальных норм первобытнообщинного строя. Правила поведения человека были примитивными и являлись привычным выполнением для индивида, поэтому не могли подразделяться на нравы, моральные нормы, религиозные нормы и обычное право.

Индусское право является древнейшей правовой системой и именно там религиозные нормы сыграли важную роль в механизме урегулирования общественных отношений. Индусские религиозные правила поведения полностью регулировали жизнедеятельность в социуме. Эти религиозные правила полностью исключали рациональную оценку сложившихся традиций и обычаев. В историческом развитии религиозные установки поведения индийского народа по мере

¹ Морозова, Л.А. Теория государства и права: Учебник. – М., 2010. – С. 48.

появления классовых отношений в обществе, срастались воедино с нормами права¹.

В мусульманских государствах, так же наблюдается слияние религиозных и правовых норм. Мусульманское право является одной составляющей исламской религии, что так сильно отличает его от других существующих правовых систем в мире. В мусульманском мире свойственно единое возникновение религиозных и правовых установок. В исламской религии установлены истинные направления веры мусульманина и конкретные предписания по поведению верующего «халал» и «харам». Именно это право определяет «правильный путь» верующего исламской религии и имя ему «Шариат». Шариат появился в странах Востока, и представляет собой комплекс религиозных и правовых норм зародившихся в феодальном мусульманском праве². Шариат состоит из нескольких источников Коран (Священная книга всех мусульман мира, переданный Аллахом через его посланника Мухаммада), Сунна (комплекс сообщений о высказываниях, поступках и правил поведения Мухаммада, источник сведений как подобает жить мусульманину), Иджма (единые высказывания и мнения мусульманских ученых разных поколений по проблемному обсуждаемому вопросу), Кияс (применение установленных предписаний Кораном, Сунной, Иджмой к новым случаям). Таким образом, источники мусульманской веры закрепляют истинность веры, правила морали, нравственности и выполнения религиозных обрядов. В настоящее время более 30 стран мира признали ислам государственной религией, и влияние мусульманской религии на формирование нравов в обществе неоспоримо.

Существование и развитие различных религиозных течений напрямую зависит от духовных и психологических потребностей человека. В современном мире роль религии в обществе практически не изменилась в сравнении с историческим прошлым. Хотя большинство государств являются светскими, и существующие конфессии не могут оказывать существенное влияние на политические процессы в стране. Тем не менее, религия оказывает большое влияние на мировоззрение

¹ Теория государства и права: Учебник / Под ред. проф. Г.Н. Манова. – М., 1996. – С. 43.

² Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 1996. – С. 46.

своих прихожан, формируются взгляды на жизнь, убеждения и непосредственно на гражданскую позицию в обществе, что впоследствии скажется на социальных процессах в государстве, в том числе и политических.

Любой религии свойственны следующие функции:

- регулятивная, заключается в установлении правил поведения и моральных норм человека;

- воспитательная, отражает корректировку поведения человека при соблюдении религиозных норм;

- коммуникативная, дает возможность общения верующих друг с другом и Богом;

- утешительная, заключается в тяжелый жизненный период человека найти своего рода утешение в религии.

Религия имеет большое значение в эволюции нравственных регуляторов. Религиозные нормы оказывают серьезное воздействие на формирование духовности и личностных качеств человека, тем самым влияет на социум, через совокупность религиозных установок и ритуалов.

Таким образом, религиозные нормы это обособленная система ценностей, характеризующаяся своей стабильностью и неоспоримостью. Религиозные нормы формируют отношение человека к окружающему миру, тем самым устанавливая в обществе определенные моральные нормы. Благодаря религиозным нормам происходит становление личности, как полноценного члена в обществе.

Криминальная субкультура является особой угрозой для культуры человека в обществе. Элементы преступной субкультуры, внедряются в повседневную жизнь через асоциальное поведение представителей криминального мира в обществе, предпринимаются попытки регулирования складывающихся отношений в социуме, используя нравы присущие преступному обществу. В пенитенциарной системе, нравственные и правовые нормы, постоянно находятся в тесном взаимодействии и регулируют общественные отношения, складывающиеся между субъектами уголовно-исполнительной системы.

Внутреннее содержание права и нравов заключается в обеспечении здоровых условий жизнедеятельности человека – всеобщности, справедливости, свободы, тем самым признавая значимость человеческой личности. Право и нравы осуществляют защиту человеческих

прав и свобод – жизнь, личную неприкосновенность, честь, достоинство, вероисповедание, собственность и др.¹. Учитывая конфликтность права и нравов, эта защита осуществляется на различных уровнях. При урегулировании социальных отношений складывающихся в различных нормативно-ценностных системах, право и нравы, конфликтуя, имеют разные направления².

В современной юридической науке, ученые много раз уделяли внимание непростой и порой даже противоречивой структуре нравственного явления, к тому же оно осуществляет воздействие на другие нормативные системы. Складывающаяся взаимосвязь между правом и нравственными устоями сложна и многогранна, требуя более скрупулезного изучения. В настоящее время исследователи рассматривают различные взгляды на нравы, противоречивость, образующуюся между составляющими элементами их полиструктурной системы, обостряя противоречия во взаимодействии между правом и нравами³.

Внутренний конфликт нравов связан с противоречиями, возникающими в их внутренних подсистемах. Современная жизнь включает в себя различные сферы жизнедеятельности и каждая из них осуществляет внутрисистемное нравственное и моральное регулирование, при помощи вырабатываемых внутренних правил и «кодексов»⁴. В них нравственные устои выражаются конкретно, отклоняясь от общепринятой нормы для более эффективного применения их, и достижения поставленной цели. Примером могут послужить, отношения, возникающие в пенитенциарной системе и регулируемые нравами преступного мира. Именно в этих отношениях, существуют сложные противоречия между правом и нравами.

Нравы присущие преступному обществу, характеризуются жесткими и жестокими правилами. За нарушение правил поведения, принятых в преступном мире, следуют санкции, основанные на физи-

¹ Берковский, В.А., Брагина, Е.А. Проблемы соотношения морали и права: аксиологический аспект // Журнал КАНТ. – Ставрополь. – 2018. – № 2(27). – С. 161 -164.

² Лезьер, В. Коллизии права и морали в западной правовой традиции // Журнал Вестник Московского государственного областного университета. Серия: юриспруденция. – Москва. – 2018. – № 4. – С. 25-36.

³ Головкин, Р.Б. Специфика взаимоотношений права и морали в регулировании общественных отношений в условиях пенитенциарных системы // Журнал Российский следователь. – Москва. – 2005. – № 1. – С. 56-62.

⁴ Савелова Н., Юрьев Д. Первое лицо, единственное число // Новый мир. – 2000. – № 10. – С. 129.

ческом воздействии – убийство, членовредительство, побои. Правила поведения и нормы в криминальном обществе, направлены на сохранение авторитета лидера преступной группировки, характеризующиеся на первый взгляд привлекательными ценностями: «честность», «справедливость», «смелость», «уважение старших», но имея извращенный смысл, прежде всего, искажает общественное сознание, криминализируя общность¹. В молодежной среде активно ведется целенаправленная работа опытными преступными элементами, вербующими в свои группировки новых членов. Пропагандируя аморальные устои в криминальном мире, включающие в себя самые сильные и эффективные нормы права, морали, религии.

Находясь в пенитенциарном учреждении, преступники-рецидивисты ведут довольно сплоченный образ жизни, но выйдя на свободу, могут представлять цинично настроенную личность, готовую пойти на любые меры поведения, результатом которых будет являться личная выгода². Рецидивист готов совершить любые действия для самосохранения и выгодных результатов, вплоть до убийства друга³.

Криминальное сообщество состоит из нескольких группировок, управляемых «авторитетами», каждый из которых преследует свою цель, прежде всего, захват власти в преступном мире. Жизнедеятельность осужденных, в местах лишения свободы, регулируются особенными строгими правилами поведения, основанных на аморальных нравственных нормах, начавших свое формирование с момента существования криминогенной среды⁴. В криминальной субкультуре существуют специфические, жесткие нравы, выражающиеся в виде «тюремных» и «воровских» обычаев и традиций, именуемые на воровском жаргоне «понятиями» и «законами».

¹ Головкин, Р.Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Нижегород. акад. МВД России. – Нижний Новгород, 2005. – 57 с.

² Антонян, Ю.М. Личность преступника: криминологическое исследование / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. – 366 с.

³ Карпец, И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М., 1973. – С. 20.

⁴ Сучкова, Е.А. Влияние криминогенной среды в местах лишения свободы на правосознание осужденных // Журнал Прикладная юридическая психология / Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. – Рязань. – 2011. – № 2. – С. 99-106.

По мнению ученых, в сфере пенитенциарных исследований воровские «понятия» и «законы» - это неписанные правила и нормы поведения в криминальном сообществе, регулирующих бытие в преступном мире и являющихся барьером крайней степени беззакония «беспредела». Все действия совершаемые человеком, прежде всего, направлены на удовлетворение своих потребностей: витальных, социальных и духовных¹.

Все участники преступного сообщества должны придерживаться системы норм криминального мира, т.е. «жить по понятиям». Эти нормы можно классифицировать по отличительным признакам и свойствам на следующие категории:

- нормы-ценности необходимого поведения членов преступного сообщества (запрещающие и позволяющие нормы в криминальном мире);

- коммуникативные нормы (нормы непосредственного контактного общения, употребление в процессе общения «кличек» и воровского жаргона);

- нормы, регулирующие время отдыха (принятие спиртных напитков, участие в азартных играх, употребление наркотиков и др.);

- нормы урегулирующие внутренние разногласия (порядок проведения разборов, воровских сходок);

- нормы – санкции за отступления от принятых норм и правил поведения (приговоры могут быть различными, от избиения до убийства).

Таким образом, в основе нравственного неформального регулирования общественных отношений в преступном мире находятся обычаи и традиции, сформированные в результате исторического развития криминальной субкультуры, неприемлемые в гражданском обществе. Специфическое содержание норм преступного сообщества заключается в воссоздании криминальных субкультурных установок, принципов действия и идеалов, определяющих антисоциальный характер, противостоящих государственным правовым регуляторам.

¹ Мяготин, А.В. К вопросу об определении профессиональной этики // Журнал Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета / Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова». – Саратов, 2006. – № 1(12). – С. 108 – 111.

Глава 4. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

4.1. Процессы дивергенции в современном правовом регулировании России

Современное состояние международных отношений – это обострение экономической и политической борьбы за обладание ресурсами и мировое господство, в целом. В современном мире борьба за сырье, за рынки сбыта приобретает небывалый масштаб, вплоть до военных столкновений между субъектами политики и экономических отношений. Экономическое давление США и стран Запада на Россию. Данное давление проявилось в виде военно-политического противостояния, локализованного на территории Украины, что обусловило применение против Российской Федерации принудительных (ограничительных) мер которые получили распространенное наименование «санкции». Международные юридические механизмы применения ограничительных мер против России были нарушены, что существенно нарушило сложившиеся мировые тенденции в правовом регулировании в виде конвергенции правовых систем и юридических регуляторов.

Концепция складывающейся юридической конвергенции (сближения), позволила проявить и использовать в правом регулировании большое количество позитивных, нейтральных и негативных процессов, протекающих в российской и зарубежной юридической сферах. В теории права под юридической конвергенцией понимается «процесс взаимодействия элементов внутри системы права, права и иных регуляторов отношений в обществе, а также правовых систем различных государств, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов и определенной степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения»¹.

Политические и экономические санкции против России породили процессы противоположные конвергенции – юридическую дивергенцию.

¹ Третьякова, О.Д. Юридическая конвергенция диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Третьякова Ольга Дмитриевна. – Владимир, 2012. – С. 11.

Данный тренд, требует всестороннего теоретико-правового исследования, в целях установления закономерностей данного процесса, его позитивных и негативных свойствах и процессах. В настоящий момент специфика данного явления получила лишь фрагментарное освещение и только в целях более подробного изучения особенностей юридической конвергенции. На наш взгляд, данное явление, формируемое в юридической сфере, нуждается в отдельном комплексном теоретико-правовом освещении, способном максимально целостно охарактеризовать особенности дивергенционных процессов и их влияние на практику правового регулирования.

Можно констатировать, что имеющиеся в юридической литературе изыскания¹ по поводу феномена юридической дивергенции позволяют сложить общее представление о предмете и задать направления исследования. Вместе с тем, отсутствие полноценной научной полемики относительно фундаментальных аспектов темы обуславливает необходимость проведения работы в направлении конкретизации определения понятия явления, а также подробного формулирования его признаков.

Сам термин дивергенция происходит от латинского *divergo* – отклоняться. Универсальность значения термина, определила его широкое распространение как в науке, так и в рамках общественной практики.

Так, например, в фонетике под дивергенцией понимается образование различных фонем из вариантов одной фонемы, возникшее в результате устранения позиционных условий, изначально определивших данную вариативность. В теории эволюции языков дивергенция представляет собой «распад (пра)языка на два и более идиома, обособление языков»². В частности к дивергенционным процессам

¹ См. например: Третьякова, О.Д. Указ. соч., Клочкова, Ю.А. Правовая конвергенция и дивергенция в условиях глобализации: теоретико-методологические аспекты // *Философия права*. 2010. №2; Иванцова, Д.С. Конвергенция и дивергенция - новые транс-термины в российском праве // *Вестник Владимирского юридического института*. – 2013. – № 3. – С. 149-152.

² Варбот, Ж. Ж., Журавлев, А. Ф. *Этимология и история слов русского языка* // *Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии*. – М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 1998. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/etymology_terms/150/%D0%94%D0%B8%D0%B2%D0%B5

специалисты относят постепенный распад индоевропейского праязыка на отдельные языковые группы. Среди языков, образовавшихся в результате данного распада, выделяются, например, русский, украинский и белорусский языки. «В концепции родословного древа дивергентное развитие полагается основным путем образования новых языков»¹.

В биологии дивергенция – это постепенное расхождение признаков у близких групп организмов, обусловленное эволюцией. Данное понятие было введено Ч. Дарвином и позволило объяснить многообразие сортов культурных растений, пород домашних животных и биологических видов². Этот процесс – условие многообразия видов живых организмов на планете Земля. Именно благодаря дивергентным процессам современной науке известно, например, 7 видов оленей: косуля, марал, пятнистый олень, кабарга, лань, лось и олень северный³.

Термин нашел применение и в современной медицине. Так, на сегодняшний день в офтальмологии исследуются абсолютная и относительная дивергенции глаз, которые выражаются в расхождении зрительных осей правого и левого глаза⁴.

Дивергенция в математике - «скалярное поле, характеризующее плотность источников данного векторного поля $a(P)$; обозначение $\operatorname{div} a$. Так, дивергенция поля скоростей в установившемся движении несжимаемой жидкости характеризует интенсивность источника в данной точке»⁵.

[%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F](#) (обращение к ресурсу: 11.11. 2022).

¹ Там же.

² Большой энциклопедический словарь. 2000. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/etymology_terms/150/%D0%94%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F (обращение к ресурсу: 11.11. 2022).

³ Дивергенция – это в биологии. Примеры, определения и особенности. URL: <https://www.syl.ru/article/291195/divergentsiya---eto-v-biologii-primeryi-opredelenie-i-osobennosti> (обращение к ресурсу: 11.11. 2022).

⁴ Дивергенция глаз. Доказательная медицина для всех. URL: [:http://medspecial.ru/wiki/%D0%94%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B7/](http://medspecial.ru/wiki/%D0%94%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B7/) (обращение к ресурсу: 11.11. 2022).

⁵ Большой энциклопедический словарь. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/119138/%D0%94%D0%98%D0%92%D0%95%D0%A>

Термин «дивергенция» также нашел широкое распространение в авиации. В частности дивергенция элементов конструкции летательного аппарата представляет собой потерю статической устойчивости летательного аппарата либо его отдельной части, которая характеризуется состоянием нейтрального равновесия элементов аппарата, возникающих под действием стационарных аэродинамических и упругих сил¹.

В морском деле дивергенция – тоже, что и точка расходимости, которая представляет собой точку в центре антициклона, из которой происходит расхождение линии точек от антициклона².

В географии дивергенция - «расхождение поверхностных морских течений или линий потока воздуха в направлении общего переноса»³.

Термин «дивергенция» был также заимствован социальными науками.

В социологии дивергенция – расхождение признаков изначально сходных социальных общностей, а также «расхождение членов малой группы по отношению к двум ведущим ролям: экспрессивному лидеру, вызывающему наибольшую симпатию и расположение, и инструментальному лидеру, проявляющему наибольшее умение и компетентность в решении групповых задач»⁴.

В политическом словаре дивергенция характеризует явление, связанное с увеличением качественного и количественного разнообразия политических процессов, систем и культур⁵.

0%D0%93%D0%95%D0%9D%D0%A6%D0%98%D0%AF (обращение к ресурсу: 11.11.2022).

¹ Авиация: Энциклопедия. – М.: Большая Российская Энциклопедия. – 1994.

² Самойлов, К. И. Морской словарь. – М.-Л.: Государственное Военно-морское Издательство НКВМФ Союза ССР, 1941.

³ Словарь по географии. 2015. URL: https://geography_ru.academic.ru/2063/%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%86_%D0%B8%D1%8F (обращение к ресурсу: 11.11.2022).

⁴ Энциклопедия социологии. 2009. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/875/%D0%94%D0%98%D0%92%D0%95%D0%A0%D0%93%D0%95%D0%9D%D0%A6%D0%98%D0%AF> (обращение к ресурсу: 11.11.2022).

⁵ Политический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://enc-dic.com/politic/Divergencija-2029.html> (обращение к ресурсу: 11.11.2022).

Термин дивергенция также используется для характеристики отклоняющихся процессов и процессов расхождения, которые представляют интерес для культурологии¹, экономики и менеджмента², исторической науки³, методологии науки⁴, сферы искусства⁵, исследований на стыке различных социальных наук.

Право является социальным институтом, и, следовательно, дивергенционные процессы для него также актуальны, как в целом для функционирования общества. Вместе с тем, правовой сфере свойственны собственные закономерности и особенности, что позволяет говорить о возможности идентификации непосредственно дивергенции права.

В теории права отсутствует дискуссия относительно содержания определения данного понятия. В настоящий момент в юридической литературе под юридической дивергенцией понимается «сложный и многосторонний процесс внутреннего и внешнего взаимодействия элементов права и правовой системы, выраженный в расхождении организации форм права, требований правовых норм, а также частей единых или близких правовых систем общества»⁶.

Широкое этимологическое значение данного термина позволяет использовать его для обобщения целого ряда юридически значимых явлений. Представленное определение в должной мере иллюстрирует многокомпонентность изучаемого процесса, а также разноаспектность свойств его характеризующих. Рассмотрим подробнее свойства юридической дивергенции.

Прежде всего, юридическая дивергенция находит материализацию во взаимодействии права и иных элементов. Это означает, что определяющим признаком юридической дивергенции выступает кон-

¹ Кармазина, Е.В. Проблема дивергенции культуры и социальной системы *URL*: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/3928/07.pdf> (обращение к ресурсу: 11.11. 2022).

² Диденко, Н.И. Анализ конвергенции-дивергенции в развитии демографических процессов в глобальной экономике // Вестник ВУиТ. – 2017. – №4. – С. 1-7.

³ Лепешко, Б. М. Конвергенция или дивергенция методологических систем? // Социально-политические науки. – 2013. – №3. – С. 16-17.

⁴ Там же.

⁵ Дорфман, Л. Дивергентное мышление и дивергентная индивидуальность: ресурсы креативности // Личность, креативность, искусство / Отв. ред. Е.А. Малянов, Н.Н. Захаров, Е.М. Березина, Л.Я. Дорфман, В.М. Петров, К. Мартиндейл. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, Прикамский социальный институт. – 2002. – С. 89-120.

⁶ Третьякова, О.Д. Указ. соч. – С. 11.

кретное и безусловное отношение к категории «взаимодействие». В определении понятия, представленном выше, обозначено, что юридическая дивергенция является процессом взаимодействия. И это бесспорно так. Тем не менее, на наш взгляд внутреннее соотношение «юридической дивергенции» и «взаимодействия» несколько сложнее и объемнее. Так дивергенция может пониматься не только как процесс взаимодействия, но и как сложный комплекс социальных последствий, возникающих под влиянием взаимодействия права и иных социальных и несоциальных элементов, обладающих регулятивным потенциалом. В первом случае юридическая дивергенция – это конкретная материализованная правовая данность (например, факт «декодификации» правового источника, обособление отличного от права социального регулятора). Во втором же случае мы имеем дело со сложным феноменологическим, несколько умозрительным явлением. Такое абстрактное понимание позволяет делать обобщенные выводы, выявлять закономерности, исследовать меру распространения, и пр. И первое, и второе понимание представляют собственную ценность для юридической науки, и в тоже время, нуждаются в применении отличных подходов для исследования и научного описания. В соответствии с распространенной научной традицией можно охарактеризовать данные подходы к пониманию как широкий (явление юридической дивергенции) и, соответственно, узкий (дивергенционно-юридический процесс).

Второй характеризующий признак относится к элементному составу указанного взаимодействия. Иными словами юридическую дивергенцию характеризует специфика «участников» действующих взаимно. Во-первых, это право. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае право следует понимать хотя и не с позиции «экстремального» крайнего нормативизма, но в тоже время достаточно формализовано. То есть в данном случае следует абстрагироваться от юснатуралистических концепций понимания права. Исключение целесообразно только для одной из формы юридической дивергенции, а именно, для расхождения права и закона.

Противоположным «участником» взаимодействия выступает любой другой элемент правовой системы, в том числе и само объективное право, а точнее правовые средства. В теории права под правовой системой понимается «предельно широкая, собирательная кате-

гория, отражающая всю правовую организацию данного общества. Ее можно определить, как совокупность внутренне согласованных и взаимосвязанных юридических средств, с помощью которых государство оказывает нормативное воздействие на общественные отношения»¹.

Среди основных компонентов правовой системы выделяются: объективное право (вся система права), правотворческая, правоприменительная и правоохранительная юридическая практика; правосознание и правовая культура².

Профессор С.С. Алексеев представил более сложную и детализированную структуру компонентов правовой системы, обозначив каждую составляющую в качестве уровня. Автором выделены 5 уровней правовой системы: субъектно-сущностный; интеллектуально-психологический; нормативно-регулятивный; организационно-деятельностный; социально-результативный³.

В целом не оставляет сомнений тот факт, что правовая система является сложной и многоуровневой. Данный факт создает условие для вариативности проявлений юридической дивергенции. То есть вариант материализации дивергенции зависит от тех компонентов правовой системы, которые вступают во взаимодействие, а также от уровня правовой системы, на котором оно объективируется.

Также из содержания анализируемого понятия следует еще один признак юридической дивергенции: сферой ее объективации является правовая система. Несмотря на свою очевидность, данное характеризующее свойство является крайне значимым. В частности, обозначение границ сферы распространения позволяет отграничить исследуемую категорию от смежных теоретико-правовых явлений, в основе которых лежат процессы взаимодействия права. Например, сферой

¹ Абдулаев, М.И., Комаров, С.А. Проблемы теории государства и права / Учебник. – СПб.: Питер, 2003. – С. 334.

² См.: Карташов, В.Н. Теория государства и права. Начальный курс. – 2-е изд., перераб. и доп. – Кострома: Костромской государственной технологической университет, 2002. – 176 с.; Проблемы теории государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / М.М. Рассолов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. – С. 224-240.; Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; Под общ. ред. А.С. Пиголкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996. – 384 с.

³ Теория государства и права: Под общ. ред. проф. С.С. Алексеева. – М.: Норма, 2004. – 283 с.

материализации феномена правовой антикультуры¹ является преимущественно интеллектуально-психологический уровень правовой системы, и т.д.

Вместе с тем, очевидно, что отдельные направления юридической дивергенции не ограничены исключительными рамками правовой системы. В основе дивергенционных процессов могут также пребывать элементы, не относящиеся к компонентам правовой системы. Речь идет об отличных от права социальных регуляторах, которые достаточно часто занимают оппозиционное положение по отношению к правовым нормам. В частности, среди форм юридической дивергенции О.Д. Третьякова выделяет расхождение требований права и иных социальных норм². Это означает, что юридическую дивергенцию характеризует расширенная сфера распространения, которая включает в себя не только правовую систему, но и в целом систему социального регулирования.

Среди признаков юридической дивергенции целесообразно, также выделять и противоположность конвергенции, т.е. - обратимость данного процесса. Примечательно, что в большей части исследований различных отраслей знания указывается на взаимозависимость и взаимную обусловленность конвергенционных и дивергенционных процессов, а также целесообразность изучения явлений через призму обоих указанных категорий. Очевидно, что в данном случае речь идет о парности категорий, что определяет необходимость неизбежного обращения к одной из них при детальном изучении другой.

Юридическую дивергенцию также характеризует содержание процесса и явления. Именно внутреннее содержание можно назвать основным характеризующим свойством. Содержание юридической дивергенции может приобретать различные формы, которые и определяют характер внешней объективации дивергенционных проявлений в праве. Итак, рассмотрим основные формы юридической дивергенции, выделяемые в теории права:

1. Дивергенция закона и права. Данная форма базируется на древнейшей и основополагающей для всей юриспруденции полемике относительно содержания и взаимного отношения понятий «право» и

¹ Карпунина, В.В. Правовая антикультура : дис. ... канд юрид. наук: 12.00.01. - Владимир, 2011. - 163 с.

² Третьякова, О.Д. Указ. соч. – С. 60.

«закон». Первичность первого перед вторым является базовым положением естественно-правовой концепции права. Поэтому о дивергенции права и закона можно рассуждать «вооружившись» достижениями правовой мысли, достигнутыми апологетами юснатурализма. В целом не углубляясь в детали данного предмета, поскольку он настолько сложен, что претендует на отдельное исследование, можно обозначить, что дивергенция права и закона возникает в том случае, когда закон становится исключительным инструментом политической воли.

2. Юридическая дивергенция в форме десистематизации законодательства. «Несистемность» законодательства достаточно часто характерна для государства в переходный период его развития. Однако наряду с существованием очевидного хаоса в системе права государства после политических, военных и иных потрясений, существуют и латентные формы десистематизации. К ним можно отнести процессы обособления новых отраслей права, «раскодификации» законодательства, неконтролируемый поток издания подзаконных актов, и пр. Все указанное нуждается в подробной теоретической оценке на предмет потенциальности в формировании негативных социальных последствий. На наш взгляд, в данном направлении категория «юридическая дивергенция» приобретает особую ценность.

3. Юридическая дивергенция в форме расхождения требований права и иных средств регулирования общественных отношений. Юридическое значение данного направления дивергенционных процессов обусловлено фактической ролью различных социальных норм и иных регуляторов в системе регулирования общественных отношений. Нередко существующие асинхронизации права и других средств упорядочения отношений в обществе порождают не только единичные правовые последствия, но и качественные трансформации правовой системы. С позиции теории юридической дивергенции интерес представляет целый комплекс характеристик расхождения: его детерминация, объем, характер последствий, прогнозируемость, компромиссность, и т.д.

4. Юридическая дивергенция между национальными правовыми системами. Данная форма юридической дивергенции в абсолютном большинстве является фазой, следующей за конвергенцией национальных правовых систем. Неправильно констатировать наличие

процесса дивергенции в том случае, когда национальные правовые системы существуют обособленно, при этом при компаративистском анализе можно установить большое число принципиально противоположных элементов. Однако в том случае, когда политические или иные обстоятельства сначала обусловили процессы сближения, а потом также под влиянием обстоятельств данные процессы были приостановлены и получили обратное движение - процесс расхождения национальных правовых систем формируется.

Все перечисленные выше признаки позволяют сложить достаточно целостное представление о юридической дивергенции, необходимое для дальнейшего исследования данной категории. На основании изложенного представляется возможным уточнить понятие юридической дивергенции. Предлагаем понимать под *юридической дивергенцией в узком смысле процесс взаимодействия элементов права, правовой системы и системы социального регулирования, выраженные в расхождении права и закона, организации форм права, регулятивной направленности права и иных средств регулирования общественных отношений либо единых или близких частей национальных правовых систем*. Юридическая дивергенция в широком смысле – явление, представляющее собой относительно обобщенную совокупность таких процессов.

Таким образом, юридическая дивергенция является важной, но в тоже время критично неисследованной теоретико-правовой категорией. Обозначенные положения служат одновременно направлениями дальнейшей научной разработки данного сложного феномена. Особенности содержания явления юридической дивергенции позволяют обратить внимание на большое число направлений классической и современной юриспруденции.

Рассмотрим юридико-дивергенционный механизм. Юридическая дивергенция представляет собой значимую для современно юридической науки и правовой практики категорию. Под юридической дивергенцией в узком смысле процесс взаимодействия элементов права, правовой системы и системы социального регулирования, выраженные в расхождении права и закона, организации форм права, регулятивной направленности права и иных средств регулирования общественных отношений либо единых или близких частей национальных правовых систем. Юридическая дивергенция в широком

смысле – явление, представляющее собой относительно обобщенную совокупность таких процессов¹.

Для исследования динамики явления юридической дивергенции необходимо обратиться к межнаучной категории «механизм». Механизмов в природе вещей и явлений огромное множество. Термин используется как для описания функционирования конкретных технических систем, так и более абстрактных, являющихся предметом гуманитарных областей научного знания. Каждый механизм по-своему уникален, представлен собственным набором компонентов. Не существует универсальной эталонной формулы механизма. Даже механизмы, представленные в одной конкретной сфере (в частности юридической) существенно различаются друг от друга.

Толковый словарь русского языка определяет слово «механизм» как последовательность процессов и состояний, которые могут определять собой какое-либо действие или явление². Согласно данным словаря иностранных слов «механизм» представляет собой систему, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности, процесса³.

Философский энциклопедический словарь определяет механизм как определяемую законами природы систему различных движений либо событий, а также устройство или приспособление, при помощи которого данные движения совершаются⁴.

В политологии под политическими механизмами понимается система взаимообусловленных политических институтов, действий, средств и способов, направленных на реализацию политической цели в определенной сфере общественных отношений на определенном этапе развития общества»⁵.

¹ См. подробнее Митропан, И.Ю. Понятие и содержание юридической дивергенции // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. - № 2(47). - С. 185-189.

² Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-15467.htm> (обращение к ресурсу: 11.11. 2022).

³ Ожегов, С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-15467.htm> (обращение к ресурсу: 11.11. 2022).

⁴ Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. – Москва: Сов. энциклопедия, 1983. – С.657.

⁵ Колобова, Г.А. Указ. соч. – С. 1230.

В экономике механизм рассматривается как совокупность различных элементов, оказывающих воздействие на развитие объекта, а также как взаимодействие таких элементов, обеспечивающих развитие объектов¹.

В науке управления под механизмом управления понимается «инструмент, с помощью которого система управления оказывает воздействие на управляемый объект»². Специалисты отмечают, что механизм управления выполняет две базовые функции в управленческом процессе: «доставляет информацию органу управления и обеспечивает реализацию (исполнению) решений, принятых органом управления»³.

В юриспруденции категория «механизм» занимает собственную нишу и служит целям исследования многих направлений юридической деятельности – законодательной, правореализационной, интерпретаторской, и др. В юридической науке исследуются механизмы как общих широких явлений, например, таких как правовое воздействие или правовое регулирование, так и более узких, и, можно сказать, отраслевых и прикладных (например, механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина).

Так, С.С. Алексеев механизм правового регулирования определял как «взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения»⁴. При этом само правовое регулирование данным автором понималось как «осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний, и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны и развития»⁵.

Т. Н. Радько придерживается аналогичной позиции и определяет механизм правового регулирования, в «качестве системы правовых

¹ Бычкова, А.Н. Экономический механизм: определение, классификация и применение // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». - 2010. - № 4. С. 37.

² Барлукова, А.В. Механизм управления как неотъемлемый элемент системы управления туризмом // Известия Байкальского гос. ун-та. -2010. - С. 121-124.

³ Там же.

⁴ Алексеев, С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. II. - М.: Юрид. лит., 1981. С. 9.

⁵ Алексеев, С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. I. - М.: Юрид. лит., 1981. С. 289.

средств (элементов), осуществляющих одновременное взаимосвязанное регулирование общественных отношений определенного вида»¹.

Также особый интерес применительно к понятию юридической дивергенции представляет категория «механизм действия права». «Действие права» – более широкая по содержанию теоретико-правовая категория. В теоретической науке под действием права понимается «обусловленное социально-экономическими условиями, потребностями и интересами людей свойство (способность) права в определенной среде оказывать информативное и ценностно-мотивационное воздействие на личность, общности людей и вследствие этого обеспечить соответственно целям, принципам и предписаниям права правомерный характер их деятельности, достижение цивилизованными средствами фактических результатов»².

В.С. Нерсесянц определял механизм действия права в качестве «механизма абстрактно-всеобщей правовой регуляции, конкретизированный и индивидуализированный применительно к конкретно-определенному случаю (и форме) проявления юридической силы действующего права»³.

Третьякова О.Д. определяет механизм действия права как «взятую в единстве совокупность факторов воздействующих на создание норм права и их реализацию в деятельности (поведении) субъектов права, обеспечивающая законность и правопорядок в обществе»⁴.

На основании вышеуказанного представляется возможным сделать вывод, что понятия действия права и механизма действия права, представленные в теоретико-правовой литературе, не отличаются унифицированностью. Тем не менее, на основе их анализа можно предположить, что механизм действия права являет собой определенное «устройство» для реальной объективации в реальную жизнь права. Это означает, что можно выделять и исследовать большое число видов и подвидов механизма действия права, применительно ко всем возможным сферам его распространения (например: политический механизм действия права, экономический механизм действия права, и

¹ Радько, Т.Н. Теория государства и права. – М., 2005. – С. 578–579.

² Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 48.

³ Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. – С. 476.

⁴ Третьякова, О.Д. Указ. соч.

др.). При этом большинство данных сфер представляется возможным синтезировать в комплексную категорию, объединяющую все социальные явления. Именно поэтому на стыке теории и социологии права сформировалась и нашла широкое распространение категория «социальный механизм действия права».

Юридическая дивергенция относится к числу явлений, которые относятся к различным областям объективной действительности. Данные явления не просто соприкасаются с различными сферами общественной бытности, но и в целом формируются в различных плоскостях - социальной, правовой, психологической и др.¹. Именно поэтому механизм юридической дивергенции представляет собой совокупность элементов, присущих механизмам различных категорий деятельности. Для наиболее полного анализа содержания данного механизма необходимо обратиться к исследованиям различных механизмов, так или иначе соприкасающихся с системой социального регулирования общественных отношений. Важно подчеркнуть, что механизм юридической дивергенции, являющейся по своей природе феноменом взаимодействия в системе социального регулирования, является частью механизма социального регулирования в целом (аналогичным образом соотносятся, например, механизм правового регулирования и механизм правового воздействия). Именно поэтому анализ механизма юридической дивергенции целесообразно начать с рассмотрения его социального аспекта.

В социологии под социальным механизмом понимается «взаимодействие социальных структур, норм, институтов, образцов поведения и т.д., посредством которого обеспечивается функционирование социальной системы»². Ранее мы уже обращались к особенностям взаимодействия в социуме при описании процессов взаимодействия в системе социального регулирования. На наш взгляд применение аналогии процессов взаимодействия в социуме и процессов взаимодействия в системе социального регулирования представляется достаточно удачным, поскольку социальное регулирование общественных отношений является процессом производным от действия социального

¹ К таким явлениям, например, также относится явление интерполяции права. См. подробнее: Колесникова, Ю.П. Содержание механизма интерполяции права // Вестник Владимирского юридического института. – 2018.- № 1(46) - С. 168-171.

² Социологический энциклопедический словарь / Ред. координатор Г.В. Осипов. – М., 1998. – 488 с.

механизма, а, следовательно, ему присуще большинство общесоциальных закономерностей. Как справедливо отмечает Г.А. Колобова: «Ключевая особенность социальных механизмов состоит в их функциональном назначении – способности регулировать те или иные социальные отношения¹». В связи с этим, считаем возможным провести частичную аналогию между социальным механизмом и механизмом юридической дивергенции. А именно, представляется возможным констатировать, что социальный аспект механизма юридической дивергенции выражается, прежде всего, в том, что в его основе лежит категория «социальное взаимодействие», которая и является аккумулятором данных процессов.

Г.Г. Шиханцов приводит следующее понятие социального механизма действия права – «механизм взаимодействия правовых норм и иных социальных факторов, принимающих участие в функционировании права на всех его этапах»².

Юридическая дивергенция, как явление объективной действительности, очевидно, выходит за исключительные рамки правового регулирования, правового воздействия и юридического действия права. Как уже отмечалось ранее, фактически явление юридической дивергенции располагается в плоскости общесоциальной регуляции, при этом обязательно затрагивая ее юридический компонент. Таким образом, можно предположить, что механизм дивергенции схож с механизмом действия права в его социальном аспекте, или иначе с социальным механизмом действия права. Однако важно понимать, что данные категории при определенной идентичности, все же не являются тождественными. Социальный механизм действия права в действительности может получать движение не только в сторону дивергенционных процессов. Результатом разного рода социально-правовых взаимодействий могут быть совершенно различные феномены социального регулирования. Между тем, дивергенционно-правовой механизм определенно функционирует в рамках социального механизма действия права, является его частью, и соотносится с ним как частное и общее.

¹ Колобова, Г.А. Политический механизм: анализ категории // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15. – № 4. – С. 1227-1230.

² Шиханцов, Г.Г. Социальный механизм действия права. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/20958/1/5_%D1%88%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%BE%D0%B2.pdf (обращение к ресурсу: 11.11. 2022).

Вместе с тем, помимо факторов и регуляторов общественных отношений социального происхождения существуют и иные – несоциальные по своей природе элементы системы социального регулирования. Это в свою очередь означает, что механизм юридической дивергенции является частью социального механизма действия права не всецело. Отдельные проявления механизма юридической дивергенции основываются на других механизмах действия права, в частности на психологическом механизме.

Для изучения юридической дивергенции в качестве деятельности субъектов большое значение также имеют различные субъективные факторы, так или иначе опосредующие такую деятельность. Как отмечает В.А. Ленчик: «Между правовыми нормами и преследуемыми законодателем социальным эффектом, на достижение которого эти нормы направлены, всегда находится «опосредующее звено» – психика людей, их социально-психологические связи»¹.

В этой связи следует обратить внимание на особенности функционирования человеческой психики в условиях социальной регуляции, и соответственно на понятие психологического механизма, представленное в психологической науке. В психологии под психологическим механизмом понимается «система различных психологических факторов, средств, обеспечивающих тот или иной процесс проявления психических свойств, различные психические изменения. Психологический механизм – это постоянно действующая или ситуативно возникающая целостная психологическая система средств, которая обеспечивает выполнение тех или иных регулятивных функций и включает в себя основные подсистемы регуляции»².

Психологические факторы и регуляторы, очевидно, также занимают определенное место в числе средств юридической дивергенции, а различные виды психологических механизмов (например, мотивационный, волевой) нередко выступают основной составляющей дивергенционных процессов.

С.С. Алексеев выступал с критикой включения психологических

¹ Ленчик Влада Александровна. Механизмы действия права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – М., 2002. – С. 68.

² Самылова О.А. Психологические механизмы духовно-нравственного развития в юношеском периоде // Теория и практика общественного развития. – 2013.- № 2. - С. 66-69.

механизмов в структуру социального механизма действия права¹. Мы согласны с позицией данного ученого. Однако применительно к механизму юридической дивергенции – явлению и процессу, формирующемуся на стыке большого числа социальных и несоциальных платформ, различные элементы человеческой психики являются не просто опосредующим фактором, но и важным компонентом, составляющей общего механизма юридической дивергенции. Таким образом, механизм юридической дивергенции в ряде своих проявлений выступает и частью психологического механизма действия права, а, следовательно, наделен рядом свойственных ему закономерностей.

Очевидно, что сложность механизма юридической дивергенции обусловлена, прежде всего, комплексным характером совокупности потенциальных средств (правовых, социальных, технических, психологических, и т.д.). В объективации явления юридической дивергенции фактически задействуется тот или иной механизм действия права. Какой именно задействуется механизм в каждой конкретной ситуации, зависит от средства, используемого субъектом. Каждые специфические группы средств, имеют специфический механизм действия. Вместе с тем механизм юридической дивергенции может функционировать и за пределами социальных и психологических механизмов действия права. В данном случае речь идет о механизме юридической дивергенции средствами, не являющимися производными от общества или психики конкретного человека, а именно о различных природных, биологических, технических, стихийных явлениях, способных оказывать регулятивное воздействие.

Таким образом, механизм юридической дивергенции являет собой своеобразную комплексную инструментальную целостность, характеризующую динамическую составляющую явления юридической дивергенции, объективацию явления в реальной действительности. Содержание механизма юридической дивергенции представлено различными средствами, имеющими различную сферу приложения. На основе проведенного анализа предлагаем понимать *под механизмом юридической дивергенции совокупность психологических, социальных, биологических, технических и иных средств при помощи которых аккумулируются процессы расхождения права и закона, организации форм права, регулятивной направленности права и иных средств ре-*

¹ Алексеев С.С. Указ. соч. – С.17-21.

гулирования общественных отношений либо единых или близких частей национальных правовых систем.

Кроме того, резюмируя изложенные выше, соображения, можно сделать вывод, о том, что современные дивергенционные процессы в праве Российской Федерации, во многом обусловлены агрессивной внешней политикой США и стран Европы, в результате которой традиционный уклад и традиционные правовые ценности оказались фикцией. Декларируемые Западом фундаментальные правовые установки (например, незыблемость права собственности) оказались нарушенными государствами провозглашавших эти ценности. Отечественная правовая система в данной ситуации оказалась более стабильной в реализации правовых традиций.

4.2. Юридическая техника цифровизации правового регулирования

Правовое регулирование как наиболее эффективный способ обеспечения стабильности и порядка в обществе по своей сути за века существования практически не изменился и представляет собой целенаправленное воздействие государства на возникающие между различными индивидуальными и коллективными субъектами общественные отношения с помощью комплекса специальных нормативных и ненормативных средств, выражающих волю публичной власти. При этом, если сущность правового регулирования за века остается почти неизменной, то юридическая техника оформления правового регулирования изменилась кардинально – от базальтовых столбов – до деревянных таблиц, от бересты – до бумажных носителей права и правореализующих актов.

В последние годы, возникла и развивается новая форма, прием и средство юридической техники - цифровизация правового регулирования. Данный, общемировой тренд развития юридической техники, отражается уже в достаточно большом количестве правовых актов Российской Федерации.

В данном ряду можно отметить: Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества

в Российской Федерации на 2017-2030 годы»¹; Приказ Президента РФ 28.02.2019 N Пр-300 утверждающий перечень поручений по вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»²; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. N 1632-р, которым утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»³ Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, Федеральный закон, предусматривающий урегулирование статуса совершаемых в письменной (электронной) форме сделок, а также автоматизированных («самоисполняемых») договоров, и др.⁵.

Для реализации задач цифровой экономики в национальном проекте «Цифровая экономика», предусмотрен раздел «Цифровое государственное управление» В соответствии с паспортом федерального проекта цифровое государственное управление - это поэтапная трансформация управления данными государства на основе цифровых технологий, разработка комплексных суперсервисов для получения гражданами и бизнесом государственных услуг в «один клик»⁶. Как видно, из представленных правовых актов, обеспечение цифровизации экономики без правового обеспечения невозможно, но также невозможно трансформируя экономику и управление в цифровой

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СПС «Консультант-Плюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 06.10.2021).

² Приказ Президента РФ 28.02.2019 № Пр-300 // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 06.10.2021).

³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» Утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 06.10.2021).

⁴ Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 16.09.2021).

⁵ Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 03.10.2021).

⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «Консультант-Плюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 25.09.2021).

формат не трансформировать в этот формат и право. В целом правовое обеспечение нацпроекта «Цифровая экономика» предусматривается Федеральным проектом «Нормативное регулирование цифровой среды». В рамках данного проекта создается и планируется к созданию ряд механизмов и нормативных правовых актов по обеспечению цифровизации экономики государственного управления. Так, Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» предусматривает формирование целой системы правовых регуляторов, обеспечивающих функционирование цифровой экономики, а также создаются правовые условия для создания цифровой среды доверия.

Таким образом, уже идущая полным ходом цифровизация экономики, государственного управления и необходимость обеспечения этих процессов правовым регулированием обусловили необходимость в цифровизации и самого права.

Не смотря на инновационность цифрового права и цифрового правового регулирования, стоит отметить, что цифровизация права, в буквальном смысле этого слова, имеет многовековую историю, в виде некоторых элементов цифровой формы выражения правовых предписаний. Так, например, сюда можно отнести сроки лишения свободы и другие временные периоды, номера статей, ИНН, номера страховых свидетельств, регистрационные номера автотранспортных средств, и т.д. Новацией, в рассматриваемом случае, является то, что цифровые обозначения определенных правовых явлений фиксируются не только в текстах, а, прежде всего, в рамках информационных систем, которые существуют в электронном цифровом формате.

Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации» легализовал понятие «цифровые права», тем самым признав и наличие цифрового позитивного права, как новой формы выражения и закрепления правовых норм. Кроме того, закрепление цифровых прав, как следует из определения понятия «цифровые права» закрепляет и форму реализации этих прав - это юридические действия в рамках информационных систем отвечающим установленным законам признакам¹. Следо-

¹ Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Феде-

вательно, формально, норма ст. 141.1 ГК РФ обуславливает официальное начало эры новой, цифровой формы правового регулирования.

Тем не менее реализация цифровой формы правового регулирования, как и любая новация, помимо позитивного импульса в развитии, в том числе и правового явления, имеет и негативные черты и порождает некоторые проблемы.

Прежде всего, хотелось бы затронуть понятийную проблему цифровых прав, которая может существенно отразиться на цифровом правовом регулировании. Дефиниция статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит необоснованное расширение цифровых прав, т.к. по смыслу нормы, получается, что к цифровым правам законодатель относит фактически все обязательственные и иные права, которые определяются, правилами информационной системы. Следовательно, либо к цифровым правам можно отнести все права, предусмотренные гражданским законодательством, либо следует признать, что у некоторых гражданских прав имеется лишь цифровая форма выражения.

Кроме того, постановка в зависимость определения сущности цифровых прав от другого, неопределенного явления, в рамках данной дефиниции, нарушает основное правило формирования правовых и иных понятий, согласно которым определение должно содержать только известные признаки, не требующие пояснений и не содержащие двусмысленности. Если понятие определяется через другое понятие, признаки которого неизвестны и которое само нуждается в определении, - это ведет к логической ошибке, называемой определением неизвестного через неизвестное¹.

Термин «информационная система» использованный в рассматриваемом определении понятия, не имеет однозначных трактовок. Так, согласно Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационная система - совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечи-

рации». //СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 03.10.2022)

¹ Леоненко, Н.Т. Законодательная техника: учеб. пособие / Н.Т. Леоненко. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. - С. 168.

вающих её обработку информационных технологий и технических средств¹.

В соответствии с международным стандартом ISO/IEC 2382-1: «Информационная система - система обработки информации, работающая совместно с организационными ресурсами, такими как люди, технические средства и финансовые ресурсы, которые обеспечивают и распределяют информацию»².

Российский ГОСТ РВ 51987 определяет информационную систему как «автоматизированную систему, результатом функционирования которой является представление выходной информации для последующего использования»³.

В любом случае, как указывается в справочной литературе, основной задачей информационной системы является удовлетворение конкретных информационных потребностей в рамках конкретной предметной области, на основе соответствующих баз данных, отсюда, термин «информационная система» на практике сливается по смыслу с термином «система баз данных»⁴.

Как видно из приведенных примеров толкования понятия информационной системы, оно трактуется неоднозначно, следовательно, неоднозначен и смысл содержания понятия цифровых прав.

В целом, согласно смысла гражданского законодательства можно резюмировать, что *цифровые права - это разновидность субъективных права выраженных в цифровой форме и реализующихся в рамках информационных систем*. При этом следует иметь в виду, что цифровые права - это не самостоятельные меры возможного, возможное поведение субъектов правоотношений, а скорее, форма выражения субъективных прав, отраженных в гражданском законодательстве и соответствующих информационных системах. Таким образом, вве-

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «Консультант-Плюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 25.09.2021).

² Международный стандарт в сфере информатизации. <http://www.morepc.ru/informatisation/iso2381-1.html> (обращение к ресурсу: 26.09.2021).

³ Информационные системы: правовое поле. URL: http://www.cnews.ru/articles/informacionnyye_sistemy_pravovoe_pole (обращение к ресурсу: 26.09.2021).

⁴ Информационная система // Словари и энциклопедии на Академике <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/101791#sel=9:1,9:4> (обращение к ресурсу: 26.09.2021).

дение цифровых прав в законодательство, без системных изменений в понятийно-категориальном аппарате юриспруденции и правовой системе порождает смысловой «разрыв» между формой права и его содержанием, подменяя содержание права его формой, что в дальнейшем, может повлечь коллизии в реализации рассматриваемых прав.

В целом, юридическая техника цифровизации правового регулирования - это сложный и противоречивый процесс использования различных правовых и информационных средств с помощью которых осуществляется процесс цифрового оформления правового регулирования. Чтобы минимизировать социально-негативные обстоятельства, которые возникают и могут возникнуть в связи цифровизацией правового регулирования целесообразно учитывать ряд обстоятельств, имеющих существенное значение для современного правового регулирования.

Во-первых, технико-юридический анализ позволяет заключить, что **цифровое правовое регулирование** - это система регламентации общественных отношений с помощью правовых норм и актов реализации права, имеющих цифровое выражение в рамках информационных систем, признаваемых специальным законодательством

Во-вторых, для системного воздействия цифрового правового регулирования на общественные отношения и повышения его эффективности, по сравнению с традиционными способами правового воздействия, наряду с введением в действие изменений в ГК РФ, касающихся цифровых прав, следует принять и ввести в действие пакет законов, предусмотренных национальной программой «цифровая экономика» и федеральным проектом: «Цифровое государственное управление» в полном объеме.

В-третьих, для минимизации злоупотреблений цифровыми правами целесообразно законодательно закрепить концепцию цифровых обязанностей, которые можно определить, как *меры должного, должное поведение субъектов правоотношений, предусмотренных правовыми нормами выраженные цифровыми кодами или обозначениями на основе и в рамках информационных систем, признаваемых законодательством.*

В-четвертых, как известно, наличием норм законодательства правовое регулирование не исчерпывается, следовательно, помимо цифровых форм права следует разработать стройную концепцию (и ее законодательно закрепить) цифровых форм реализации права.

Таким образом, анализ юридической техники цифровизации правового регулирования в современной России позволяет заключить, что целесообразно рассматривать два направления данного процесса. Первое направление – формирование цифровых форм выражения законодательства и правореализующих актов. Второе направление – формирование цифрового права – как отрасли права, регламентирующей отношения, возникающие в связи с цифровизацией права.

4.3. Цифровая реализация законодательства

В последние годы цифровые технологии активно внедряются в систему общественных отношений, охватывая большинство их проявлений. Широкое использование цифровой техники, компьютеров, серверов и всемирной сети Интернет основной массой населения Земли, иногда обозначается четвертой технической революцией. В литературе широкое распространение получил термин «Индустрия 4.0» и «Общество 4.0», где цифра четыре обозначает четвёртую промышленную революцию, выразившуюся в разработке и внедрении «киберфизических систем» как в отдельные сферы промышленности, так и во многие сферы жизни человека¹. Люди во всём мире и в России в частности всё чаще используют цифровое пространство и цифровые средства для удовлетворения своих потребностей. Общаются в социальных сетях, совершают покупки в интернет-магазинах, совершают операции с цифровой валютой и т.д. Оценивая процессы внедрения цифровых технологий в жизнь общества и государства с точки зрения юриспруденции, мы можем сказать, что человек по-новому реализует свои права. Можно ли назвать происходящее цифровизацией реализации права и каковы пределы данного явления постараемся определить в рамках данного исследования. Проблему внедрения цифровых технологий в правовую среду изучают как отечественные, так и зарубежные учёные. Среди них можно выделить труды Д.А. Пашенцева, Е.Е. Тонкова, П. Хлебникова, Т.Я. Хабриевой, А.А. Саурина, и других.

¹ Маслов, В.И., Лукьянов, И.В. Четвертая промышленная революция: истоки и последствия // Вестник московского университета. Глобалистика и геополитика. – 2017. – №2. – С. 39.

Для того чтобы ответить на главный вопрос исследования, каковы пределы цифровизации правореализации, необходимо определить, что мы понимаем под этим термином. Под реализацией права многие правоведы понимают претворение, воплощение установленных государством правовых норм в правомерной деятельности субъектов права¹. Только в этом случае достигается цель правовых норм – регулирование общественных отношений. В реализации права выделяют три основных её формы: соблюдение, исполнение и использование. Можно заметить, что исполнение всегда имеет волевой аспект, тогда как соблюдение некоторых юридических запретов, т.е. воздержание от противоправных действий может быть опосредовано не знанием человека о наличии того или иного запрета, а его личностными морально-нравственными качествами, убеждениями и т.д. Учёные-правоведы выделяют также особую четвертую форму реализации права – применение, т.е. властно-организующая деятельность компетентных органов и лиц, обеспечивающих в конкретных жизненных случаях реализацию юридических норм². В рамках данного исследования мы рассматриваем реализацию права преимущественно в первых трёх формах, т.е. в тех случаях, когда человек по собственной воле использует принадлежащие ему права и исполняет возложенные обязанности в процессе реализации права с применением цифровых технологий.

Во многих современных научных исследованиях используется термин «цифровизация права», однако единого общепризнанного определения данного явления не сформировано. Для достижения цели нашего исследования постараемся определить смысл, вкладываемый в данный термин другими авторами. Как и во многих иных случаях, цифровизация приходит в право из экономики. В литературе по теме цифровизации наиболее часто используются два основных термина: digitization и digitalization. Digitization в переводе обозначает оцифровку чего-либо, т.е. перевод информации с физических носителей на цифровые. Важно, что оцифровка не изменяет существующих процессов, а лишь позволяет совершенствовать уже существующие мо-

¹ Общая теория государства и права: учебник / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. – С. 173.

² Синюков, В.Н. Теория права С.С. Алексеева и ее роль в развитии отечественной юридической доктрины // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 5.

дели взаимодействия, здесь речь идет о производстве с использованием цифровых технологий. Оцифровка сегодня присутствует практически во всех сферах деятельности, так как значительно упрощает процессы обработки любой информации. Тогда как digitalization переводится как цифровизация, и подразумевает системы взаимодействия и системы понимания и использования оцифрованных данных компьютерами¹. Профессоры Университета Северной Каролины отмечают: «Digitization и digitalization – два концептуальных термина, которые тесно связаны и часто взаимозаменяются в литературе»². Таким образом, одной из основных характеристик цифровизации, отличающих её от оцифровки, является именно электронная автоматическая обработка информации, её восприятие и использование компьютерами.

Получается, цифровизация подразумевает качественные изменения процессов и моделей поведения, тогда как оцифровка лишь помогает людям быстрее обрабатывать информацию. Говоря о правовой сфере важно заметить, что оцифровка аналоговых носителей правовой информации успешно осуществилась. На сегодняшний день мы располагаем достаточным количеством Интернет-ресурсов для поиска актуальной правовой информации. В первую очередь это правительственные сайты, такие как «pravo.gov.ru», а также информационно-справочные системы «КонсультантПлюс» и «Гарант». Однако, не смотря на успех внедрения электронных архивов взамен бумажным, мы не можем назвать это цифровизацией, поскольку изменилась лишь форма используемого материала. Скорее это яркий пример оцифровки.

Для того чтобы определить характерные черты цифровизации реализации права, необходимо проанализировать способы и условия использования цифровых технологий человеком как в бытовой, так и в правовой среде. Развитие технических средств и микрокомпьютеров позволило человеку решать многие задачи, затрачивая минимум усилий. Однако сегодня подобные технологии зачастую воспринимаются человеком не как необходимое, а как должное. Имеется ввиду, что

¹ Кудрявцева, Т.Ю., Кожина, К.С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. – 2021. – №. 3 – С. 149.

² Gobble, M. A. M. Digital strategy and digital transformation // Research-Technology Management. – 2018. – №. 5 – С. 66.

цифровые технологии настолько опутали жизнедеятельность человека, что он использует их не задумываясь о правилах и последствиях и руководствуется преимущественно личными интересами. Люди общаются в социальных сетях, совершают покупки в интернет-магазинах, осуществляют операции с цифровой валютой или безналичный расчёт. Безусловно, это удобно, однако повсеместный переход в цифровое пространство, на наш взгляд, не должен изменять сущности правореализации.

Рассмотрим, как человек реализует право в цифровой среде в трёх основных формах правореализации. Начнём с использования принадлежащих человеку прав. Конституция РФ закрепляет основные права и свободы человека и гражданина, учитывая опыт международного права и зарубежных стран¹. Если мы обратимся к классификации прав человека, то увидим, что абсолютное большинство из них человек может осуществить с использованием цифровых технологий. Во-первых, социально-экономические и культурные права человек может осуществлять при помощи развивающихся сегодня интернет-порталов. Например, реализуя право на образование, на труд, на свободное предпринимательство, человек может использовать интернет-площадки для поиска работы, для работы удалённо, а также для самообразования с использованием цифровых средств. Реализуя культурные права, мы можем посетить получившие широкое распространение в период пандемии онлайн-экскурсии, выставки, музеи, находящиеся как в нашей стране, так и за рубежом (находясь при этом дома). В цифровое пространство переходит и простое человеческое общение. Всемирную популярность приобрели социальные сети, в которых миллионы человек из разных стран общаются, делятся цифровым контентом, создают группы по интересам.

Как известно права граждан неразрывно связаны с их обязанностями. Осуществляя свои субъективные права в цифровой среде, человек сталкивается с двумя основными группами обязанностей. Это обязанности связанные с действиями в цифровой среде и не связанные с этим. Например, при общении в кибер пространстве на человека рас-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru>, (обращение к ресурсу 04.07.2022).

пространяется обязанность соблюдать нормы законодательства страны, гражданином которой он является. А потому при совершении различных действий (размещение информации, создание группы...) лицо должно ясно осознавать, нарушает оно законодательство своей страны или нет. Что касается обязанностей не связанных с осуществлением прав в цифровой среде, то человеку сегодня доступны некоторые государственные Интернет-ресурсы, предназначенные, например, для уплаты налогов, для онлайн регистрации юридических лиц и ИП. Например, ЕСИА Госуслуги и Личный кабинет налогоплательщика. При этом обозначенные ресурсы можно использовать не только для исполнения обязанностей (оплата налогов), но и для реализации прав. Например, обратиться в налоговый орган без личного присутствия и получить интересующие документы. На сегодняшний день создаются условия для облегчения исполнения гражданами отдельных обязанностей перед государством, в том числе с привлечением коммерческих корпорация с государственным участием.

Осуществляя свои права в цифровой среде, безусловно, человек должен соблюдать существующие в обществе и государстве запреты. Как правило, в сети такие запреты связаны с распространением различного рода информации и соблюдением прав других индивидов и социальных групп. За соблюдение запретов, установленных государством, следят специальные государственные органы. Однако, как отмечают в правительстве, с развитием цифровых технологий отслеживать и реагировать на нарушение запретов всё сложнее¹. В некоторых случаях государство обязует так называемых модераторов следить за соблюдением законодательства, но это практически не осуществляется. В том числе потому, что люди находят различные «лазейки», сталкиваясь с ограничением их действий в сети, начиная от изменения (в пределах узнаваемости) запрещенных слов и заканчивая изменением заводских настроек устройства, сменой страны, региона и т.д. Как это наблюдалось при блокировании некоторых российских блогеров из-за геополитической ситуации на Украине. Последние попросту меняли в IP-адресе устройства страну и таким образом обходили запрет.

¹ Медведев признал неэффективность запретов в цифровой среде // РБК [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5afbfff99a794781dafb5ccd> (обращение к ресурсу: 12.04.2022).

Анализируя способы осуществления прав в цифровой среде, можно вывести промежуточное в рамках нашего исследования определение. Цифровая реализация права – это осуществление субъективных прав человека и объективных обязанностей посредством систем электронной обработки данных. Система электронной обработки данных (СЭОД) является устоявшимся термином в современной науке, обозначающим комплекс взаимосвязанных методов и средств сбора и обработки данных с помощью вычислительных машин и других средств информационной техники, необходимых для организации управления объектам¹.

Внедрение в жизнь общества подобных систем регулирования потоков информации требует своевременной и адекватной реакции систем регулирования общественных отношений. Социологи и другие учёные выделяют в процессе развития социума становление, изменение или развитие². В литературе встречаются такие термины как застой, революция, скачок и т.д. Реализация права, осуществляемая в рамках правоотношений, является неотъемлемой частью общественных отношений. С этой точки зрения цифровизацию правореализации можно назвать этапом развития социума, при котором активно развиваются технологические и законодательные условия цифровой реализации права с целью повышения его эффективности в регулировании общественных отношений.

Исходя из сформулированного определения и обозначенных примеров, можно сказать, что цифровизация реализации права практически абсолютна, однако это не так. Существует ряд объективных и субъективных пределов цифровизации правореализации. Под пределом понимается последняя, высшая ступень процесса (явления), мыслимая полнота чего-либо³. Вместе с тем предел есть граница развития процесса или явления. Пусть и мыслимая, но граница. В рамках нашего исследования под пределом мы рассматриваем мыслимую границу (препятствие) развития процесса цифровизации реализации права.

¹ Большая Советская энциклопедия // [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/132749/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8B> (Обращение к ресурсу: 12.04.2022).

² Крейк, А.И., Комф, Е.В. Процессы как явление социума // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 10. – С. 14.

³ Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/178646> (обращение к ресурсу: 04.04.2022).

Чтобы ответить на главный вопрос нашего исследования, необходимо обозначить, что является или может являться пределом (границей) цифровизации реализации права. Иными словами, почему цифровая реализация права не может быть абсолютной.

Прежде всего, преградой на пути цифровизации права многие исследователи называют цифровое неравенство в обществе. Под этим термином понимается неравный доступ различных групп и членов общества к средствам обработки электронных данных и всемирной сети Интернет¹. В России эта проблема достаточно заметна и связана с цифровым разрывом городов и деревень. Вместе с тем цифровое неравенство может выражаться не только в отсутствии гаджета, но и в навыках работы с ним. Немногие представители старшего поколения стремятся сегодня освоить возможности СОЭД. Поэтому отсутствие фактической возможности осуществления своих прав в цифровой среде является первостепенным пределом цифровизации.

Также предел цифровизации может обозначить сам законодатель, определив, какие субъективные права и юридические обязанности могут быть осуществлены человеком с использованием средств обработки электронных данных, а какие нет. Например, статья 44.3 «Основ законодательства РФ о нотариате» устанавливает, какие нотариальные действия могут быть совершены удалённо в электронной форме, а какие нет².

Очередным пределом является отсутствие должной отечественной инфраструктуры для электронного документа оборота. Что в свою очередь связано с отсутствием единого федерального стандарта электронного документа. Безусловно, ГОСТы, регулирующие электронный документооборот есть, но они направлены на регламентацию процедур и способов осуществления оборота. Тогда как универсальный документ для всех федеральных служб, юридических и физических лиц отсутствует. Это затрудняет внедрение электронного документооборота и цифровой реализации права.

К объективным пределам рассматриваемого процесса можно также отнести тот факт, что не все права человека могут быть реали-

¹ Химичук, Е.В. Цифровое неравенство или неравенство в цифрах // Политика и Общество. – 2018. – № 1. – С. 45.

² «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 26.03.2022) // Российская газета. – № 49. – 13.03.1993.

зованы в цифровой среде. Поскольку человек считается сегодня биосоциальным существом, то ему свойственны потребности, которые невозможно осуществить в электронном формате. Соответственно не могут быть в полном объёме реализованы права человека на удовлетворение таких потребностей. Например, право на медицинскую помощь, гарантированное ст.19 конституции РФ, на наш взгляд не может быть реализовано в кибер пространстве. Согласно ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская помощь – это комплекс мероприятий, целью которых выступает поддержание и/или восстановление здоровья человека посредством предоставления медицинских услуг¹. Медицинская услуга в свою очередь есть медицинское вмешательство или несколько действий по медицинскому вмешательству, целью которых выступает профилактика и диагностика, а также лечение гражданина, с последующей реабилитацией. А медицинское вмешательство согласно обозначенному закону есть «выполняемые медицинским работником...виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций». Получается, что неотъемлемым элементом реализации права на медицинскую помощь является связь «пациент–врач», сопровождающаяся непосредственным воздействием последнего на организм человека. А в электронной среде, в цифровом пространстве это невозможно. На основании приведённого примера можно сделать вывод, что та часть прав, которая непосредственно связана с прямым воздействием на организм человека, не может быть реализована в цифровом формате.

Существует и субъективный предел цифровизации реализации права. Он в свою очередь непосредственно связан с волей того или иного человека. Именно она выступает пределом. Например, лицо не будет осуществлять реализацию права в цифровой среде, поскольку опасается за безопасность своих персональных данных или иной другой личной информации. Сегодня распространённой проблемой стала сохранность персональных данных человека и гражданина. Участились случаи их утечки². Под влиянием подобных ситуаций человек

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 28.11.2011. – № 48. – ст. 6724.

² Иванова, А.П. Утечка персональных данных: большая проблема в цифровую эпоху // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Государство и право: Реферативный журнал. – 2020. – № 4. – С. 100.

стремится доверять третьим лицам – операторам – как можно меньше информации о себе. А также из соображений не стать жертвой интернет-мошенничества некоторые граждане заключают сделки, покупают товары и услуги, расплачиваются без использования СЭОД. Мошенничество в интернете настолько распространилось, что людям рекомендуют заводить отдельную банковскую карту с небольшим количеством средств, которую они будут использовать для электронной оплаты товаров и услуг. И если человек станет жертвой мошенничества в интернете, он потеряет не все свои сбережения.

Вместе с тем, граждане опасаются рисков сбоя в работе систем обработки электронной информации, который может повлечь утрату важных данных. С введением электронных трудовых книжек законодатель ограничил выдачу этого документа на бумажном носителе¹. Поэтому некоторые граждане РФ предпенсионного возраста распечатывают страницы электронного документа, чтобы подтвердить право на получение пенсии определённого размера при утрате информации в электронной форме. Иными словами, очередным пределом цифровизации можно назвать недоверие людей к электронным системам обработки данных и операторам.

Таким образом, результаты научно-технического прогресса стремительно внедряются в правовую среду с целью повышения эффективности регулирования общественных отношений. Подобная тенденция является закономерным этапом развития общества и государства. Однако в силу объективных и субъективных причин абсолютная цифровизация реализации законодательства и права, в целом, в ближайшем будущем видится невозможной. Безусловно, цифровая реализация прав человека и гражданина благоприятно влияет на развитие правоотношений, но лишать материализма такой социальный институт как право видится нецелесообразным.

¹ Федеральный закон от 16.12.2019 N 439-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» // Собрание законодательства РФ. – 23.12.2019. – № 51 (часть I). – Ст. 7491.

4.4. Перспективы формирования единого цифрового пространства ЕАЭС

В современном мире все сферы жизни общества стремительно меняются. Значительную роль в этих процессах сыграли информационные технологии, с каждым годом все более активно внедряющиеся в нашу жизнь. Сами граждане, государственные органы, юридические лица используют средства мобильной связи, сети Интернет (табл. 1).

Использование сети Интернет городским и сельским населением в возрасте 15 – 74 лет в Российской Федерации 2021 год¹

Население	Доля населения (в процентах от общей численности населения в возрасте 15-74 лет)			Число пользо- вателей сети Интернет в возрасте 15-74 лет на 100 человек населения данного возраста
	являющегося ак- тивными пользо- вателями сети Ин- тернет	использовавшего сеть Интернет для заказов товаров и (или) услуг	не использую- щего сеть Интернет по соображениям безопасности	
Всего	87,3	46,6	0,4	88
Город	89,2	51,6	0,4	90
Село	81,4	31,5	0,5	83

Под этим влиянием исследователи говорят об алгоритмизации и механизации права, цифровых правах и интеллектуальной собственности, переосмысляются базовые понятия, раньше считающиеся незыблемыми, правовое регулирование на национальном и международном уровне характеризуется цифровизацией². При этом актуальным является определение роли права в киберпространстве, обеспечение правового суверенитета³.

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Gks.ru: информационно-справочный портал. URL: <https://www.gks.ru> (обращение к ресурсу: 09.11.2022)

² Обзор XII Ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора С.Н. Братуся, на тему «Проблемы правосубъектности на современном этапе» // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 12.

³ Федотов, М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex Russica. – 2016. – № 3(112). – С. 166.

Все государства в своей национальной политике рассматривают процессы цифровой трансформации экономики. Однако для дополнительной устойчивости и масштабирования экономик необходимо задействовать интеграционный фактор. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе активно затрагивают сферу цифровизации. С 2015 года в рамках Евразийской экономической комиссии идет разработка вопросов правового регулирования трансграничного пространства доверия. С 2016 года происходит формирование единого цифрового пространства Союза, который был законодательно урегулирован Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»¹ и Протоколом об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза². Цифровая повестка затрагивает вопросы по цифровой трансформации в рамках развития интеграции, укрепления единого экономического пространства и углубления сотрудничества государств-членов. Кроме того, существуют проекты Стратегических направлений формирования и развития цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2025 года, Общих подходов к формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2030 года, Предложений по формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза. В рамках их реализации планируется создание Цифрового кодекса ЕАЭС и Декларации по цифровой экономике ЕАЭС.

Гипотезой данного исследования предлагается то, что интерес к интеграции с каждым годом возрастает, создаются множество программ в разных отраслях, в том числе по цифровизации, но практически они не выполняются.

Цифровое пространство охватывает сферы экономического со-

¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 N 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/>, 10.11.2017 (обращение к ресурсу 09.11.2022)

² О Евразийском экономическом союзе: Договор от 29.05.2014 г. (ред. от 15.03.2018) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии URL: <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014 (обращение к ресурсу: 09.11.2022)

трудничества, определенные Договором о Евразийском экономическом союзе¹. Государства-члены самостоятельно реализуют национальную политику в сфере цифровизации экономики и национальные мероприятия по развитию цифровой повестки, и предусматривается, что реализация цифровой повестки не должна препятствовать их национальной политике.

Согласно Решению Высшего Евразийского экономического совета² цифровая повестка будет реализовываться несколькими этапами. До 2019 года планировалось моделирование процессов цифровой трансформации, проработка первых инициатив и запуск приоритетных проектов. Такими приоритетными инициативами являются цифровая прослеживаемость движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов, цифровая торговля, цифровые транспортные коридоры, цифровая промышленная кооперация, Соглашение об обороте данных в Союзе и система регулятивных «песочниц».

Цифровая прослеживаемость создает условия взаимного цифрового обмена и взаимодействия в сфере торговли. Она тесно связана с национальными системами маркировки товаров, акциз, мониторинга движения отдельных видов товаров, документальной прослеживаемостью. Она оперирует участниками оборота, товарами, изделием, упаковкой. Соответственно, создаются классификатор товаров ЕАЭС, реестры товаров, участников оборота, сведений о выпущенных в оборот товаров, транзакций. В Цифровой платформе товаров ЕАЭС стандартизируются и унифицируются все товары.

Соглашение об обороте данных подразумевает обмен персональными, промышленными данными, унификацию работы с тайнами (государственными, банковскими). Необходимо создать гармоничное законодательство, которое будет служить интересам ЕАЭС и при этом не противоречить европейским стандартам и позволит обмениваться данными внутри ЕАЭС и с Европой. На данный момент ведется работа по реализации данного направления, оцениваются риски нововведений.

¹ О Евразийском экономическом союзе: Договор от 29.05.2014 г. (ред. от 15.03.2018) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии URL: <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014 (обращение к ресурсу: 09.11.2022)

² Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 N 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Официальный сайт Евразийского экономического союза URL: <http://www.eaeunion.org/>, 10.11.2017 (обращение к ресурсу: 09.11.2022)

В рамках Союза также происходит создание единого платежного пространства, что подразумевает полный отказ от использования доллара и евро в расчетах стран-участниц между собой к 2025-2030 году. Его развивать возможно на базе технологии распределенных реестров или новых процессинговых технологий для всех стран ЕАЭС. Центробанки Беларуси и России в конце октября рассмотрят «дорожную карту» в рамках программы углубленной интеграции. Это подразумевает создание системы мультивалютных операций, альтернативной системы для финансовых расчетов, интеграцию платежных систем по карточным операциям и возможное создание единой валюты. В ее рамках существует принятие карт «Мир» на территории Армении, Казахстана и Кыргызстана, с 2020 года планируется реализовать взаимодействие платежных систем России и Беларуси. А альтернативный сервис для проведения платежей в СГ, минуя SWIFT, что удешевит расчеты между предприятиями двух стран¹.

Дмитрий Медведев отметил, что нужно выходить на единые стандарты оказания услуг, включая и отмену внутрисетевого роуминга. На территории РФ постановление вступило в силу с 1 июня 2019 года. Первым этапом в этой работе в рамках ЕАЭС является отмена роуминга между Россией и Беларусью, которую планировали ввести с начала 2020 года. Госдума не поддержала в первом чтении законопроект, внесенный по инициативе ЛДПР, отметив, что решение об отмене роуминга должно приниматься на уровне наднационального регулирования при поддержке стран-членов Евразийского экономического союза. На данный момент в переговорах возникли разногласия по поводу снижения оптовых цен. Подписание «дорожной карты» по отмене роуминга должно было произойти в сентябре 2019 года, и после этого фактический процесс отмены должен занять шесть-девять месяцев, но этого не произошло. Можно надеяться, что к 2021 году роуминг будет отменен. В октябре 2019 года инициативу также поддержали премьер-министр Казахстана Аскар Мамин и руководитель постоянной комиссии в национальном собрании Армении по региональным вопросам и вопросам евразийской интеграции Микаел Мел-

¹ СОЮЗ. Беларусь-Россия. Специальный проект rg.ru // URL: <https://rg.ru/soyuz/> (обращение к ресурсу: 10.11.2022)

кумян¹. При достижении необходимых соглашений проект отмены роуминга на территории ЕАЭС приблизится к своей реализации, что поспособствует улучшению интеграционных процессов среди наших стран.

Второй этап цифровой повестки включает в себя формирование институтов цифровой экономики и цифровых активов, а также развитие цифровых экосистем. Его планируют провести до 2022 года. А до 2025 года планируется полностью реализовать цифровую повестку, создать цифровые экосистемы и цифровое сотрудничество на глобальном, региональном, национальном и отраслевом уровнях.

В рамках интегрированной информационной системы подразумевается создание и ведение единой системы нормативно-справочной информации Союза, общих информационных ресурсов, межгосударственный обмен данными и электронными документами. Также планируется формирование цифровых рынков, цифровой инфраструктуры, цифровых активов, цифровой кросс-отраслевой и отраслевой трансформации, сетей и центров обеспечения цифровой трансформации экономики.

Цифровая трансформация заключается в сквозной цифровизации всех физических активов и их интеграции в цифровую экосистему на основе цифровой платформы. Кросс-отраслевая трансформация – во взаимодействии различных отраслей экономики, создании новых бизнес-моделей и сквозных цифровых процессов через традиционные стыки отраслей, а также трансграничной кооперации. В ее итоге должно произойти снижение издержек, сокращение числа посредников, снижение барьеров при выходе на новые рынки, а также возникновение новых возможностей по получению услуг посредством использования сети «Интернет», что приведет к развитию цифрового рынка, упрощению торговых процедур и свободному движению товаров, услуг, капитала и рабочей силы, что служит реализации принципов самого Союза.

В Союзном государстве активно развивается онлайн-торговля. В ноябре 2019 года Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ, Россия) и Ассоциация предприятий онлайн-торговли (АПОТ, Беларусь) подписали соглашение о развитии электронной коммерции. В

¹ СОЮЗ. Беларусь-Россия. Специальный проект rg.ru // URL: <https://rg.ru/soyuz/> (обращение к ресурсу: 10.11.2022).

его рамках планируется снять основные барьеры и ограничения, существующие на территории стран ЕАЭС в области электронной коммерции и гармонизировать потребительское законодательство.

В рамках цифровой трансформации также планируется создание полноценного электронного правительства, о чем заявил на пятом Всебелорусском народном собрании Лукашенко. Его реализация назначена на 2020 год. Кроме того, идут обсуждения о создании «хайтек-университета» - учреждения цифрового образования, в котором будет вестись подготовка кадров новой формации¹.

Достижение целей цифровой повестки однозначно должно привести к определенным положительным результатам. Ими может стать повышение конкурентоспособности, включение государств в глобальные процессы цифровой трансформации, выравниванию их уровня, расширению возможностей развития. К 2025 году прогнозируется повышение уровня совокупного ВВП на 11%, рост занятости в отрасли информационно-коммуникационных технологий увеличится на 66,4 процента, что почти на 50 процентов больше, чем в случае цифрового развития государств-членов без реализации совместной цифровой повестки (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный рост ВВП при внедрении национальных и региональных Цифровых повесток в 2018-2025 годах²

Год / критерии оценки	Рост международной пропускной способности Интернета	Рост проникновения фиксированного ШТД	Распространение электронной торговли
2018	0,55	0,8	0,44
2025	0,66	1,7	0,88
Прирост	0,11%	0,9%	0,44%

Рост занятости в ИКТ отрасли обеспечит до 2025 года дополни-

¹ СОЮЗ. Беларусь-Россия. Специальный проект rg.ru // URL: <https://rg.ru/soyuz/> (обращение к ресурсу: 10.11.2022)

² Обзор группы Всемирного банка «Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации» // URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Обзор%20ВБ.pdf> (дата обращения: 10.11.2022)

тельный рост общей занятости на 2,46 процента¹, а дополнительный прирост объема экспорта услуг ИКТ может составить до 74 процентов².

Реализация цифровой повестки потребует тщательной оценки перспектив и рисков цифрового пространства, гармонизации законодательства ЕАЭС, в частности, правил ведения трансграничной электронной торговли, а также национального законодательства в цифровой сфере, стимулирования ведения бизнеса в цифровой форме, координации действий в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и прав потребителей цифрового рынка, а также включения вопросов регулирования сотрудничества в сфере цифровой экономики в повестку дня торговых переговоров Союза с третьими странами. Необходимо тщательно урегулировать электронное взаимодействие налоговых органов, органов записи актов гражданского состояния, для решения коллизий в рамках ЕАЭС.

В качестве примера можно привести коллизии в семейном законодательстве, а именно заключение двойных браков между гражданами стран-членов ЕАЭС. В целом, можно отметить высокие показатели миграции в данном регионе (табл. 3).

Таблица 3

Число прибывших в РФ граждан государств-членов ЕАЭС³

Страна / год	2019	2020	2021
Армения	71984	56511	70078
Беларусь	18428	14536	23120
Казахстан	86311	64493	72668
Киргизия	53810	45676	61101

В Российскую Федерацию прибывает значительное количество

¹ Обзор группы Всемирного банка «Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации» // URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Обзор%20ВБ.pdf> (дата обращения: 10.11.2022)

² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Gks.ru: информ.-справочный портал. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 09.11.2022)

³ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Gks.ru: информ.-справочный портал. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 09.11.2022)

мигрантов, не указывающих свое семейное положение. Следовательно, такие лица могут быть возможными нарушителями семейного законодательства. Создание единой базы данных по актам гражданского состояния позволило бы решить данные коллизии и, в какой-то степени, повысить уровень правосознания среди населения.

Следует отметить, что практика развития правового регулирования информационных отношений в РФ, реализация принципа импортозамещения в сфере информационных технологий вступают в противоречия с процессами евразийской интеграции, с созданием единого рынка услуг в сфере разработки программного обеспечения.

Цифровизация экономик, безусловно, способствует их динамичному росту, повышению конкурентоспособности. Но, с другой стороны, значительно усложняются процедуры учета, контроля и налогообложения, что в том числе может повлечь за собой потери бюджетов. Тогда как излишняя зарегулированность этого процесса может снизить инвестиционную привлекательность наших стран. Цифровизация экономических процессов обуславливает необходимость разработки и применения новых сбалансированных механизмов налогообложения и налогового администрирования на пространстве Союза.

Можно сделать вывод о том, что, несмотря на сложности, риски и противоречия, цифровая повестка окажет существенное влияние на экономику государств-членов ЕАЭС.

В итоге можно сказать, что для реализации цифровой повестки необходимо подписание соглашений и их практическое выполнение по следующим направлениям:

1. Унифицировать законодательство о персональных данных и различных видах тайн, для возможности обмена данными внутри ЕАЭС.
2. Создать и вести единую систему нормативно-справочной информации Союза.
3. Создать единое платежное пространство, а именно: альтернативную систему для финансовых расчетов, интегрировать платежные системы по карточным операциям и создать единую валюту.
4. Отменить роуминг на территории Союза.
5. Создать общие информационные ресурсы, на примере Телеканала Союзного государства «БелРос».

6. Создать реестр для межгосударственного обмена данными и электронными документами.
7. Создать полноценное электронное правительство.
8. Создать «хайтек-университет».
9. Обеспечить электронное взаимодействие налоговых органов, органов записи актов гражданского состояния, например, в виде единой базы данных ЕАЭС.
10. Создать совместный банк ДНК-данных - единой базы данных хранения геномной информации и проведение обязательной государственной геномной регистрации всех лиц, хотя бы однажды совершивших преступление для ускорения раскрытия преступлений в рамках Союза.

4.5. Юридическая терминология в условиях цифровизации правового регулирования

Современный мир, в отличие от прошлых лет, меняется ежедневно и ежечасно и эти изменения затрагивают практически все сферы жизнедеятельности социума. Ключевые современные технологии - это цифровизация общественных связей и процессов. Эти технологии оказывают влияние на сферы государственного управления, здравоохранения, промышленности и т.д., при этом они определенным образом влияют на язык, в том числе в сфере правового регулирования.

Как динамическое явление, язык права постоянно развивается и адаптируется к новым реалиям, при этом каждый период в отечественной истории накладывает свой отпечаток на правовое общение и юридическую терминологию.

В современном мире привычные для человечества способы коммуникации во многих ситуациях заменяются общением в цифровом пространстве. Ввиду этого возникает необходимость совершенствовать современные правовые нормы путем введения новых дефиниций в юридический тезаурус. Данная проблема является актуальной для современной реальности, поскольку в данный момент человечество находится на переходном этапе – значительная часть правоотношений перемещается в цифровое пространство. Грамотное и мобильное пополнение юридического терминологического словаря поз-

волит эффективно регулировать формирующиеся в цифровом пространстве правоотношения.

В связи с развивающейся цифровой экономикой в России юридический понятийно-терминологический аппарат уже претерпевает определённые изменения. В этом случае они [изменения] обусловливаются применением технологий сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде. Однако стоит отметить, что цифровые технологии в России все же находятся в начале своего пути, поэтому дальнейшие трансформации юридического языка требуют глубокого научного осмысления и концептуализации. При этом необходимо прогнозировать возможные изменения и опережать их.

Сам процесс перехода привычных правоотношений в цифровое пространство ведётся со времени широкого распространения сети Интернет. В начале 2000-х годов государство впервые принимает попытки урегулировать правоотношения, возникающие в сети Интернет. Так, 27 июня 2006 года в России принимается Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который закрепил основные определения, на которых базируется современное Российское цифровое пространство. Данный федеральный закон фиксирует такие базовые понятия, как *информация, информационные технологии, электронное сообщение, электронный документ, сайт в сети «Интернет»*¹ и др. Эти слова мы слышим и употребляем регулярно; в свою очередь, закрепление указанных понятий позволяет урегулировать отношения, которые складываются в новом для настоящего времени сетевом пространстве.

С каждым годом цифровые технологии все больше развиваются и затрагивают все новые сферы человеческой деятельности. Одним из примеров возникновения новых отношений в цифровом пространстве может служить появление криптовалюты. В отличие от привычных инвестиционных инструментов, криптовалюта является исключительно цифровой валютой, то есть она не выпускается каким-либо государством и не привязана к определенной территории. Криптовалюта существует исключительно в цифровом пространстве.

¹ Федеральный закон от 27.06.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Ст. 2. // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 14.02.2022).

До 2020 года законодатель никак не мог урегулировать отношения, связанные с криптовалютой, поскольку отсутствовало ее определение. Следствием данного пробела являлась возможность легкого использования цифровой валюты криминальным сегментом «всемирной паутины».

31 июня 2020 года был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который закрепил дефиниции *цифровой валюты (криптовалюты)*, *цифровых финансовых активов* и др.: *цифровая валюта* – «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам»¹; *цифровые финансовые активы* – «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы»².

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Ст. 1. //СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 14.02.2022).

² Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

Представляется, что указанные дефиниции очень важны, так как именно они определяют предмет регулирования вышеуказанного закона. Урегулировав данные «новые» правоотношения в цифровом пространстве, государство смогло обезопасить себя от злоумышленников и получило возможность влиять на процесс оборота цифровой валюты и цифровых активов.

Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» также содержит ряд терминов по существу не являющихся юридическими, вместе с тем закрепление их в законе придает им статус норм-дефиниций. Например, в пункте 2, статьи 2 данного закона закрепляется правовая дефиниция цифровых инноваций, которая трактуется как новые или существенно улучшенные и охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности, а также новый метод или процесс, в организации в деловой практике и производстве¹.

Существует еще масса примеров юридизации цифровой терминологии, так как современное законодательство, придающее юридическое значение терминам, призванным обеспечить реализацию цифровых технологий, достаточно разнообразно и продолжает развиваться, но уже сегодня действует более пятидесяти Федеральных и региональных правовых актов².

сийской Федерации». Ст. 1 // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 14.02.2022).

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 14.02.2022).

² См., например, Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 29.05.2019 № 102-ФЗ «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года»; Федеральный закон от 23.05.2020 № 151-ФЗ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»; Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в ста-

В целом, поводя итог выявлению основных трендов в развитии цифровизации юридической терминологии, следует обратить внимание на ряд закономерностей данных процессов, имеющих важное значение для современного правового регулирования.

Во-первых, цифровизация юридической терминологии это объективно-субъективный процесс придания юридических свойств, терминам, обеспечивающие действие цифровых технологий.

Во-вторых, реализация юридических терминов в цифровом пространстве может устанавливать, изменять и прекращать правоотношения.

В-третьих, объем понятий используемых в области цифровых технологий сточки зрения права и с точки зрения информатики может существенно отличаться друг от друга, что «размывает» (необоснованно расширяет или ограничивает содержание понятия или его объем) юридический смысл понятий.

Так, в п.2 статьи 1 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплено понятие «цифровые финансовые активы» в качестве которых «законом признаются цифровые права»¹. Вместе с тем, понятие цифровых прав, закрепленное в нормодефиниции статьи 141.1. Гражданского кодекса Российской Федерации сформулировано расширительно, с учетом терминологии цифровых технологий, как «обязательственные и иные права в пределах

ты 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»; Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022).; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»); Указ Президента РФ от 10.12.2020 № 778 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и др. // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 14.02.2022)

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 14.02.2022).

информационных систем», т.е. эти права могут иметь и не финансовый характер¹.

Следовательно, чтобы избежать коллизий в реализации права, связанного с цифровыми технологиями, целесообразно, подробно юридизировать не только цифровые термины, но и содержание цифровых понятий.

В целом, цифровизация права и юридизация цифровых понятий, становятся «необходимым атрибутом упорядочения общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности общества»², и в этих условиях своевременное пополнение юридического тезауруса, является важнейшей задачей государства, по адекватному отражению цифровых технологий в правоотношениях. Обогащение языка права, связанное с появлением новых реалий, вполне объективно и необходимо, так как закрепление «правовых неологизмов» имеет юридическое значение, а применение цифровых технологий заставляет законодателя закреплять эти термины оперативно, поскольку правоотношения в цифровой среде развиваются стремительнее, чем в реальном пространстве.

4.6. Процессы цифровизации в правовом регулировании образовательных отношений

Динамика общественных отношений внедрение в повседневную жизнь достижений науки и техники требуют кардинального изменения системы правового воздействия на общественные отношения. Новое средство правового регулирования – цифровое право, становится необходимым атрибутом упорядочения общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности общества. В 2017 году Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. В целях её реализации 28 июля 2017 г. Правительством РФ была разработана программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 14.02.2022).

² Головкин, Р. Б., Манохин, В. С. Цифровое право: регулирование образовательных отношений // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 129.

которой одним из базовых векторов развития указано образование. Несомненно, это важная составляющая информационного общества: воспитание поколения, интегрированного в цифровую экономику и знающее все её нюансы. Однако для этого необходимо активное реформирование всей системы образования: создание новых базовых компетенций и внедрение их в учебные планы, активное развитие дистанционного и электронного обучения, предоставление обучающимся возможности создания индивидуальных планов обучения и т.д. Все это требует особого урегулирования на законодательном уровне.

Цифровизация активно воздействует на сферу правового регулирования, потому что возникают новые явления, которые требуют упорядочивания¹ и систематизации, в особенности это касается образовательной сферы, так как она является фундаментом, создающим систему ценностных ориентиров у формирующихся личностей. Активное развитие цифровой сферы требует от права постоянного развития, создания новых институтов, дефиниций, инструментов для регулирования. Для развития цифровой экономики требуются высококвалифицированные кадры, обладающие высоким уровнем цифрового правосознания и обширными знаниями в сфере IT. Обучение таких специалистов должно происходить с использованием современных технологий и активного взаимодействия с цифровой средой. В связи с этим целесообразно сформировать и закрепить такое направление как «Цифровое образование».

Основным законом, регулирующим образовательную деятельность, является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Он закрепляет основополагающие понятия, систему образования, уровни, органы государственной власти, ответственные за контроль и разработку методических рекомендаций². В данном нормативном правовом акте также упоминается дистанционные образовательные технологии и электронное обучение. Ключевым различием двух явлений выступает взаимодействие студента и преподавателя: в первом случае оно опосредовано, а во втором - непосредственное.

¹ Хабриева, Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9 (261). – С. 10.

² Ломовцева, Н.В. Развитие цифровых образовательных технологий в контексте федеральных и национальных программ и проектов / Н.В. Ломовцева, О.В. Ушакова // Наука. Информатизация. Технологии. Образование. – Екатеринбург: РГППУ, 2019. – С. 110–115.

Также, согласно Приказу Минобрнауки России от 23.08.2017 N 816 существует отдельный перечень профессий, которые не могут проходить электронное обучение. Сами программы для такого образования формируются учебным заведением самостоятельно, а местом осуществления образовательной деятельности является место нахождения организации.

В.И. Солдаткин говорит о том, что нельзя говорить о «цифровом образовании», так как понятие аналогично «электронному обучению», которое тоже несамостоятельно, а является в свою очередь одной из форм реализации образовательных программ¹. Однако стоит не согласиться с данной точкой зрения, так как нельзя приравнивать две эти дефиниции. Как уже было указано электронное обучение лишь форма реализации, а «цифровое образование» самостоятельный процесс, который может осуществляться с применением дистанционных технологий². В данном случае реализовываться будут цифровые образовательные программы, которые предъявляют иные стандарты обучения отличные от существующих программы обучения. Поэтому терминологически понятие «цифровое образование» шире.

Также, стоит сказать о существующей Концепции информационной безопасности детей, которая говорит о необходимости обучения и воспитания детей с целью минимизации возможного ущерба в сети Интернет. Общее образование первый и наиболее значимый этап на пути формирования личности, поэтому такое пристальное внимание уделяется уменьшению негативной информации в цифровой среде. Существует Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», который создан в целях противодействию негативной информации, а также созданию единой системы возрастной маркировки. Многие исследователи безопасности детей в информационной среде отмечают, что именно «Концепция информационной безопасности детей» наиболее полно отражает задачи государственной политики, так как невозможно полностью защитить несовершеннолетних от вредной информации, необходимо обу-

¹ Солдаткин, В.И. Цифровое образование в России: матрица невозможностей / В.И. Солдаткин // Человеческий капитал в формате цифровой экономики. – Москва: Российский новый университет, 2018. – С. 266.

² Фарафонтова, Е.В. Место цифрового образования в правовом поле России / Е.В. Фарафонтова, Д.А. Безуглов, А.В. Журавлев // Образование и наука в современных реалиях. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 411.

чить их работать в сети «Интернет»¹. Для этого требуется создать цифровые стандарты образование и серьезно усилить техническое оснащение школ.

Одной из ключевых инициатив государственной власти, стала разработка и принятие Национального проекта «Образование». Ключевым направлением деятельности можно выделить создание современной инфраструктуры и всесторонняя переподготовка и повышение квалификации педагогических работников. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» создан для внедрения современных цифровых технологий в современный образовательный процесс, а также создания сети центров цифрового образования².

Большую актуальность приобретает правовое регулирование вопросов, связанных с «цифровым образованием», часть из которых напрямую связаны с системными проблемами Интернета. Так, учащийся должен подтвердить свою личность, чтобы получить доступ к программам обучения, то есть необходимо будет выработать механизм авторизации. При выполнении им контрольных или экзаменационных вопросов важно создать систему контроля, которая укажет самостоятельно ли учащийся решал работу или нет. Помимо прочего, учебным заведениям придется самостоятельно заботиться о защите персональных данных. В 2016 году разработан проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации»³, который создан с целью объединения всех имеющихся онлайн-курсов на единой платформе. В настоящее время большая часть онлайн-обучения осуществляется путем проведения вебинаров и, к сожалению, их количество недостаточно высоко.

Таким образом, для осуществления Стратегии развития информационного общества необходимо на законодательном уровне урегулировать вопросы образования и подготовки высококвалифицирован-

¹ Бородин, К.В. Правовое обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети «Интернет» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 25(380). – С. 58–59; Рыдченко, К.Д. Понятие информационно-психологической безопасности несовершеннолетних в отечественной правовой системе // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 176–182.

² Национальный проект «Образование» // Минпросвещения России. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/> (обращение к ресурсу: 01.11.2022).

³ Современная цифровая образовательная среда. – URL: <http://neorusedu.ru/> (обращение к ресурсу: 25.10.2022).

ных кадров. Разработка и принятия закона «О цифровом образовании в РФ» решило бы многие из вышеперечисленных проблем.

Прежде всего, в условиях цифровизации активно трансформируются все традиционные элементы образования. Появляется электронное обучение, активная компьютеризация и улучшение технического оснащения всех учебных заведений: по данным Высшей школы экономики в 2017 году на 100 школьников приходилось 13 компьютеров, а более 90% школ имели постоянный доступ в Интернет¹. Согласно Национальному проекту «Образование», будет увеличиваться количество сельских школ, оборудованных современной материально-технической базой; увеличится скорость соединения сети Интернет во всех образовательных организациях (в городах не менее 100 Мб/с, в сельской местности не менее 50 Мб/с)². Подобные изменения требуют трансформации существующих образовательных стандартов и программ, в особенности изменения порядка проведения камеральных проверок, которые позволяют оптимизировать надзор за осуществлением процесса обучения, путем дистанционной проверки учреждений. Все вышеназванные факты требуют, прежде всего, закрепления основополагающих понятий в Федеральном законе «О цифровом образовании». При этом, сформулированные дефиниции должны не только опираться на особенности регулирования цифровой среды, но и на понятийный аппарат, указанный закрепленный в Федеральном законе «Об образовании в РФ».

В связи с данными обстоятельствами предлагаем закрепить на уровне федерального закона ряд норм-дефиниций составляющие основу цифрового образования. Во-первых, **цифровое образование** – *это основанная на нормах права цифровая форма образовательной деятельности, выраженная в системе обучения с использованием инновационных цифровых технологий, выработки навыков работы в цифровой среде.*

Как и классическое образование, цифровому необходимо сформировать определенные стандарты обучения, по которым человек и будет учиться взаимодействовать с цифровой средой: **цифровой об-**

¹ Обеспеченность школ компьютерной техникой. – URL: <https://ioe.hse.ru/news/204222268.html> (обращение к ресурсу: 05.11.2022).

² Национальный проект «Образование» // Минпросвещения России. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/> (обращение к ресурсу: 01.11.2022).

разовательный стандарт – это система предусмотренных законодательством обязательных требований к цифровому образованию по специальностям и направлениям подготовки, утвержденных образовательными организациями высшего образования; **цифровая образовательная программа** – это предусмотренный законодательством комплекс основных характеристик цифрового образования, который представлен в виде электронного учебного плана, образовательных цифровых платформ, содержащих рабочие программы и учебный календарь, а также автоматизированных систем проверки и оценивания знаний.

Кроме того в дефинитивном правовом ряду целесообразно определить и то место, где будет происходить обучение, то есть целесообразно говорить об определенном цифровом ресурсе, на котором обучающийся будет получать все необходимые знания, в данном случае правильно будет их назвать **цифровыми образовательными платформами** – это закрепленные в законодательстве онлайн-платформы, созданные компетентными органами совместно с образовательными организациями и прошедшие государственную аттестацию, обеспечивающие взаимодействие субъектов цифрового образования, а также доступ к цифровым образовательным программам.

Во – вторых, такое понятие как «субъекты цифрового образования» определяется в зависимости от способа их авторизации в системе цифрового образования, то есть как обучающийся и педагогический работник будут подтверждать свою личность. Однако, так как платформы будут создаваться на базе образовательных учреждений, то необходимость аутентификации педагогического работника исчезает. Тем не менее определять «**субъектов цифрового образования**» целесообразнее через дефиниции, заложенные в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», то есть *это обучающиеся и педагогические работники, зарегистрированные на цифровых образовательных платформах и подтвердивших свою личность.*

В – третьих, имеет смысл закрепить правовое положение онлайн-курсов, так как их количество ежегодно растет и возникает особенная потребность в урегулировании данного явления. Онлайн-обучение, за счет своей гибкости и разносторонности может существенно расширить кругозор обучающегося и дать знания и навыки из различных областей, при этом преподаватель и студент могут нахо-

даться в разных странах и лично не контактировать¹. Так, согласно некоторым исследованиям, рынок онлайн-образования увеличивается ежегодно на 60%, а наибольший спрос приходится на курсы по иностранным языкам (в среднем люди тратят на них по 9874 рубля); также, согласно проведенному опросу, около 40% людей хотели бы в будущем обучаться онлайн². Поэтому необходимо законодательно регулировать данный растущий рынок и закрепить правовое положение онлайн-курсов, избежав их строгого регламентирования. Наиболее правильно будет сформировать комиссию по сертифицированию данных образовательных программ и оценивать те знания и навыки, которые они могут дать.

В-четвертых, исходя из изложенного, предлагаем сформировать и закрепить законодательно цифровую платформу «Единое цифровое образование», которая содержала бы информацию о всех сертифицированных онлайн-курсах, имеющихся цифровых образовательных программ. Данная платформа поможет всем желающим ориентироваться в многообразии имеющихся вариантов «Цифрового образования».

С учетом представленных предложений и умозаключений представляется, что основу организации и контроля цифрового образования составляет цифровое право с помощью которого, регулируются образовательные отношения. Как представляется, в связи с данным обстоятельством, и для эффективной цифровизации образования, важной задачей государства является принятие закона «О цифровом образовании в Российской Федерации», который необходим для подготовки высококвалифицированных кадров и дальнейшего развития цифровых отношений.

4.7. Правовое регулирование и квантовые технологии

Право – это универсальный регулятор общественных отношений, сопровождающий взаимодействие индивидов и организация на

¹ Фарафонтова, Е.В. Место цифрового образования в правовом поле России / Е.В. Фарафонтова, Д.А. Безуглов, А.В. Журавлев // Образование и наука в современных реалиях. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – ISBN 978-5-6040397-7-9. – С. 412.

² Онлайн-образование (рынок России). – URL: <http://www.tadviser.ru> (дата обращения: 01.11.2022).

протяжении тысячелетий. Изменения в общественных отношениях, требуют изменений и в правовом регулировании. Скачкообразное развитие науки и техники в начале третьего тысячелетия актуализирует процессы своевременного и перспективного правового обеспечения, «встраивания» новых достижений науки в общественные отношения путем правовой регламентации. Но на этом пути имеются ряд проблем, которые не позволяют адекватно и эффективно осуществить указанные процессы. Среди данных причин ведущее место занимают имеющиеся доктринальные и практические противоречия во внедряемых в общественные отношения инновациях.

Ряд современных правовых актов Российской Федерации программного характера неоднократно среди перспектив развития российского общества называет развитие и внедрение в социальную действительность квантовых технологий¹. Данное направление развития общества является приоритетным во всем мире, так как квантовые технологии, основа современного экономического и социального развития общества. В начале двадцать первого века мировым лидером в сфере использования квантовых технологий выступают США, в области квантовых исследований лидирующие позиции занимает Китай². В связи со сложившимися мировыми технологическими трендами, представляется, что задача отечественной науки и практики – это создание конкурентоспособных моделей развития ключевых технологических перспектив, среди которых, одно из ведущих мест, занимают квантовые технологии.

¹ См., например. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 16.12.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2020); Постановление Правительства РФ от 03.05.2019 № 551 (ред. от 19.12.2019), «О государственной поддержке программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий»; Приказ Минфина России от 29.11.2019 № 207н (ред. от 29.12.2020) «Об утверждении кодов (перечней кодов) бюджетной классификации Российской Федерации, относящихся к федеральному бюджету и бюджетам государственных внебюджетных фондов Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2020 № 57094), и др. http://www.consultant.ru/law/podborki/kvantovye_tehnologii/ (обращение к ресурсу: 25.03.2022).

² Китай лидирует в области квантовых технологий. <https://www.securitylab.ru/news/517454.php> (обращение к ресурсу: 24.03.2022).

Квантовые технологии многообразны и противоречивы, как с точки зрения науки, так и неоднозначны в воплощения их на практике. И если понятие кванта, на основании его существенных признаков в физике, в целом, выработано и интерпретируется, в основном, как неделимый элемент какой-либо физической величины¹, то объем данного понятия является дискуссионным. Неоднозначность объема понятия кванта (то ли частица, то ли физическая величина, энергия) привела к тому, что в современной физике данный термин используют лишь по традиции². Тем не менее, результаты исследований в квантовой физике нашли широкое технологическое применение в различных сферах общественной практики: в атомной энергетике, в производстве микроэлектроники, в оптике, лазерной техники и др. К началу двадцать первого века сформировался еще целый ряд перспективных направлений развития этих технологий и данные процессы не останавливаются ни на минуту и сегодня³.

В целях обеспечения квантового технологического роста нашей страны государством предпринимаются определенные шаги в том числе и в сфере правового регулирования. Так, министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации была сформулирована и утверждена «Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «квантовые технологии», где осуществлена попытка более точно определить направления правового регулирования квантовых технологий⁴. По мнению авторов указанной дорожной карты для успешного внедрения и эффективного правового регулирования квантовые технологии целесообразно делить на три базовых субтехнологии: квантовые вычисления, квантовые коммуни-

¹ Ландау, Л.Д., Лифшиц, Е. М. Квантовая механика (нерелятивистская теория). «Теоретическая физика», том III - Издание 6-е, исправленное. – М.: Физматлит, 2014. – С.5.

² Квант. <https://indicator.ru/label/kvant> (обращение к ресурсу: 24.03.2022).

³ «Ростелеком», ФИПС и «Иннопрактика» представили итоги исследования патентного ландшафта по квантовым технологиям <https://www.comnews.ru/content/202540/2019-10-23/2019-w43/rostelekom-fips-i-innopraktika-predstavili-itogi-issledovaniya-patentnogo-landshafta-kvantovym-tekhnologiyam> (обращение к ресурсу: 24.03.2022).

⁴ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «квантовые технологии» принята министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в 2019г. // <https://digital.gov.ru/ru/documents/6650/> (обращение к ресурсу: 25.03.2021).

кации и квантовые сенсоры и метрология. Квантовые вычисления рассматриваются с точки зрения использования квантовой механики для создания квантовых компьютеров, которые позволят максимально ускорить решение вычислительных задач в сфере кибербезопасности, искусственного интеллекта и т.д. Квантовые коммуникации трактуются в дорожной карте как квантовые способы передачи и защиты информации. Квантовые сенсоры и метрология – это система измерительных инструментов использующих для измерений квантовые эффекты¹.

Думается, что, рассматриваемая дорожная карта вполне конкретизирует объем квантовых технологий, подлежащих государственному стимулированию. Следовательно, указанные направления подлежат правовому регулированию. Между тем, в рассматриваемом документе, в качестве механизмов обеспечения реализации дорожной карты названы научные, технические, организационные и экономические средства, а право, которое должно регулировать эту деятельность, авторами не предусмотрено в принципе!

Кроме того, дополнительную понятийную неопределенность в правовом регулировании квантовых технологий создает ситуация, когда на уровне постановления Правительства Российской Федерации квантовые технологии рассматриваются как часть понятия «сквозные технологии», которые рассматриваются в виде особо-важных научно-технических направлений деятельности, которые оказывают существенное влияние на развитие рынков цифровой экономики, среди которых называются и квантовые технологии². Дело в том, что в соответствии с требованиями Национального стандарта Российской Федерации «Терминологическая работа» признаки формирующие содержание понятия должны коррелировать всем объектам, образующим объем понятия, при этом все должны учитываться необходимые характеристики учитываются для всех объектов, включаемых в объем

¹ Там же.

² П.2 Постановления Правительства РФ от 15.12.2020 № 2110 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидии на проведение повышения квалификации преподавателей высшего и среднего профессионального образования по новым программам для ИТ-специальностей и различных предметных отраслей и обеспечение достижения отдельных результатов федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» на базе автономной некоммерческой организации высшего образования «Университет Иннополис» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу 29.03.2022).

понятия, то есть они должны соответствовать тем свойствам, которые все объекты должны иметь в указанном объеме¹. Иными словами, понятие «сквозные технологии» по объему, вроде бы шире, но по целевой сути данной дефиниции, не охватывают в полной мере объема понятия образуемого объектами, включаемыми в понятие «квантовые технологии». Следовательно, правовое регулирование в этом случае превращается в своего рода химеру: правовым актом (постановлением Правительства РФ) устанавливается перспектива развития цифровой экономики с помощью относительно неопределенного инструмента, название которого обозначено и юридически закреплено, а объем, образующий сущность квантовых технологий, не определен.

Неоднозначность сущности и явлений квантовых технологий требует взвешенных подходов к правовому обеспечению данных процессов, выражающихся, прежде всего, в максимальной конкретизации, предмета, метода, содержания и субъектного состава правоотношений в связи с квантовыми технологиями.

В какой-то степени, указанные пробелы в правовом регулировании устраняет Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». И, хотя, в тексте самого закона использование квантовых технологий не рассматривается как предмет его правового регулирования², тем не менее, постановлением Правительства РФ «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций»³, квантовые технологии относятся к сфере регулирования данного закона, причем в пункте 3 данного постановления конкретизируются квантовые технологии на которые распространяется действие ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», это квантовые вычисления и квантовые коммуникации.

¹ П.5.4.5 «Необходимые, достаточные и существенные характеристики понятий» // ГОСТ Р ИСО 704-2010 Национальный стандарт Российской Федерации «Терминологическая работа». // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 29.03.2021).

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 29.03.2022).

³ П.3.Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 29.03.2022).

Применительно к развитию квантовых технологий согласно п.1. Статьи 2 названного ФЗ может быть установлен экспериментальный правовой режим, который предусматривает возможность специального правового регулирования в сфере квантовых вычислений и квантовых коммуникаций¹. Анализ рассматриваемого правового акта позволяет заключить, что это закон, закрепляющий, в большинстве своем, ряд основополагающих исходных правовых норм, определяющих, цели, задачи, дефиниции и общие принципы перспективного регулирования инноваций, в том числе квантовых технологий. В целом, данный закон - это необходимая ступень в развитии правового регулирования в сфере инноваций в России, в том числе, и развития квантовых технологий. Вместе с тем, как представляется, для поступательного развития квантовых технологий и внедрение их в общественные отношения требуется нормативно-правовая конкретизация этой деятельности в специальном нормативном правовом акте, посвященном регулированию квантовых технологий. В предлагаемом правовом акте необходимо закрепить понятие «квантовые технологии», квантовые технологии как объекты правоотношений, определить круг правоотношений, возникающих на основе разработки использования квантовых технологий, определить круг субъектов правоотношений, возникающих на основе разработки и использования квантовых технологий, содержание правоотношений, возникающих на основе разработки и использования квантовых технологий, и другие элементы системы правового регулирования, конкретизирующие и правовое воздействие на данную сферу общественных отношений, и т.д.

Важным направлением правового регулирования квантовых технологий является сфера юридического закрепления достижений в сфере квантовых технологий – это патентное законодательство и работа на его основе по обеспечению защиты отечественных приоритетов в сфере квантовых технологий. Сегодня, в области патентования квантовых технологий доминируют США и Китай². Российская Федерация, пока отстает в данной области правоотношений. Данное обстоя-

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 29.03.2022).

² Китай в два раза обошел США по числу патентов на квантовые технологии http://www.stoletie.ru/lenta/kitaj_v_dva_raza_oboshol_ssha_po_chislu_patentov_na_kvantov_je_tehnologii_795.htm (обращение к ресурсу: 24.03.2022).

ительство, обуславливается многими научными, социальными, экономическими, техническими, в том числе и юридическими обстоятельствами в области патентной политики.

Отечественное патентное право это подотрасль гражданского законодательства, его основы отражены в главе 72 гражданского кодекса Российской Федерации¹. Казалось бы, что в соответствии со статьей 1349 ГК РФ – квантовые технологии потенциально могут выступать объектами патентных прав, так как являются результатом интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере². Вместе с тем, в целом, квантовые технологии не могут регулироваться патентным правом, т.к. они, во-первых, не монолитны, как показал краткий анализ, их достаточно большое количество. Во-вторых, многие квантовые технологии имеют правовой статус части или целого открытия, патентование и защита которых не предусматривается патентным правом. Так, согласно пункту 5 статьи 1350 гражданского кодекса Российской Федерации открытие не является объектом патентования и правовой защиты³. Следовательно, чтобы обеспечить правовую защиту квантовых технологий в качестве патентования изобретений, требуется конкретизация самих технологий. Кроме того, требует дополнительного правового регулирования механизмы использования конкретных квантовых технологий, закрепленных патентами других государств.

Аналитики подсчитали, что на сегодняшний день в патентных документах встречается более двухсот тысяч упоминаний квантовых технологий, при этом действительно запатентованных квантовых решений всего около четырех тысяч⁴. Подобная картина складывается и в сфере правового регулирования общественных отношений, связанных

¹Глава 72 «Патентное право» // «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 31.03.2022).

²Статья 1349 ГК РФ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 31.03.2022).

³П. 5. статьи 1350 ГК РФ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2021) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 31.03.2022).

⁴Патентный ландшафт «Квантовые технологии» с. 27. //www.comnews.ru/content/202540/2019-10-23/2019-w43/rostelekom-fips-i-innopraktika-predstavili-itogi-issledovaniya-patentnogo-landshafta-kvantovym-tekhnologiyam (обращение к ресурсу: 24.03.2022).

с квантовыми технологиями к настоящему моменту уже существует уже более двух десятков правовых актов, только в отечественном законодательстве¹, а реально правовое обеспечение данного важного направления технологического развития России фактически отсутствует.

В связи с изложенными обстоятельствами представляется необходимым осуществить ряд юридических мероприятий, направленных на обеспечение правопорядка в развитии квантовых технологий.

Во-первых, необходимо создать комплексный правовой акт, который бы закрепил необходимый понятийно-категориальный аппарат, обеспечивающий нормативное понимание того, какие объекты и отношения необходимо регулировать в сфере квантовых технологий. Например, с учетом проведенного исследования можно предложить закрепить следующие дефиниции:

Квантовые технологии как объекты правоотношений - это совокупность квантовых вычислений, квантовых коммуникаций, кванто-

¹ Например: Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021 - 2030 годы)»; Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 16.12.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2020); Постановление Правительства РФ от 15.12.2020 № 2110 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидии на проведение повышения квалификации преподавателей высшего и среднего профессионального образования по новым программам для ИТ-специальностей и различных предметных отраслей и обеспечение достижения отдельных результатов федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» на базе автономной некоммерческой организации высшего образования «Университет Иннополис»; Постановление Правительства РФ от 11.12.2020 № 2080 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российскому юридическому лицу на проведение анализа развития зарубежных разработок обеспечения информационной безопасности в целях защиты информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе нанотехнологий, высокопроизводительных вычислительных систем, а также перспективных средств радиоэлектронной борьбы»; Распоряжение Правительства РФ от 06.06.2020 № 1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года»; Постановление Правительства РФ от 03.05.2019 № 551 (ред. от 19.12.2019) «О государственной поддержке программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий», и др. // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу:28.03.2022).

вых сенсоров и метрологии, которые отражаются в праве и обеспечиваются государством.

Правоотношения, складывающиеся по поводу разработки и использования квантовых технологий – это совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу разработки и внедрения в практику квантовых технологий.

Субъекты правоотношений, складывающихся по поводу разработки и использования квантовых технологий - это коллективные и (или) индивидуальные лица, наделенные государством субъективными правами и юридическими обязанностями по поводу разработки и реализации в общественных отношениях квантовых технологий.

Во-вторых, необходимо внести соответствующие изменения и дополнения, в патентное законодательство, которое должно в полной мере обеспечивать максимальную защиту интересов государства, а не частных лиц в сфере квантовых технологий.

В-третьих, отечественное законодательство и правоприменительная практика должны обеспечивать использование квантовых технологий, запатентованных за рубежом.

Таким образом, правовое регулирование в сфере обеспечения развития квантовых технологий, пока имеет множество пробелов, которые необходимо устранить с помощью нормативного восполнения. Право, подобно кванту трансформируется, из одной формы бытия в другую: существуя в виде законодательных предписаний - право представляет собой информацию о поведении, а обращение к праву объективирует его в поведение участников правоотношений. Право это инструмент государства в воздействии на ключевые направления развития самого государства и общества, в целом, поэтому создание новых правовых актов, предусматривающих четкие процедуры их реализации должны обеспечить упорядочение и стимуляцию развития квантовых технологий в Российской Федерации.

*С учетом проведенного исследования можно заключить, что **право квантовых технологий** – это система правовых (нормативных и ненормативных) актов, регулирующих деятельность по правовой защите, систематизации упорядочению, организации и внедрения в общественную практику исследований и достижений в области квантовых технологий.*

4.8. Элементы организации правового регулирования с использованием искусственного интеллекта

С тех пор как человечество для улучшения своей жизни стало преобразовывать окружающий мир, инструменты, с помощью которых мир делается удобней для человека постоянно совершенствуется - от впервые, взятой в руки палки – до высоких технологий. Одной из важнейших, современных технологий, обеспечивающей улучшение условий жизни человечества - выступает искусственный интеллект. Искусственный интеллект (ИИ) от англ. *artificial intelligence, AI*): наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ; свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека¹.

Данная технология во всем мире стала ключевой, затрагивает широкий круг общественных отношений и различных процессов, происходящих в государствах, что обуславливает правовое регулирование вопросов, связанных с внедрением и эксплуатацией технологии ИИ. Признавая важность и необходимость развития технологии искусственного интеллекта (ИИ), руководством нашего государства за последние годы принят ряд правовых актов, направленных на создание нормативной правовой базы развития технологии искусственного интеллекта.

Среди исходных правовых установлений следует отметить: Указ Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»²; Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человекоинформаци-

¹ Искусственный интеллект
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82 (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

² Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу 21.11.20190 СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу 21.11.2022)

онное взаимодействие¹; Указ Президента РФ, содержащий «Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта»², и наконец принятый в октябре 2019 года Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», закрепивший «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»³.

Данный перечень правовых актов свидетельствует о динамичном развитии правового регулирования в перспективной сфере развития общественных отношений. Тем не менее, уже сам перечень названных правовых актов говорит о том, что регулирование отношений, связанных с развитием и использованием искусственного интеллекта находится лишь в самом начале своего становления.

Применение технологии искусственного интеллекта и ее элементов охватывает практически все сферы жизнедеятельности общества: от использования на бытовом уровне, например, реализация концепции «умного дома», до внедрения этой технологии и ее элементов в космические программы. Бурное развитие цифровых технологий, обуславливающих возможность внедрения в общественные, в том числе правовые, отношения искусственного интеллекта требует адекватного правового сопровождения данных процессов. Кроме того, необходимость развития правового регулирования в сфере применения ИИ-технологий (технологий искусственного интеллекта) обуславливается возможностью и необходимостью использования указанных технологий для организации самого правового регулирования общественных отношений.

ИИ-технологии уже начали активно использоваться в правотворческих и правоприменительных процессах зарубежных стран.

¹ "ГОСТ Р 43.0.8-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человекоинформационное взаимодействие. Общие положения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 27.07.2017 № 757-ст // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 20.11.2022).

² Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта (утв. Президентом РФ 12.06.2019 № Пр-1030) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 20.11.2022).

³ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу 21.11.2022).

Так, например, в Японии ИИ уже используется в работе парламента, где ИИ для создания нового закона анализирует и обобщает прошлые акты парламента¹. В Европейских странах широко внедряется технологии ИИ в правосудии, так, Советом Европы приняты Хартия о судебном применении ИИ и регламент этого применения².

В отечественных общественных отношениях, несмотря на слабую правовую обеспеченность, уже активно внедряются элементы ИИ-технологий в различных сферах правоотношений. Так, например, Сбербанк в апреле 2019 представил авторизированный ИИ в виде телеведущей Елены³. Сбербанком также широко применяется ИИ в осуществлении основной деятельности и кадровой политике⁴. ИИ уже применяется в отечественной медицине⁵ и образовании⁶. Элементы ИИ-технологий уже осуществляются в отечественной правоприменительной практике⁷.

В целом, налицо, складывается ситуация, когда динамично развивающиеся отношения опережают развитие законодательства. Президент РФ осознавая данную проблему издал Указ, закрепляющий Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, где устанавливается задача создания к 2030 году в Российской Федерации гибкой системы нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта, в том числе гаран-

¹ Искусственный интеллект помогает парламенту Японии в законотворчестве // <http://loft36.de/strany-evropy/1730440-iskusstvennyj-intellekt-pomogaet-parlamentu-yaponii-v-zakonotvorchestve.html> (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

² Например, Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы утвердила «Хартию о судебном применении искусственного интеллекта» // URL: rapsinews.ru/international_news/20181204/292074043.html. Также Совет Европы утвердил регламент применения искусственного интеллекта в правосудии. URL: https://pravo.ru/news/207390/?desc_autoload (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

³ Сбербанк с помощью ИИ предскажет выручку любой компании в России // <https://habr.com/ru/news/t/460293/> (обращение к ресурсу: 22.11.2019).

⁴ Сбербанк начал предсказывать увольнения искусственным интеллектом // <https://www.rbc.ru/finances/18/10/2019/5da8a01c9a79473da5aff893> (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

⁵ Приложение CoLive прогнозирует развитие диабета у людей с инвалидностью // <https://www.everest.ua/ru/ai-platform-2/health/> (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

⁶ Обзор применения ИИ в образовании // <https://leader-id.ru/knowledge/3/> (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

⁷ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 № 257 (ред. от 27.08.2019) «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений» // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

тирующая безопасность населения и направленная на стимулирование развития технологий искусственного интеллекта (п. 51)¹.

Поднятые в указе Президента проблемы активно обсуждаются научной общественностью. Так, 19 сентября 2019 г. в Москве прошла конференция, посвященная исследованию использования ИИ в юридической деятельности, отмечая как позитивные, так и негативные стороны этих процессов². 8-9 ноября 2019 в Москве пошел международный форум, посвященный искусственному интеллекту, на котором обсуждались мероприятия по реализации указанной стратегии. Также, в рамках конференции, проходило международное онлайн-соревнование, целью которого было создание алгоритма, приближенного к реализации универсального искусственного интеллекта³.

Анализ сложившейся ситуации с использованием ИИ и правом регулирования этих процессов, позволяет сделать вывод, что несмотря на уже принятие правовые акты и широкое обсуждение реализации ИИ-технологий в общественных отношениях, многие аспекты регулирования данных взаимосвязей остаются пробельными. В связи с данным обстоятельством необходима ускоренная разработка основополагающего правового акта, скорее всего, в виде федерального закона, который бы закрепил основы правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с использованием искусственного интеллекта. Особенности применения ИИ в различных отраслях правового регулирования целесообразно отразить в отраслевых правовых актах.

Думается, что прежде всего, формируемое законодательство, регулирующее использование технологии ИИ, должно сформировать четкий понятийно-категориальный аппарат, составляющий фунда-

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу 21.11.2022)

² Эксперты обсудили применение искусственного интеллекта в юридической практике // <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-obsudili-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-yuridicheskoy-praktike/> (обращение к ресурсу: 20.11.2022).

³ Киселев С. Сбербанк пригласил в Россию искусственный интеллект // http://www.ng.ru/economics/2019-11-07/100_133207112019.html (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

мент регламентации данного типа правоотношений. К настоящему моменту существующие правовые нормы-дефиниции, закрепляющие понятие искусственного интеллекта, представляются противоречивыми. Например, в Национальном стандарте Российской Федерации «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человекоинформационное взаимодействие» зафиксировано следующее определение: *искусственный интеллект* - это моделируемая (искусственно-воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека¹. В Указе Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (п.5 а), устанавливается, что *искусственный интеллект* - это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека².

В справочной литературе *искусственный интеллект*, чаще всего рассматривается как - свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека³.

Как видим, все представленные дефиниции отличаются ИИ и в обобщенном виде рассматривается как интеллектуальная деятельность (в стандарте), как комплекс технологических решений (Указ Президента) и как свойство созданных интеллектуальных систем (словарное значение). Разность определений на практике может затруднить правовое регулирование отношений с использованием ИИ. В соответствии с правилами правового регулирования и юридической

¹ ГОСТ Р 43.0.8-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человекоинформационное взаимодействие. Общие положения

(утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 27.07.2017 № 757-ст // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 20.11.2022).

² Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу 21.11.2022)

³ Аверкин, А.Н., Гаазе-Рапопорт, М.Г., Поспелов, Д.А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. – М.: Радио и связь, 1992. – 256 с.

иерархии безусловно необходимо пользоваться легальной дефиницией закрепленной в Указе Президента. Тем не менее, в представленном виде, данная дефиниция скорее будет «тормозить» развитие правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений, нежели его стимулировать. Во-первых, рассмотрение ИИ в качестве технологических решений, позволяет рассматривать ИИ только как средство, которое можно использовать для обеспечения совершенствования правового регулирования. ИИ как элемент объектов правового регулирования в представленной в указе формулировке блокируется. Во-вторых, представленная формулировка затрудняет рассмотрение объектно-субъектных связей участников правоотношений, в которых задействованы технологии ИИ. В-третьих, в рассматриваемой дефиниции нарушается правила формирования дефиниций – «определение определяемого неизвестного, через известное определенное», так как понятие «комплекс технологических решений» требует отдельной дефиниции сформулированной до дефиниции ИИ.

В целом, следует отметить в качестве позитивного момента само наличие легальной дефиниции, вместе с тем, представляется необходимым ее отредактировать, в соответствии с современными трендами интеграции ИИ в правоотношения. Думается, что легальный понятийно-категориальный аппарат должен учитывать потенциальную возможность относительно-самостоятельного участия ИИ в правоотношениях, так современная наука уже сегодня допускает такую возможность¹. По мнению ученых искусственному интеллекту человеческие ошибки и усталость, ИИ – путь к математически точной юриспруденции, безупречной законности². Более того, в некоторых странах искусственный интеллект уже юридически признан субъектом правоотношений, например, в Саудовской Аравии интеллектуально-

¹См., например, Eidenmueller Н. The rise of robots and the law of humans. Oxford Legal Studies Research Paper, 2017. No. 27. URL: <https://ssrn.com/abstract=2941001> (обращение к ресурсу: 22.11.2022). Макаров, О. ЕС предложили наделить роботов статусом «электронных лиц» // Интернет-издание «Газета РБК». URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/06/2016/576a725e9a7947a51464296b (обращение к ресурсу: 21.11.2022), и др.

² Глебов, И.Н. Искусственный юридический разум // URL: <https://humanlaw.ru/9-artide/26-artificial-intelligence.html> (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

му роботу было дано гражданство¹. И, хотя, многие исследователи подходят к вопросу наделения ИИ правосубъектностью очень осторожно и с большой долей скепсиса², тем не мене, уже сама постановка подобного вопроса, свидетельствует о том, что проблема назрела и необходимо готовить и юридическую теорию, и юридическую практику, к возможному участию ИИ в самостоятельных правоотношениях.

Анализ современной юридической действительности говорит о том, что она пока не готова к приятию ИИ в качестве субъекта права. Помимо опасностей угроз самостоятельного участия ИИ в правоотношениях, существует и ряд этических и технико-юридических проблем в связи с данным участием.

Во-первых, если ИИ будет признан субъектом правоотношений, то называть его искусственным неэтично, так же как неэтично называть, например, душевнобольных – дебилами, афроамериканцев – неграми, и т.д.) Подчеркивание искусственности субъекта правоотношения, автоматически ставит его в положение неравенства. В этой связи, этичнее было бы именовать ИИ как «цифровой разум».

Во-вторых, в правоотношениях участвуют не «естественные интеллекты», а люди, обладающие интеллектуальными качествами (по крайней мере, возможностью отдавать отчет своим действиям и руководить ими). Как указано в справочной литературе - *интеллект* (лат. *intellectus* – ум, рассудок, разум) – в общем смысле способность мыслить; в гносеологии – способность к опосредованному, абстрактному познанию, включающая в себя такие функции, как сравнение, абстрагирование, образование понятий, суждение, умозаключение; противостоит непосредственным видам познания – чувственному и интуитивному; в психологии – рациональное, подчиненное законам логики мышление; противостоит нерациональным сферам психики –

¹ Hatmaker T. Saudi Arabia bestows citizenship on a robot named Sophia // URL: <https://techcrunch.com/2017/10/26/saudi-arabia-robot-citizen-sophia> (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

² См, например, Габов, А.В., Хаванова, И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – С.222; Сычева, О.А Здравый смысл в судебном доказывании // Российский судья. – 2019. – № 8. – С.15-20; Алешкова, И.А., Молокаева, О.Х. Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые // Конституционное и муниципальное право. – 2019, – № 8. – С. 41-45; и др.

эмоциям, воображению, воле и т. д.¹ Иными словами, интеллект это свойство человека, при наличии которого, он, как правило, может участвовать в правоотношениях.

В случае с цифровым разумом (ИИ) для его равноправного участия в правоотношениях можно пойти двумя путями: 1-й изменить юридическую теорию и практику, приняв новую концепцию субъектов правоотношений в виде естественных и искусственных интеллектов. В этом случае это будут сравнимые субъекты. Следует учитывать и тот факт, что развитие цифровых технологий уже приближает нас к полной виртуализации правоотношений. Уже сейчас эти отношения весьма распространены (купля-продажа, государственная регистрация, уплата налогов, штрафов, и т.д.). В связи с данными обстоятельствами данный подход имеет право на существование.

2-ой путь – по аналогии с физическим субъектом, целесообразно, рассматривать в качестве субъекта правоотношения не только цифровой разум (далее ЦР), но и всю киберфизическую систему – носителя цифрового разума².

В-третьих, правовое обеспечение участия ИИ в качестве объекта, инструмента или субъекта правоотношений должно включать нормы, регулирующие механизмы охраны и защиты от возможных негативных последствий³ применения ИИ в правовом регулировании.

Кроме того, в ближайшей перспективе правового развития регламентации применения ИИ в правовых отношениях необходимо:

- обеспечение благоприятных правовых условий для доступа к данным, преимущественно обезличенным, включая данные, собираемые государственными органами и медицинскими организациями;

¹ Интеллект // Новая философская энциклопедия : в 4 т. - М.: Мысль / под ред. В.С. Стёпина. – М. : Мысль, 2000-2001.

² Например, в одном из распоряжений Правительства РФ ИИ уже рассматривается как разновидность киберфизической системы. См.: п.5 Распоряжения Правительства РФ от 23.03.2018 № 482-р (ред. от 26.06.2019) «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Технет» (передовые производственные технологии)»// СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 03.12.2019).

³ См., подробнее об угрозах в связи с применения ИИ в правоотношениях: Алешкова И.А., Молокаева, О.Х. Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8. – С. 41-45.

- обеспечение правовых режимов доступа к данным, проведения научных исследований, создания технологий искусственного интеллекта и разработки технологических решений на их основе;
- формирование правовой базы для внедрения технологий на основе искусственного интеллекта;
- устранение административных барьеров при экспорте продукции (работ, услуг) гражданского назначения, созданной на основе искусственного интеллекта;
- создание единых систем стандартизации и оценки соответствия технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта;
- развитие международного сотрудничества Российской Федерации по вопросам стандартизации и обеспечение возможности сертификации продукции (работ, услуг), созданной на основе искусственного интеллекта;
- стимулирование привлечения инвестиций для разработки технологий ИИ;
- разработка этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом¹.

Представленный перечень направлений правового развития, установленный Указом Президента РФ можно дополнить еще одной позицией. Правовое регулирование использования ИИ помимо традиционного (буквенного) права должно обеспечиваться цифровым правом, т.к. в основе ИИ лежат цифровые технологии, следовательно, использование цифрового права в регламентации указанных процессов это насущная необходимость развития ИИ-технологий и их правового развития.

Таким образом, к настоящему моменту, правовое регулирование применения ИИ в правоотношениях в России находится в стадии разработки. В настоящее время ИИ выступает в качестве объекта и инструмента (средства) правового регулирования. В качестве субъекта правоотношений ИИ можно пока рассматривать лишь в перспективе.

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу 21.11.2019).

4.9. Юрислингвистическая регулятивная характеристика скрытых угроз в цифровом пространстве

Терроризм – одно из опаснейших преступлений современности, посредством которого причиняется существенный вред широкому кругу охраняемых законом общественных отношений. Опасность терроризма признается повсеместно во всех современных государствах, национальных правовых системах, в международном праве. Терроризм – опасное явление, но не менее опасна и информация о терроризме, так эта информация может вызывать опасение, страх и панику у населения. Следовательно, информация о терроризме может служить орудием влияния на поведение людей и средством давления на публичную власть в виде угроз применения террористических актов. Угрозы – это определенные лингвистические формы, отражающие мнимые или реальные намерения субъекта угрозы причинить физический, имущественный или иной вред личности, государству и обществу в целом¹.

В последние годы распространенным объектом террористических угроз стали образовательные организации. 2019 год был особенно «богат» на угрозы в отношении школ, детских дошкольных организаций и других учреждений.

Так, 31 января 2019 года многие директора в России получили ложные сообщения на электронную почту содержащие информацию о заложенных в школах взрывных устройствах. Всего 31 января было «заминировано» более ста учреждений по всей России². Тенденция на использование цифровых угроз сохранилась в течение всего 2019 года. 10 декабря 2019 года практически был поставлен рекорд ложных угроз, транслируемых с помощью интернета, когда более 120 тысяч человек были вынуждены покинуть здания из-за анонимных сообщений о бомбах³.

¹См. подробнее об угрозах: Головкин, Р.Б. Право и угрозы // Вестник Владимирского юридического института ФСИН России. – № 1(46). – 2018. – С. 153-159.

² Минаева, В. Когда это закончится? Издевательство над психикой детей: Россию накрыла новая волна лже-минирований // <https://www.vladimir.kp.ru/daily/26936.4/3986785/> (обращение к ресурсу: 20.01.2022).

³ Чердникова, С. Российские детсады и школы стали мишенью для телефонных террористов // <https://www.bfm.ru/news/431725> (обращение к ресурсу: 20.01.2022)

Обозначенный тренд, сформировавшийся в развитии терроризма опасен, но, достаточно «прозрачен» для определения виновности субъектов транслирующих данную разновидность цифровых угроз. Сложнее определить скрытые цифровые угрозы террористических актов.

Для выявления и квалификации подобных угроз требуется специальное юрислингвистическое исследование. Процесс выявления закономерностей скрытых цифровых угроз сложен, противоречив и связан с речевыми особенностями угрожающей информации.

Рассмотрим данный процесс на конкретном примере. Авторам статьи поступил запрос от УМВД России по г. Владимиру на проведение юрислингвистического исследования материалов, представленных в скриншотах сообщений, поступивших на электронную почту гимназии № 23 г. Владимира (31.01. 2019 г. и 01.02.2019 г.).

На разрешение специалистов поставлен следующий вопрос:

Содержатся ли в представленных на исследование материалах (скриншотах сообщений, поступивших на электронную почту гимназии № 23 г. Владимира 31.01. 2019 г. и 01.02.2019 г.) лингвистические признаки угрозы террористического акта по отношению к образовательной организации МАОУ г. Владимира «Гимназия № 23»?

Объект исследования составили сообщения, поступившие на электронную почту Гимназии №23, аналогичного сообщения, поступившего на электронный адрес городской больницы №1 им. Г.И. Дробышева города Магнитогорска:

1. Сообщение (скриншот) от 31.01.2019; 8:39 на электронные адреса Mgb1@mail.ru; sch-23@mail.ru: «31.02.19 12:00 2 этаж, да придет правосудие».

2. Сообщение (скриншот) от 01.02.2019; 8:13 на электронный адрес sch-23@mail.ru: «Разминка окончена. 10:00».

3. Сообщение (скриншот) от 01.02.2019; 15:58 на электронный адрес sch-23@mail.ru: «вы показали, что все, что мы делаем бесполезно. gip34bor2onion3301t.me/donald_fuck».

4. Сообщение (скриншот) от 01.02.2019; 16:00 на электронный адрес sch-23@mail.ru: «встретимся в понедельник. Нагорная проповедь. Апокрифы».

Для установления факта скрытой цифровой угрозы терроризма в представленных сообщениях использовались следующие методы лингвистического анализа:

- предметно-тематический, в ходе которого установлен предмет речи, то, что сказано о предмете речи, содержательные типы высказываний;

- оценочно-экспрессивный, в ходе которого установлена выраженность в высказываниях эмоциональной оценки предупреждения типа «вам будет плохо»;

- целевой анализ, в ходе которого установлена угроза как комплексная речевая цель высказываний,

- лексико-семантический и лингвостилистический анализ.

Исследование проводилось в соответствии с методиками производства психолого-лингвистических исследований¹.

В результате предметно-тематического, оценочно-экспрессивного, целевого, а также лексико-семантического и лингвостилистического анализа речевых сообщений, проведенного с учетом коммуникативной ситуации, установлено, что в исследуемых высказываниях содержатся следующие признаки: содержится информация о предмете речи, выражена модальная и эмоциональная оценка предупреждения типа «вам будет плохо» в функции угрозы насильственных действий, выражена речевая цель побуждения к речевой эмоции типа «страх».

С лингвистической точки зрения тематика представлена пропозитивным содержанием текстовых высказываний – языковым воплощением определенной ситуации в действительность: «31.02.19 12:00 2 этаж, да придет правосудие», «Разминка окончена. 10:00», «Вы показали, что все, что мы делаем бесполезно», «встретимся в понедельник». Предмет речи – экстремистские действия – можно назвать «скрытым», поскольку он не обозначен прямо. Это имплицитное вы-

¹ Кукушкина, О.В., Сафонова, Ю.А., Секераж, Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ЭКОМ-Паблицер. – 2011. – 326 с.; Баранов, А.Г., Кунина, М.Н. Дискурсивные особенности текстов в предметной области «терроризм» // Жанры речи. Вып. 3. – Саратов. – 2002. – С. 231-239; Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – Москва: ФЛИНТА, 2017. – 592 с. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Монография. – Барнаул: АГПА, 2009; Галяшина, Е.И. Лингвистика экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М., 2006; Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М., 2005; Радбиль, Т.Б., Юматов, В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – №3(2). – С. 18-21; Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов: сб. науч. тр. / общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170-222.

ражение предмета речи; оно устанавливается путем логико-семантического следования («Носитель языка, которому предъявлено предложение Р, может построить ряд других предложений (Q1, Q2), которые следуют из Р, или, иначе говоря, являются следствиями Р»¹), которое позволяет сделать вывод типа «если сказано А, значит сказано и В». Представленные для анализа высказывания содержат семантический компонент угрозы насильственных действий: целенаправленное нагнетание страха («да придет правосудие», «Разминка окончена», «Вы показали, что все, что мы делаем бесполезно», «встретимся в понедельник») без конкретной номинации действий, однако с указанием конкретного времени (12:00; 10:00) позволяет адресату «домысливать» ситуацию, предвидя возможные трагические последствия скрытых угроз.

Выявленный путем логико-семантического следования семантический характер высказываний подтверждается и так называемой «подкрепляющей» информацией², которую обнаруживаем в первом адресе (второй – адрес гимназии №23) первого сообщения: «Mgb1@mail.ru» - это адрес электронной почты городской больницы №1 им. Г.И. Дробышева города Магнитогорска. В этом городе 31 декабря 2018 года произошел взрыв в жилом доме, в результате чего погибли 39 человек (поначалу данное трагическое происшествие было расценено Следственным комитетом РФ как результат взрыва бытового газа, однако позднее стало известно, что запрещенная в Российской Федерации террористическая организация «Исламское государство» взяла на себя ответственность за произошедшее в Магнитогорске). После этого (21.01.2019 г. и 22.01.2019г.) практически все социальные учреждения города получили по электронной почте предупреждения об угрозе новых взрывов. В частности, такое письмо поступило и в городскую больницу №1, адрес которой указан в первом анализируемом сообщении. Также после получения аналогичного письма была эвакуирована одна из магнитогорских школ³.

¹ Кобозева, И.М. Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания. Научный доклад, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 2003. – С. 184.

² См. Кукушкина, О.В., Сафонова, Ю.А., Секераж, Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвостилистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М., 2011. – С. 85.

³ Это не учения. Подробности ЧП в магнитогорской школе // <https://www.magcity74.ru/news/45522-jeto-ne-uchenija-podrobnosti-chp-v-magnitogorskoj-shkole.html> (обращение к ресурсу: 25.10.2022)

Естественно, что руководство всех социальных учреждений России, в особенности больниц, поликлиник, дошкольных и школьных учреждений, усилило меры безопасности. В этом ключе понятна и закономерна реакция руководства лингвистической гимназии №23 г. Владимира (организация эвакуации, которая, как и выезд «тревожных» групп, должна проводиться обязательно, что приводит к появлению у людей чувства страха, незащитности и дискомфорта в создавшейся ситуации) после получения 31.01. 2019 г. и 01.02.2019 г. сообщений по электронной почте, в первом из которых даже указывается время (12.00) «пришествия» правосудия на 2 этаж школы – места, где, помимо учебных кабинетов, располагается руководство гимназии и учительская.

«Подкрепляющая» информация свидетельствует о косвенном речевом акте угрозы насильственных действий. Признаком такого имплицитного речевого акта является и отсутствие в высказываниях конкретных обращений, тем не менее адресаты угрозы легко определяются по двум адресам электронной почты: Mgb1@mail.ru; sch-23@mail.ru – это электронные адреса городской больницы №1 им. Г.И. Дробышева города Магнитогорска и образовательной организации МАОУ г. Владимира «Гимназия № 23».

Несмотря на желание адресанта (отправителя речи) сообщений скрыть явные экстремистские намерения, – в высказываниях открыто не говорится о каком-либо насилии – используемые им языковые средства свидетельствуют о его стремлении сформировать у адресата идею причинения ему вреда. Так, желательность и необходимость «правосудия» обосновывается с помощью побудительного типа предложения с глаголом-сказуемым в форме 3 лица единственного числа с формообразующей частицей «да»: «да придет правосудие». Таким образом, угроза вербализуется использованием побудительного содержательного типа высказывания, т.е. выражается эксплицитно (явно, открыто), хотя при этом автор не говорит о себе как об исполнителе угрозы. С лингвистической точки зрения в подобном случае имеет место предупреждение о негативных последствиях.

Для косвенной формы выражения речевого акта угрозы также характерна элиминация (ослабление) некоторых компонентов угрозы: в нашем случае – в анализируемых высказываниях – это скрытое, явно невыраженное обозначение говорящего (автора сообщений);

ослабление побуждения адресата к конкретным действиям; расплывчатое, неконкретное выражение характера ущерба / вреда для адресата («Разминка окончена», «вы показали, что все, что мы делаем бесполезно», «встретимся в понедельник. Нагорная проповедь. Апокрифы»). При этом сохраняются отличительные признаки коммуникативного намерения угрозы: идея причинения вреда, направленность акта в будущее время («да придет правосудие»), идея неотвратимости какого-то действия, наносящего ущерб адресату («вы показали, что все, что мы делаем бесполезно», «встретимся в понедельник»).

Выявленное коммуникативное намерение угрозы насильственных действий выражается с помощью императивной конструкции, о которой уже говорилось («да придет правосудие» – сказуемое представлено формой повелительного наклонения глагола 3 лица единственного числа с формообразующей частицей «да»). В ней [в конструкции] элиминирован (не выражен) субъект угрозы, т.е. не указывается, кем должно быть совершено «правосудие»; не обозначено также конкретное действие по осуществлению «правосудия» и не конкретизирован адресат угрозы – кто именно подлежит «правосудию», однако, как подчеркивалось выше, объекты (адресаты) угрозы (а это необходимый компонент данного экстремистского значения) обозначены в адресах электронной почты – социальные учреждения (городская больница №1 им. Г.И. Дробышева города Магнитогорска и образовательная организация МАОУ г. Владимира «Гимназия № 23»).

Таким образом, признаки имплицитного косвенного речевого акта угрозы сохраняются.

Как известно, смысл текста не является механической суммой буквального смысла отдельных слов и высказываний. У текста своя структура и грамматика. Особенно существенны при этом анафорические связи, т.е. наличие отсылок к предупомянутому. В анализируемом тексте (а именно таковым является в целом весь ряд высказываний, содержащихся в сообщениях, пришедших на электронный адрес гимназии №23, – это как раз и подтверждается наличием анафорических связей – см. далее) есть такие связи: во втором сообщении, от 01.02.2019, говорится об окончании «разминки» (<скоро будут совершены действия, разминка по которым окончена>, – таково смысловое содержание этого сообщения) и обозначается время («10.00») – явный отсыл к первому сообщению, от 31.01.2019, в котором объяв-

лялось о грядущем «правосудии» (<справедливое решение дела скоро осуществится> – таково смысловое содержание первого письма) и также было обозначено время («12.00»), после чего была проведена эвакуация учебного заведения. Второе сообщение стало причиной повторной эвакуации школы, после чего в тот же день, 01.02.2019, в 15.58 на электронный адрес гимназии приходит третье сообщение: «вы показали, что все, что мы делаем бесполезно. gip34bor2onion3301t.me/donald_fuck» (<представители школы – «вы» – что-то делали не так, не удовлетворили каких-то интересов, потребностей или требований авторов письма>) – опять отсыл к предыдущей ситуации. И, наконец, в четвертом сообщении (того же дня, в 16.00, через две минуты после третьего) говорится о встрече «в понедельник» (<некие действия будут совершены в понедельник>), т.е. налицо анафорическая связь с предшествующим высказыванием: если все, что делается «авторами» (определенно-личный тип односоставного предложения «встретимся в понедельник» позволяет говорить о множественном числе – сказуемое выражено глаголом в форме будущего времени 1 лица множественного числа), бесполезно, то придется «встречаться» еще раз – такой вывод позволяет сделать и применение приема логико-семантического следования (см. выше).

Итак, прием анафорических связей повышает убедительность содержания высказываний, усиливает категоричность угрозы и придает тексту завершенность.

В четвертом сообщении, от 01.02.2019, 16.00, обращают на себя внимание последние слова – «Нагорная проповедь. Апокрифы». Нагорная проповедь – это изречения Иисуса Христа, в которые входят известные молитвы (например, «Отче наш») и заповеди. Апокрифы – религиозные произведения, не включенные в церковный канон. Анафорическую связь данных выражений с предтекстом установить довольно проблематично. Однако они [данные высказывания] вызывают ассоциации с внешне религиозным характером многих террористических организаций. К примеру, таков внешний характер «Исламского государства» (запрещенного в России), взявшего на себя ответственность за взрыв 31.12.2018 г. в жилом доме в г. Магнитогорске, куда на адрес городской больницы №1 было отправлено, так же, как и на адрес гимназии №23, первое сообщение. Следовательно, предло-

жения «Нагорная проповедь. Апокрифы» тоже представляют собой имплицитную угрозу.

Широкий контекст, ситуация речи (далее – конситуация) – мощный механизм формирования нужной автору оценки. В нашем случае на оценивание содержания высказываний как угрозы применения насильственных действий «работает» конситуация, описанная выше («подкрепляющая» информация): сообщение о возможном и желательном справедливом решении дела («12.00 да придет правосудие») было отправлено не только на адрес гимназии №23, но и на адрес больницы №1 г. Магнитогорска.

На основании вышесказанного определяется речевая цель анализируемых сообщений – добиться посредством передаваемой информации определенной реакции получателя, а именно: побудить его к речевой эмоции страха. Подобная цель является одним из компонентов террористического значения «угроза применения насилия, опасного для многих лиц».

В целом, проведенное исследование позволило выявить в представленных материалах (скриншотах сообщений, поступивших на электронную почту гимназии № 23 г. Владимира 31.01. 2019 г. и 01.02.2019 г.) лингвистические признаки угрозы применения насилия по отношению к образовательной организации МАОУ г. Владимира «Гимназия № 23», которая является объектом социальной инфраструктуры.

На основании лингвистического анализа в представленных на исследование сообщениях усматриваются так же и юридические признаки объективной стороны преступления, предусмотренного частью второй статьи 207 Уголовного кодекса Российской Федерации «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»¹. Объективная сторона преступления в рассматриваемом случае проявляется в заведомо ложном сообщении о действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное в отношении объектов социальной инфраструктуры.

¹ Ст. 207 УК РФ в ред. Федерального закона от 31.12.2017 № 501-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 20.01.2022).

Таким образом, опираясь на юрислингвистический анализ случаев скрытых цифровых угроз совершения террористических актов следует отметить следующие обстоятельства.

Во-первых, для квалификации скрытой угрозы совершения террористического акта, необходим препозиционный ряд открытых лингвистически однозначных угроз. При этом, следует иметь ввиду. Что препозиционные угрозы могут высказываться необязательно в отношении объектов скрытой угрозы, эти угрозы могут относиться к любым объектам или субъектам, единственное условие эти угрозы должны получить широкую огласку.

Во-вторых, интернет как информационно-цифровое средство совершения рассматриваемого типа противоправных деяний выступает фактором, обеспечивающим действенность скрытых угроз, так как, с помощью интернета не только транслируются открытые или скрытые лингвистические угрозы, но и выступает средством быстрого распространения информации об угрозах.

В-третьих, лица использующие цифровые угрозы (и открытые и скрытые), как правило, совершают эти действия максимально скрытно и руководствуются самыми различными побуждениями от хулиганства, до принуждения администрации к каким-либо действиям. В связи с данным обстоятельством, представляется целесообразным, исключить из части первой статьи 207 уголовного кодекса Российской Федерации «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», мотив совершения данного вида преступления: «совершенное из хулиганских побуждений». Дело в том, что рассматриваемое деяние опасно, вне зависимости от побуждений.

В-четвертых, *цифровая угроза террористического акта* – это транслируемое с помощью информационно-цифровых средств сообщение в виде иллокутивного (речевого) акта (прямого или скрытого), содержащего для объекта иллокуции негативную информацию, которая вызывает у него чувство опасности и эмоцию страха.

В-пятых, в связи распространенностью в последнее время цифровых угроз (явных и скрытых) представляется необходимым ввести в уголовный кодекс специальную статью 207.1 «Цифровые угрозы совершения террористического акта»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование исторической обусловленности современного правового регулирования и выявленные тренды совершенствования воздействия права на общественные отношения свидетельствуют о генетической связи социально-политических, доктринальных процессов и правового регулирования.

Опыт десятилетий показывает общие тенденции развития права в зависимости от складывающихся социально-политических условий времени.

В Конституциях РСФСР 1918 г. и 1925 г. закладывалась основа государственной идеологии, выраженная в декларации об уничтожении эксплуатации человека человеком. Это подтверждалось и рядом нормативных правовых актов СССР, среди которых хочется выделить именно уголовно-правовую сферу.

Сюда можно отнести декреты СНК РСФСР от 29 января 1921 г., от 9 мая 1921 г. и от 22 декабря 1921 г., которые установили уголовную ответственность за уклонение от трудовой повинности и трудовое дезертирство. Ответственность за названные преступления предусматривалась ст. 79 и 126 УК РСФСР 1922 г., ст. 61 УК РСФСР 1926 г. Фактически государство уничтожало эксплуатацию и вводило самопринуждение к трудовой повинности с обязательным соблюдением уголовного законодательства. Ответственность за названные преступления предусматривалась ст. 79 и 126 УК РСФСР 1922 г., ст. 61 УК РСФСР 1926 г.

В итоге эксперименты с революционным изменением мира привели к тому, что диктатура одного класса сменилась еще большей диктатурой другого социального слоя, который получал заряд агрессии, основываясь на теоретических рассуждениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, представлявших государство в форме института классового насилия. Сформированная модель государственного устройства предлагала универсальное решение проблемы – запрет частной соб-

ственности. Однако практическая реализация данного предложения показала его «нежизнеспособность» как средства социального примирения. Конфликты разгорались вновь вплоть до «политики военного коммунизма».

В этот же период непоследовательность законотворческих действий и небрежное отношение к терминологии привело к противоречивой ситуации: в условиях существования объявленной войны классу эксплуататоров НЭП вводил новый предпринимательский слой. Помимо этого, были изменены и привычные социалистические элементы экономики (введена многоукладность и рыночная система).

В. И. Сталин усугубил нарастающие идеологические, экономические и юридические противоречия путем укрепления правоохранительных органов (ОГПУ и НКВД) и обесценивая вклад Ленина в формирование идеологии. Итогом стало нарушение правовых стандартов государственного строительства и полная свобода Сталина В. И. в создании законодательной базы СССР.

Ярким примером политики диктатора стали, с точки зрения В. Н. Кудрявцева и А. И. Трусова, «политические репрессии советского времени, которые следует оценивать двояко: и как грубейшую деформацию самого законодательства по сравнению с нормами цивилизованного общества, и как преступные нарушения той элементарной законности, которая еще сохранялась в некоторых юридических документах»¹. В результате складывается «чрезвычайщина», то есть создание правовой системы в условиях чрезвычайного положения. По этому пути шли государственные институты, идеология, суды, прокуратура и т.д.

В итоге государство само задает тенденции развитию законодательства, порой выстраивая социальную и политическую картину под свои нужды и это приводило к регулярным неточностям законодательства и правового регулирования.

Так, в УК РСФСР 1926 г. суду были переданы обширные полномочия при определении подсудимого опасным. Возникал вопрос о критериях признания лица опасным преступником. Что считалось сущностью явления: предварительная судимость или неоднократно совершен-

¹ Кудрявцев, В.Н., Трусов А.И. Указ. соч. С. 8.

ные преступления, которые не были своевременно раскрыты, и за них лицо не понесло наказание?

В рамках исследования были выявлены и иные противоречия, которые подтвердили, что статьи Общей части УК РСФСР 1926 г. были не согласованы друг с другом: в одних статьях под рецидивом понимался рецидив специальный, в других – общий. Нечетко определены критерии признания рецидива. С одной стороны, основанием выступала предшествовавшая судимость; с другой – факт совершения преступления, за которое лицо не было осуждено по причине его латентности. Так, понятие «мера социальной защиты» применялось вместо «наказания», что нарушало терминологическую точность и приводило к регулярным злоупотреблениям со стороны судебной системы.

Если законодатель употреблял термины «наказание» и «мера социальной защиты» как равнозначные, то приходится признать, что реформа имела значение реформы терминологической. В то же время категория «мера социальной защиты» судебно-исправительного характера по содержанию выступала как наказание. Возникает вопрос: зачем законодатель вводил столь сложные обороты вместо привычной терминологии?

Вывод очевиден: государство пыталось подстроить терминологию под особенности государственной идеологии. Как отмечал Е. Пашуканис: «Изменение терминологии имеет декларативное значение. Однако вопрос по существу не решается декларациями. Превратить наказание из возмездия в воздаяние, в целесообразную меру защиты общества и исправления социально-опасной личности – это значит разрешить огромную организационную задачу, которая лежит вне чисто судебной деятельности».

Созданная в 1920-е годы прошлого столетия «обновленная» законодательная база была лишь отражением государственной идеологии, которая влияла на качество применяемых актов и их технико-юридическую проработанность. Подобные действия замедляли процесс развития права, а также усложняли работу юристов, делая правовую систему СССР хаотичной.

«Юридическая геополитика» как новое междисциплинарное понятие стало инструментом для изучения особенностей формирования правовой системы под влиянием иных факторов. Стала очевидна необходимость учета не только интересов диктатора – государства, но и различных социально-экономических процессов.

На современном этапе правовое регулирование характеризуется повышением законодательного внимания к соответствию декларируемых идей и принимаемых нормативных правовых актов.

Результатом реформ и осмысления негативного опыта идеологического построения правовой системы можно считать действующую Конституцию Российской Федерации. Это важнейшее достижение постсоветского развития общества. Надо заметить, что, будучи принятой в условиях переходного этапа развития страны, Конституция 1993 г. отличается тем, что ее отдельные положения носят отчасти декларативный характер и фиксируют отчасти принципы, цели, чем существующие реальности. Речь идет как бы об эффекте опережающего действия Конституции в плане признания России правовым, социальным государством, призванным служить обществу и людям, всесторонне гарантировать права и свободы человека и гражданина.

Однако государство лишь фрагментарно сформировало необходимую базу для дальнейшего развития правовой системы. Отсутствие закона «О законах» привело к расхождению в современном правовом регулировании, вызванном особенностью статуса ненормативных актов.

Например, письма, распоряжения и другие правовые акты, адресованные подведомственным субъектам правоотношений, вне зависимости от наименования актов могут обладать как нормативными, так и ненормативными юридическими свойствами.

Тенденции и динамика изменений в правовом регулировании обусловлены развитием не столько интересов государства, сколько социально-экономическим развитием общества. Развитие цифровых технологий требует глобального реформирования фундаментальных подходов (например, проработки понятия «цифровое правовое регулирование»). Анализ юридической техники цифровизации правового

регулирования в современной России позволяет заключить, что целесообразно рассматривать два направления данного процесса. Первое направление – формирование цифровых форм выражения законодательства и правореализующих актов. Второе направление – формирование цифрового права как отрасли права, регламентирующей отношения, возникающие в связи с цифровизацией права. Вместе с тем стремительная интеграция новых технологий в правовую систему не может быть абсолютна, иначе это вызывает нарушения прав человека и гражданина. Важно выдерживать баланс интересов и централизоваться на общественном благе.

Другим примером новых тенденций является право квантовых технологий – это система правовых (нормативных и ненормативных) актов, регулирующих деятельность по правовой защите, систематизации, упорядочению, организации и внедрению в общественную практику исследований и достижений в области квантовых технологий.

Достижения в области ИИ актуализируют теоретические споры о том, кто может выступать субъектом права. Как саморазвивающаяся система, построенная по образу человеческого мозга, может выступать в правовой среде. Не на все вопросы сейчас возможно дать однозначный ответ.

Таким образом, в целом, как показало проведенное исследование, – тенденции развития современного правового регулирования обуславливаются историко-правовыми процессами функционирования государства и права, а также развитием современных технологий. В рамках исследования были охарактеризованы основные причины, по которым законодательство СССР было наполнено противоречиями. Комплексное исследование данных проблем привело к формированию новых научных идей и школ, что вылилось в более качественную проработку современных нормативных правовых актов. Рассмотренные тенденции развития правового регулирования проявляют новые задачи, решение которых возможно только при слиянии теории и практики правового регулирования с современными технологиями и процессами социального взаимодействия и развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022)) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 18.02.2022).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 18.02.2022).

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 13.01.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 18.02.2022).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // СПС «Консультант Плюс» (обращение к ресурсу: 18.02.2022).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021). // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 06.10.2022).

7. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О выборах Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 06.10.2022).

8. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 06.10.2022).

9. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) //

СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 06.10.2022).

10. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 03.10.2022).

11. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 03.10.2022).

12. Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 03.10.2022).

13. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 25.09.2022).

14. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 25.09.2021).

15. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 14.02.2022).

16. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 16.09.2022).

17. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 14.02.2022)

18. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2021) // СПС «Консультант Плюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 01.12.2022).

19. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 10.11.2022).

20. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 06.10.2022).

21. Перечень поручений по вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 28.02.2019 № Пр-300) // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 06.10.2022).

22. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» Утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // СПС «КонсультантПлюс» <http://www.consultant.ru/> (обращение к ресурсу: 06.10.2022).

23. Закон г. Москвы от 8 июля 2009 года N 25 «О правовых актах города Москвы» (с изменениями на 19 мая 2021 года) // <https://docs.cntd.ru/document/3711954> (обращение к ресурсу: 30.11.2021).

24. ГОСТ Р 43.0.8-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человекоинформационное взаимодействие. Общие положения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 27.07.2017 № 757-ст // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 20.11.2022).

Книги, статьи, монографии

25. Аверкин, А.Н., Гаазе-Рапопорт, М.Г., Поспелов, Д.А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. – М.: Радио и связь, 1992. – 256 с.

26. Алешкова, И.А., Молокаева, О.Х. Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 8 – С. 41-45.
27. Бакунин, М.А. Избранные философские сочинения и письма. – М.: Мысль, 1987. – 573 с.
28. Барлукова, А.В. Механизм управления как неотъемлемый элемент системы управления туризмом // Известия Байкальского государственного университета. -2010. - С. 121-124.
29. Борисова, И.Д. Некоторые аспекты юридической геополитики // Вестник Владимирского юридического института ФСИН РФ. - Владимир: Изд-во ВЮИ ФСИН РФ. - 2019. - № 1 (50).
30. Бурганов, А.Х. Октябрьская революция – социалистическая? // Кентавр. – 1992. – № 11-12.
31. Бычкова, А.Н. Экономический механизм: определение, классификация и применение // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2010. – № 4. – С. 37-43.
32. Вершинин, А.Д. Деформация судебной защиты гражданских прав и интересов в конце 20-х – начале 30-х годов // Советское государство и право. – 1989. – № 8. – С. 132-136.
33. Виноградов, В.В. История слов. // В.В. Виноградов. – М., 1999. – 1138 с.
34. Внешняя торговля СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки. М.: Внешторгиздат. 1958.
35. Габов, А.В., Хаванова, И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – С.222;
36. Гимпельсон, Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. – М.: Наука, – 1995. – 229 с.
37. Глебов, И.Н. Искусственный юридический разум. URL: <https://techcrunch.com/2017/10/26/saudi-arabia-robot-citizen-sophia> (обращение к ресурсу: 22.11.2021).
38. Гринберг, М.С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов // Государство и право. – 1993. – № 1. – С. 72.
39. Гринев, А.В., Ирошников, М. П. Россия и политаризм // Вопросы истории. – 1998. – № 7. – С. 36-46.
40. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.

41. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., – 1955. – Т. 2. – 779 с.

42. Дорфман, Л. Дивергентное мышление и дивергентная индивидуальность: ресурсы креативности // Личность, креативность, искусство / Отв. ред. Е.А. Малянов, Н.Н. Захаров, Е.М. Березина, Л.Я. Дорфман, В.М. Петров, К. Мартиндейл. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, Прикамский социальный институт, 2002. – С. 89–120.

43. Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы утвердила Хартию о судебном применении искусственного интеллекта // URL: gapsinews.ru/international_news/20181204/292074043.html.

44. Ерохина, Е.А. Геополитика как научная дисциплина и тип пространственного проектирования // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2012. – Т. 10. – № 2. – С. 95-101.

45. Ефремов, А.Ф. Принципы законности и проблемы их реализации. – Тольятти: Изд-во ТолПИ, 2000. – 298 с.

46. Жуйкова, Т.В. Средства правового регулирования: понятие, признаки, виды, и их отличие от способов правового регулирования // Право и политика. – 2010. – № 7. – С. 1343-1347.

47. Зверев, А.Ф. Теория бюрократии: от М. Вебера к Л. фон Мизесу // Советское государство и право. – М.: Наука, 1992. – № 1. – С. 88-94.

48. Зеленин, И.Е. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопросы истории. – 1998. – № 1. – С. 116.

49. Зиновьев, Г. Основные итоги XII съезда РКП(б) // Под знаменем коммунизма. – 1923. – № 4.

50. Иванников, И.А. В поисках идеала государственной формы России (из истории русской политико-правовой мысли второй половины XIX–XX вв.). – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2000. – 240 с,

51. Иванников, И.А. И.В. Сталин и Советское государство: идеи и практика их реализации. – Ростов-на-Дону, 1998. 120 с.

52. Информационная система // Словари и энциклопедии на Академике // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/101791#sel=9:1,9:4> (Обращение к ресурсу: 26.09.2021).

53. Исаков, В.Б. Юридические факты // Теория государства и права. – М.: Юрайт, 2013 // <https://www.hse.ru/data/2014/03/25/1339764675/2013.pdf> (обращение к ресурсу: 30.11.2022).

54. Искусственный интеллект помогает парламенту Японии в законотворчестве // <http://loft36.de/strany-evropy/1730440-iskusstvennyj-intellekt-pomogaet-parlamentu-yaponii-v-zakonotvorchestve.html> (обращение к ресурсу: 22.11.2019).

55. Казанин, И.Е. Советская власть и русская интеллигенция: политико-правовые аспекты отношений (октябрь 1917–1919 гг.) // История права и государства. – 2000. – № 2. – С. 199.

56. Калугин, П.Е. Историческая динамика российско-турецких взаимоотношений в экономике и энергетике // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – Иркутск: Издательство ИрГУ. – 2015. – Т. 12.

57. Карпунина, В.В. Правовая антикультура: дис. ... канд юрид. наук: 12.00.01. – Владимир, 2011. – 163 с.

58. Карташов, В.Н. Теория государства и права. Начальный курс. – 2-е изд., перераб. и доп. – Кострома: Костромской государственный технологический университет, 2002. – 176 с.

59. Рассолов, М.М. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / М.М. Рассолов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. – 431 с.;

60. Карякин, В.В. Дефиниция и парадигмы геополитического исследования // Геополитический журнал. – № 1 (13). – 2016. – С. 22 – 34.

61. Киселев, С. Сбербанк пригласил в Россию искусственный интеллект//http://www.ng.ru/economics/2019-11-07/100_133207112019.html (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

62. Ключкова Ю.А. Правовая конвергенция и дивергенция в условиях глобализации: теоретико-методологические аспекты // Философия права. – 2010. – №2.

63. Иванцова, Д.С. Конвергенция и дивергенция – новые трансформации в российском праве // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 3. – С. 149-152.

64. Колесникова, Ю.П. Содержание механизма интерполяции права // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 1 (46). – С. 168-171.

65. Колобова, Г.А. Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15. – № 4. – С. 1227-1230.
66. Кудрявцев, В.Н., Трусов, А.И. Политическая юстиция в СССР. – М.: Наука, 2000. – 365 с.
67. Лагорнер, Н., Крыленко Н.В. Лекции заочных курсов советского строительства. М., 1930. С. 18–19. Лаговиер, Н. О. Народный суд: Из цикла лекций «Заочных курсов советского строительства» / Н. Лаговиер; Ред. Н.В. Крыленко. – Москва: Власть советов, 1930. – 45 с.
68. Левакин, И.В., Шкарупин, А.Г. Научное познание закономерностей государства и права // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 1-6. - С. 37-40.
69. Левин, М. Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 16-28.
70. Ленин, В.И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г.// Полное собрание сочинений. Т. 42. – М.: Политиздат, 1970. – С. 104-108.
71. Ленин, В.И. О внутренней и внешней политике Республики // IX Всероссийский съезд Советов 23 – 28 декабря 1921 г. / Полное собрание сочинений. Т. 44. – М.: Политиздат, 1970. – С. 291-330
72. Леоненко, Н.Т. Законодательная техника: учеб. пособие / Н. Т. Леоненко. – Новосибирск: Издательство СибАГС, 2015. – 275 с.
73. Леонов, С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920 гг.) // Вопросы истории. – 1990. – № 12. – С. 29-46.
74. Макеев, Д.А. Интернациональная солидарность советских трудящихся с национально-освободительной борьбой египетского народа в 1913 – 1924 гг. // Научные труды. Тюмень: Тюменский госуниверситет. Сб. 3. 1974.
75. Макаров, О. ЕС предложили наделить роботов статусом «электронных лиц» // Интернет-издание «Газета РБК». URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/06/2016/576a725e9a7947a51464296b (дата обращения: 21.11. 2019).
76. Маннс, Г.Ю. Меры социальной защиты в уголовном кодексе РСФСР и в итальянском проекте уголовного уложения 1921 г. // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Факультет общественных наук. – Иркутск: Типография Иркутского губернского Военно-Потребительного Общества, 1923. – Вып. 6. – С. 222-266.

77. Маннс, Г.Ю. Отношение Уголовного Кодекса 1926 года к вине и опасному состоянию // Проблемы преступности. НКВД. – М., 1928. – Вып. 3. – С. 35–53.

78. Международный стандарт в сфере информатизации // <http://www.morepc.ru/informatisation/iso2381-1.html> (обращение к ресурсу: 26.09.2021).

79. Микоян, А.И. Монополия внешней торговли и импорта СССР // Энциклопедия советского импорта. Т. 1. – М.: Издательство Наркомторга СССР и РСФСР, 1929.

80. Митропан, И.Ю. Понятие и содержание юридической дивергенции // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 2 (47) – С. 185-189.

81. Намитоков, А. Пережитки родового быта и советский закон. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. – 55 с.

82. Загряцков, М.Д. Административная юстиция и право жалобы / М. Д. Загряцков. – 2-е изд., перераб. и знач. доп. – М. : Право и жизнь, 1925. – 244 с.

83. Никитин, С.В. Проблемы судебного оспаривания дефектных правовых актов, содержащих интерпретационные нормы / С.В. Никитин // Российское правосудие. – 2016. – № 3. – С. 37-46.

84. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. / Ф. Ницше. – М. : СП «Интербук», 1990. – 301 с.

85. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» (обращение к ресурсу: 26.09.2022).

86. Оболонский, А.В. Сталинизм и общество: морально-психологический аспект // Государство и право. 1993 № 3. С. 113–124;

87. Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; Под общ. ред. А.С. Пиголкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996. – 383 с.

88. Панихин, Ю.М. Чрезвычайные органы управления Советского государства в период военного коммунизма // Актуальные проблемы историко-правовой науки. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1978. – 125 с

89. Пискотин, М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия / М. И. Пискотин. – М.: Форум, 2001. – 442 с.

90. Познышев, С.В. Основные начала науки Уголовного Права. / С.В. Познышев. – Москва: А.А. Карцев, 1912. – 653 с.

91. Показий, А.В. Теоретические аспекты происхождения и применения в современном обществе терминов «геополитика», «геоэкономика» и «геостратегия» // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2012. – № 3 (31). – С. 39-43.

92. Рассказов, В.П. Роль карательно-репрессивных органов в установлении административно-командной системы в первые годы советской власти. – Уфа: УВШ МВД РФ, 1992. – 136 с.

93. Волобуев, П.В. Власть Советов: расчеты и просчеты (1917–1920 гг.) // Коммунист. – 1991. – № 11. – С. 80.

94. Самылова, О.А. Психологические механизмы духовно-нравственного развития в юношеском периоде // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 2. – С. 66-69.

95. Сбербанк начал предсказывать увольнения искусственным интеллектом

<https://www.rbc.ru/finances/18/10/2019/5da8a01c9a79473da5aff893> (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

96. Сбербанк с помощью ИИ предскажет выручку любой компании в России // <https://habr.com/ru/news/t/460293/> (обращение к ресурсу: 22.11.2022).

97. Совет Европы утвердил регламент применения искусственного интеллекта в правосудии. // URL: https://pravo.ru/news/207390/?desc_autoload (дата обращения: 22.11.2022).

98. СССР. Год работы правительства (материалы к отчету за 1926-27 бюджетный год). – М., 1927.

99. Внешняя торговля СССР. 1918 – 1966. Статистический сборник. – М.: Международные отношения, 1967.

100. Сталин, И.В. Доклад о советской автономии Терской области // Соч. Т. 4. – М., 1951.

101. Сталин, И.В. Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. // Соч. Т. 7. М., 1947. С. 158–159; его же. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. М., 1946. С. 641–646.

102. Сталин, И.В. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. М., 1951. С. 62. – 180 с.

103. Стецовский, Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность. Нормы и действительность. – Москва: Дело, 2000. – 717.

104. Сычева, О.А. Здравый смысл в судебном доказывании // Российский судья. – 2019. – № 8. – С.15-20.

105. Томсинов, В.А. Понятие юридической науки и ее роль в развитии и функционировании права / История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. – 2016. – № 4. – С. 5-31.

106. Торговый бюллетень Торгового представительства СССР в Турции. 1927. № 5–6.

107. Чиркин, В.Е. Элементы сравнительного государственоведения / В. Е. Чиркин. – М.: ИГПАН, 1994. – 151.

108. Гайдар, Е.Т. Государство и эволюция / Е. Т. Гайдар. – М.: Евразия, 1995. – 206 с.

109. Яковлев, А.Н. Банкиры и большевики // Известия. – 1996. – 22 мая.

110. Eidenmueller H. The rise of robots and the law of humans. Oxford Legal Studies Research Paper, – 2017. – No. 27. URL: <https://ssrn.com/abstract=2941001> (обращение к ресурсу: 22.11.2019);

111. Ökçun A.G. A Guide to Turkish Treaties (1920-1964). – Ankara, Üniversitesi Basimevi, 1966.

Исторические источники

112. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 37. – Ст. 1083.

113. ГАРФ. Ф. 5451. Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС).

114. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Совет Народных Комиссаров РСФСР.

115. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4459. Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) при СНК СССР.

116. Декрет «О печати» от 27 октября (9 ноября) 1917 г. // Декреты советской власти. – М., 1957. – Т. 1. – С. 24-25.

117. Декрет ВЦИК «О революционном трибунале печати» от 28 янв. (10 февр.) 1918 г. // Декреты советской власти. – М., 1957. – Т. 1. – С. 432–434

118. Документы внешней политики СССР. Т. II. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. – М.: Политиздат, 1958. – 804 с.

119. Документы внешней политики СССР. Т. III. – М.: Политиздат, 1959. – 724 с.

120. Документы внешней политики СССР. Т. IV. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. – М.: Политиздат, 1960. – 836 с.

121. Документы внешней политики СССР. Т. V. 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. – М.: Политиздат, 1961. – 808 с.

122. Документы внешней политики СССР. т. IX. 1 января – 31 декабря 1926 г. – М.: Политиздат, 1964. – 784 с.

123. Документы внешней политики СССР, т. X. 1 января – 31 декабря 1927 г. – М.: Политиздат, – 1965. – 688 с.

124. Документы внешней политики СССР. Т. XI. 1 января – 31 декабря 1928 г. М.: Политиздат, 1966. – 792 с.

125. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Народный комиссариат внешней торговли СССР; Ф. 484. Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз) СССР; Ф. 2324. Государственный банк СССР (Госбанк СССР); Ф. 3342. Всесоюзный синдикат силикатной промышленности «Продасиликат» ВСНХ СССР; Ф. 3270. Агентство, конторы и представительства акционерного общества «Аркас» на Ближнем Востоке; Ф. 4004. Государственный Волго-Каспийский лесопромышленный трест управления государственной промышленности ВСНХ СССР (Волгокаспийлес); Ф. 4039. Государственная экспортно-импортная торговая контора «Госторг»; Ф. 4040. Всесоюзное объединение по торговле со странами Востока (Востгосторг); Ф. 5240. Народный Комиссариат внешней и внутренней торговли СССР; Ф. 7590. Банк для внешней торговли СССР (Внешторгбанк); Ф. 7932. Русско-персидская банкирская контора (Русперсбанк). 1923 – 1929 гг.; Ф. 8317. Всесоюзная Восточная торговая палата.

Научное электронное издание

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТРЕНДЫ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Монография

Авторы-составители:

ТРЕТЬЯКОВА Ольга Дмитриевна
ЧЕРДАКОВ Олег Иванович
БОРИСОВА Ирина Дмитриевна
и др.

Издается в авторской редакции

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader; дисковод CD-ROM.

Тираж 25 экз.

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Изд-во ВлГУ
rio.vlgu@yandex.ru

Юридический институт
mdobrunina@mail.ru